

БУЛАТ ХАМИДУЛЛИН

ХАЗАРЫ И ИХ ВАССАЛЫ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

С Л О В О
КАЗАНЬ
2014

УДК 94 «04/14»
ББК 63. 3 (2) 412-991
X 18

Хазарское государство нельзя не учесть как важнейшее условие образования Киевской Руси в тех конкретно-исторических формах, в какие это государство вылилось как в политическом, так и в культурном своем содержании. Еще важнее роль хазар в истории Северного Кавказа и Поволжья, тех территорий, которые составляли основное ядро Хазарского каганата, и тех соседних областей, которые развивались под знаком хазарского политического и культурного влияния.

М. И. Артамонов, 1936

Хамидуллин Б. Л.

Хазары и их вассалы глазами современников / Б. Л. Хамидуллин. – Казань: «Слово», 2014. – 280 с.

В книге рассматриваются основные письменные источники о хазарах и Хазарском каганате, а также даются переводы на русский язык древних и средневековых тюркских, китайских, византийских, арабских, кавказских и иных текстов о древних тюрках, аварах, савирах, хазарах, болгарах, венграх, аланах, бургасах, славянах и русах.

Khamidullin B.L.

Khazars and their vassals as viewed by contemporaries

The book written by the candidate of historical sciences, honored worker in the sphere of culture of Tatarstan Bulat Lironovich Khamidullin deals with the main written sources on the Khazars and Khazar Khaganate. The Russian translations of ancient and medieval Turkic, Chinese, Byzantine, Arab, Caucasian and other texts about the ancient Turks, Avars, Savirs, Khazars, Bulgarians, Hungarians, Alans, Burtases, Slavs and Ruses are also considered in the work.

ISBN 978-5-98356-226-4

© Хамидуллин Б. Л., 2014
© ООО «Слово», 2014

I. ОСНОВНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ХАЗАРАХ

В исторических источниках, а также в историографии четко отражена важная роль хазар и Хазарского каганата в жизни многих государств и народов Евразии VII-X вв. [см., например: 1-4, 76-78]. Выходцы из «глубин Берзилии» «великий народ хазары» [так о них написано в «Хронографии» IX в. Феофана, цит. по: 5, с.61; см. также: 6, с.121-128; 7-8; 9, с.35-49] играли доминирующую роль в ранней истории восточных славян и венгров, существенную роль в становлении и развитии подвластных им Волжской Болгарии и Кавказской Алании, а также Киевской Руси, серьезную роль в истории Византии, Аббасидского халифата и Хорезма [см., например: 10-17]. Военное противоборство Хазарии и Омейядского халифата, могущество Хазарии как государства, способного противостоять нашествию любого многочисленного вражеского войска, спасло в VIII в. Центральную Европу от неминуемой экспансии с востока арабов-мусульман, пытавшихся огромными «тисками» через Пиренеи и Кавказ сузить жизненное пространство христианских стран [18-21]. В то же время прогрессивное развитие торговли и ремесла, скотоводства и земледелия, виноградарства и рыболовства у населения Хазарии привело к небывалому расцвету торгово-экономических взаимоотношений не только в Прикаспии и на Северном Кавказе, в Поволжье и Приуралье, Подонье и Крыму, но и на всей огромной территории от Сибири и Китая до Аравии, Африки, Западной Европы и Скандинавии [см., например: 22-27].

Социально-политические традиции *Rax Chazarica* в значительной степени способствовали тому, что Волжская Болгария и Кавказская Алания, Киевская Русь и Венгрия стали важной политической, военной и экономической силой в Восточной Европе с X в. до прихода сюда монголо-татар в первой половине XIII в. Отметим, что некоторые современные историки, чье мнение высоко ценится в научной среде, даже сформировавшуюся во второй половине XIII в. Золотую Орду именуют «наследницей Хазарии» [см., например: 16, с.313].

Все вышесказанное дало надежный повод всемирно известному американскому исследователю Питеру Голдену назвать Ха-

зарский каганат «одной из главнейших держав той эпохи», «одним из колоссов средневековой Евразии» с 300-летней историей [4, с.27-28].

Немаловажно также этнокультурное наследие Хазарского каганата (включавшего в свой состав тюркские, в первую очередь собственно хазар и болгар, иранские, финно-угорские, славянские и кавказские народы, еврейские общины Кавказа и Крыма), наблюдаемое в средние века и поныне на широких географических пространствах от Центральной Азии на востоке до Португалии на западе и от Ирана на юге до Среднего Поволжья на севере. Об этом со ссылками на письменные источники и историографию в научно-популярной форме достаточно подробно писал уроженец Венгрии Артур Кёстлер во второй части книги «Тринадцатое колено», изданной в 1976 г. [28-29]. В последующем его идеи о значительном этнокультурном наследии хазар были во многом подтверждены и развиты в трудах профессиональных исследователей и исторической публицике [см., например: 12; 30-38], а также в статьях биологов по изучению ДНК современных людей [75], хотя гипотеза о хазарских корнях европейского и американского еврейства не нашла сколько-нибудь весомой поддержки. В этой связи, однако, необходимо отметить, что еще до Артура Кёстлера одними из самых первых пропагандистов гипотезы о хазарских корнях мирового еврейства являлись австрийский историк и филолог Максимилиан Эрнест Гумплович и польский исследователь экономики евреев Игнатий Шиппер. Позднее их идеи радикально развил профессор Тель-Авивского университета Авраам Поляк в своей несколько раз переиздававшейся книге «Хазария», написанной на иврите [39]. В предисловии к ней он отмечал, что потомки хазар являются основой европейского еврейства, «а те из них, которые эмигрировали в Соединенные Штаты и иные страны, и те, кто уехал в Израиль, составляют ныне осязаемое большинство мирового еврейства» [цит. по: 28, с.2-3].

История хазар отражена в различных письменных источниках, большая часть из которых написана представителями иных народов, что очень характерно для истории тюрков древности и раннего средневековья [см., например: 40-41].

Первая достоверная фиксация тюркского этнонима «хазары»,

относящаяся к середине VI в., содержится у сирийского хрониста Псевдо-Захария Ритора в списке 13 народов, «живущих в шатрах» [8, с.259; при этом мы игнорируем упоминание армянским историком Мовсесом Хоренаци о хазарах II-III вв.]. О VII в. преобладают сведения, связанные с активным расширением ареала расселения хазар, разгромом ими Великой Болгарии, что происходило практически одновременно с вторжением китайской империи Тан на земли Западно-Тюркского каганата, в состав которого хазары ранее входили как одно из гуннских племен [см. также: 42]. Информация о VIII и IX вв. отражает историю арабо-хазарских войн, переход Дербента под контроль арабов, что положило начало установлению со второй половины VIII в. тесных торговых связей между Арабским халифатом и Хазарским каганатом, взаимоотношения Хазарского каганата и Византии, распространение среди хазар-тенгрианцев исламской религии (с 737 г.; первым об этом писал ал-Балазури, но наиболее подробно – Балами), а затем иудаизма. X в. представлен несколькими достаточно объемными и содержательными текстами: во-первых, письмом самого царя хазар в Кордовский халифат (Испанию), во-вторых, подробным отчетом багдадского посольства к волжским болгарам и, в-третьих, справочником-руководством по управлению Византийской империей, написанным лично императором. О X в. преобладают сведения о взаимоотношениях Хазарии с вассальными народами, сасанидским государством и Хорезмом, печенегами и огузами, а также с древнерусским государством, чей правитель (князь Святослав) в конечном итоге и положил конец могуществу тюрко-иудейского каганата. Последние упоминания хазар относятся к XV или даже к XVI в. (опубликованных специальных научных исследований по этому вопросу в настоящее время практически нет или, во всяком случае, мне они не известны).

Продолжающиеся уже много десятилетий изыскания ученых из разных стран свидетельствуют, что самый большой в количественном и самый разнообразный в качественном отношении комплекс сведений о хазарах и Хазарском каганате содержится в арабо-персидских письменных источниках, представленных сочинениями таких энциклопедически образованных «писателей», как Ахмад ал-Балазури, Ахмад ал-Йакуби, Мухаммад ат-Табари, Ахмад ал-Куфи, Абу Касим бен Хордадбех, Ибн Русте, Абу Исхак Истахри, Ибн Хаукал ан-Нисиби, Мухаммад ал-Мукаддаси, Ибн Фадлан, Абу Хасан ал-Масуди, неизвестный автор «Худуд ал-Алам» и многих-многих

др. [см., например: 43-48]. Один из последних по времени представителей этой группы – Абу Хамид ал-Гарнати, констатирующий существование «страны хазар» в устье Волги в XII в. [см., например: 40, с. 98; 45].

Интересными источниками по истории хазар являются также «Армянская география» («Ашхарацуйц», «Карта мира») Анания Ширакаци, «История агван» (т.е. история кавказских албан, иной перевод – «История страны Алуанк») Мовсеса Каганкатваци (Каланкатуаци), «История» Левонда (Гевонда) и анонимная «Летопись Картли» (история Грузии) [см., например: 49-52].

Византийские письменные источники о хазарах относительно немногочисленны. В первую очередь, это «Хронография» Феофана, «Краткая история» патриарха Никифора и трактат «Об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного [см., например: 53-57].

Древнерусских письменных свидетельств о хазарах очень мало [см. также: 58-59]. Основным источником – «Повесть временных лет» – одно из важнейших сообщений которой следующее: «В год 6473 (965) пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу ему со своим князем каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их [Итиль] и Белую Вежу [Саркел] взял...».

Латинские источники представлены анонимной «Космографией» и «Баварским географом» (Восточнофранкской таблицей племен) [см., например: 60-61].

Хотя указанные кавказские, византийские, древнерусские, латинские и не упомянутые мною китайские письменные источники, изучение коих в хазароведении практически отсутствует, информируют нас о хазарах достаточно фрагментарно, в них все же достаточно много оригинальных сведений, которые серьезно усиливают адекватность и объективность наших представлений о хазарской истории. К примеру, грузинская летопись дает нам очень интересную информацию, подтверждаемую византийскими письменными источниками, о хазарском происхождении правителя абхазов Леона II и активном участии хазар в создании независимого Абхазского царства [74].

Собственно хазарские источники представлены т.н. «Еврейско-хазарской перепиской», включающей в себя 2 письма на иврите, из которых одно написано хазарским царем Иосифом около 961 г., а другое – примерно в 949 г. его подданным – анонимным евреем.

В обоих документах приводятся сведения о происхождении хазар, обстоятельствах принятия ими иудаизма, правящих царях и их деятельности, а также политическая география каганата [см., например: 62-64]. Важным хазарским источником является также т.н. «Киевское письмо» – оригинальный средневековый текст, первый из известных письменных источников Киева. Он подписан людьми, носящими хазаро-иудейские имена, и содержит приписку на тюркском языке тюркскими рунами. Все эти обстоятельства придают «Киевскому письму» ни с чем не сравнимую научную ценность [см., например: 65, 77].

Из более поздних источников самым большим по объему и наиболее значимым для иудейской историографии является знаменитое арабоязычное произведение одного из «виднейших представителей так называемого золотого века еврейской культуры в мусульманской Испании» [66, кол. 775] Иуды ха-Леви (Иехуды бен Шмуэля Галеви) «Книга доказательства и доводов в защиту униженной религии» или просто «Хазарская книга» (араб. «Китаб ал-Хазари», ивр. «Сефер ха-Кузари»), имеющая своим сюжетом религиозную полемику при обращении хазар и довольно быстро ставшая наиболее влиятельным апологетическим сочинением за всю историю иудаизма [66, кол. 775-779; 67]. Автор, живший примерно в 1074-1140 гг. и получивший прекрасное еврейское и арабское образование, стремился доказать торжество иудаизма, построив повествование в форме вымышленных диалогов хазарского царя-бека Булана с еврейским проповедником. В соответствии с хазарским преданием, примерно в 740 г. их правитель Булан пригласил для беседы последователей авраамических религий. Каждый должен был рассказать о достоинствах своего учения. В произведении Галеви помимо еврея, мусульманина и христианина в беседе участвует еще и философ-аристотелик. В первой части сочинения философ, христианин и мусульманин излагают хазарскому царю свои учения; 4 последующие части представляют собой диалог между царем и евреем, который в конце концов убеждает царя в истинности иудаизма. Выслушав прения сторон, Булан, а вместе с ним и большая часть народа, выбрали в итоге иудаизм – «самую престижную» (ивр. *tekhubad*) религию. (Еще Д.М.Данлоп и М.И.Артамонов в своих фундаментальных монографиях о хазарах достаточно подробно писали об активном распространении с 737 г. среди хазар ислама. Арабский историк и географ ал-Ма-

суди датирует принятие иудаизма правящей элитой каганата временем правления халифа Харуна ал-Рашида (786-809 гг.). Об этом же свидетельствуют хазарские монеты с арабской надписью «Musa rasul Allah» («Моисей – посланник Бога») на реверсе, датируемые периодом не ранее 837 г., т.е. минимум через столетие после принятия хазарами ислама, а также анализ текста письма Иосифа, написанного, в частности, в русле искренней апологетики иудаизма [68-71].)

Ибн Шмуэль Галеви оказал огромное влияние на развитие иудейской литературы и национального самосознания евреев. Факт обращения тюрок-хазар в иудаизм стал базой начатой им историографической традиции [72, с.335; 73; 64, с.9-20]....

Источники и литература

1. Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. – NJ: Princeton University Press, 1954. – 293 p. (2-е издание: NY: Schocken, 1967).
2. Velidi Togan Z.A. Hazarlar // Islam Ansiklopedisi. – Istanbul: Istanbul University, 1964. – Vol. 5. – P. 397-408.
3. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Знак, 2004. – 416 с.
4. Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / Под ред. В.Петрухина, В.Московича, А.Федорчука, А.Кулика и Д.Шапиро. – Иерусалим-М.: Гешарим-Мосты культуры, 2005. – С. 27-68 (пер. статьи с английского яз. Д.Васютинской и М.Эзера).
5. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография Феофана», «Бревиарий» Никифора. – М.: Наука, 1980. – 216 с.
6. Габаши Х.-Г. Всеобщая история тюркских народов / В серии «Антология татарской исторической мысли». Пер. с татарского яз. по изданию 1909 г. и комм. А.Тухватулина. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2009. – 248 с.
7. Гмыря Л. Хазары на Кавказе // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – С. 227-295.
8. Кляшторный С.Г. Азиатский аспект ранней истории хазар // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / Под ред. В.Петрухина, В.Московича, А.Федорчука, А.Кулика и Д.Шапиро. – Иерусалим-М.: Гешарим-Мосты культуры, 2005. – С. 259-264.

9. Golden P.B. Central Asia in World History // The New Oxford World History Series. – New York-Oxford: Oxford University Press, 2011. – 178 p.
10. Артамонов М.И. История хазар / Под ред. и с прим. Л.Н.Гумилева. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
11. Hrushevskiy M., Pritsak O., Reshetar J.S. From Kievan Rus' to Modern Ukraine: Formation of the Ukrainian Nation. – Cambridge-Mass.: Ukrainian Studies Fund, Harvard University, 1984. – 20 p.
12. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 261 с.
13. Петрухин В.Я. Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. – М.: Наука, 1993. – № 3. – С. 68-82.
14. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. – Смоленск-М.: Русич, 1995. – 317 с.
15. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Центр археологических исследований БФ «Деметра», 1998. – Вып. VI. – С.671-672.
16. Петрухин В. Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – С.296-315.
17. Глашев А.А. Очерки истории хазар. – М.: У Никитских ворот, 2009. – 496 с.
18. Новосельцев А.П. Хазария в системе международных отношений VII-IX вв. // Вопросы истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1987. – № 2. – С. 20-32.
19. Галкина Е.С. Кавказские войны VII-VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток (Oriens). – М.: ИВ РАН, 2006. – № 4. – С.15-19.
20. Семенов И.Г. Хазаро-арабские военно-политические взаимоотношения во второй половине VII – начале VIII в. // Вопросы истории Дагестана. – Махачкала: б.и., 2009. – Вып. V. – С. 26-49.
21. Семенов И.Г. Внешняя политика Хазарского каганата во второй половине VIII в. // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – Белгород: Изд-во УНИД БелГУ, 2009. – № 1. – Вып. 9. – С. 140-146.
22. Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. – М.: Наука, 1986. – №.4. – С. 68-82.
23. Калинина Т.М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева / Отв. ред. Т.М.Калинина. – М.: Вост. лит., 2000. – С. 106-119.
24. Noonan Th.S. Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern

- Europe in the Second Half of the Ninth Century: the Numismatic Perspective // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. – Vol. V. – P. 179-204.
25. Noonan Th.S. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge-Mass.: Ukrainian Studies Fund, Harvard University, 1992. – Vol. XVI. – P. 237-259.
 26. Noonan Th.S. Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars: New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute / Edited by Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai and Andras Rona-Tas. – Leiden-Boston: Brill Publishers, 2007. – P.207-244.
 27. Плетнева С.А. Саркел и «шелковый» путь. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 170 с.
 28. Koestler A. The Thirteenth Tribe: The Khazar Empire and Its Heritage. – London: Random House, 1976. – 255 p.
 29. Кёстлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие / Пер. А.Ю.Кабалкина, под ред. А.Г.Юрченко. – СПб.: Евразия, 2001. – 320 с.
 30. Новосельцев А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Вопросы истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – № 9. – С.28-36.
 31. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 238 с.
 32. Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Славяне и их соседи. Вып. X. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г.Литаврина. – М.: Наука, 2001. – С.434-453.
 33. Вайнберг Б.И. Туркестанские хазары // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. – М.: Мосты культуры, 2002. – С. 21-25.
 34. Wexler P. What Yiddish teaches us about the role of the Khazars in the Ashkenazic ethnogenesis // Хазарский альманах. – Киев-Харьков-Москва: Мосты культуры, 2004. – Вып. 2. – С. 117-134.
 35. Алиев К.М. О влиянии хазарских евреев на этнос и культуру кумыков // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев». Дербент, 29-30 марта 2009 г. – Дербент, 2009. – С. 4-9.
 36. История еврейского народа в России от древности до раннего Нового времени. – Иерусалим-М.: Гешарим-Мосты культуры, 2010. – Т. I. – 488 с.
 37. Кизилов М.Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.

38. *Мухамадиев А.Г.* Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 160 с.
39. *Poliak A.N.* Kazariyyah. Toldot mamlakha yehudit be-Eiropa. – Tel-Aviv: Mossad Bialik, 1942/1944/1951. – 420 p.
40. Из глубины столетий / Сост. Б.Л.Хамидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000/2004. – 271 с.
41. История «скифов» глазами современников / Сост. Б.Хамидуллин. – Казань: Магариф, 2001. – 175 с.
42. *Гмыря Л.Б.* Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV-VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2007. – № 18. – С. 111-118.
43. *Калинина Т.М.* Восточная Европа в арабо-персидских источниках IX-X вв.: «контактная зона» или «зона контактов»? // XI Сходознавчи читання А.Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. м. Київ, 7-8 червня 2007 р. – Київ: Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАНУ, 2007. – С. 83-85.
44. *Калинина Т.М.* Страна Хазария, какой она представляется по арабо-персидским источникам // Восточная коллекция. – М.: ФГБУ «Российская государственная библиотека», 2006. – № 2. – С.29-40.
45. *Хамидуллин Б.* Ал-Гарнати о Хазарии и Булгарии // Идель. – Казань, 1998. – № 10. – С.56-59.
46. *Хамидуллин Б.Л.* Ибн Фадлан о народах Восточной Европы // Из глубины столетий / Сост. Б.Л.Хамидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000/2004. – С.69-88.
47. *Хамидуллин Б.* Ал-Масуди о народах Кавказа и Поволжья // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – С.472-477.
48. *Хамидуллин Б.* Персидский аноним о гузах // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – С.478-480.
49. Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. с др.-арм. и комм. К.П.Патканова. – СПб.: Типография Императорской АН, 1877. – XXVIII, 84, 26 с.
50. История Агван Мойсея Каганкатвази, писателя X в. / Пер. с арм., предисл. К.Патканьяна. – СПб.: Типография Императорской АН, 1861. – 374 с.
51. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К.Патканьяна. – СПб.: Типография Императорской АН, 1862. – XI, 165 с.
52. Картлис цховреба / Подготовил к изданию С.Г.Каухчишвили. – Тбилиси: Госиздат, 1955. – Т.1. – С. 249-317.
53. *Чичуров И.С.* Феофан Исповедник – компилятор Прокопия // Византийский временник. – М.: Наука, 1976. – № 37. – С. 62-73.

54. *Чичуров И.С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С. 65-80.
55. *Зетейшвили С.Г.* Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С. 81-86.
56. *Липшиц Е.Э.* Никифор и его исторический труд // Византийский временник. – М.: Наука, 1950. – С.85-105.
57. *Хамидуллин Б.* Константин Багрянородный о «северных скифах» // Идель. – Казань, 1998. – № 9. – С.72-75.
58. *Хамидуллин Б.* Русские летописи о Волжской Болгарии // Идель. – Казань, 1998. – № 5. – С.46-48.
59. *Хамидуллин Б.* Никоновская летопись о западных тюрках – волжских булгарах, хазарах, печенегах, половцах и др. // История «скифов» глазами современников / Сост. Б.Хамидуллин. – Казань: Магариф, 2001. – С.75-84.
60. *Подосинов А.В.* Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В.Т.Пашуто. – М.: Наука, 1999. – С. 227-236.
61. *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX-XI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. – М.: Наука, 1994. – С. 35-61.
62. *Ковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 134 с.
63. *Хамидуллин Б.Л.* Письмо Иосифа // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т. II. Волжская Болгария и Великая Степь. – Казань: РухИЛ, 2006. – С. 660-669.
64. *Рашковский Б.Е.* «Выбор веры» в средневековом иудаизме: Хазария в еврейских источниках X-XVI вв. АКД. – М., 2011. – 24 с.
65. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Пер. с английского яз. В.Л.Вихновича. Науч. ред., послеслов. и комм. В.Я.Петрухина. – М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 1997. – 239 с.
66. Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. – Иерусалим: Общ-во по исследованию еврейских общин, 1982. – Т. 2. – 868 с.
67. *Иегуда Галеви.* Кузари / Пер. с иврита Г.Липш. – Иерусалим: Шамир, 1990. – 336 с.
68. *Pritsak O.* The Khazar Kingdom's conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge-Mass.: Harvard Ukrainian Research Institute, 1978. – Vol. II. – № 3. – P. 261-281.
69. *Golden P.B.* Khazaria and Judaism // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1983. – Vol. III. – P. 127-156.
70. *Найман А.Я.* Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. – Харьков: Каравелла, 2002. – Вып. 1. – С. 94-109.

71. *Рашковский Б.Е.* Хазария: проблема выбора этноконфессиональной ориентации // Восток (Oriens). – М.: ИВ РАН, 2010. – № 1. – С. 25-39.

72. *Hames Harvey J. Ramón Llull y su obra polémica contra los judíos // La controversia judeocristiana en España. Homenaje a Domingo Muñoz León. / Ed. Carlos del Valle Rodríguez. – Madrid: CSIC, 1998. – P. 331-337.*

73. *Карлос дель Валье Родригес.* Обращение Хазарии в иудаизм и литературный мотив выбора веры // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / Приложение к альманаху «Канун». Сост. В.Е.Багно. – СПб.: ИРЯ РАН, 2001. – С. 70-79 (перевод статьи М.Толстой).

74. *Hamidullin B.L.* Hazarların Bağımsız Abhaz (Abazg) Carlığının Kuruluşundaki Rolü. – Kazan: Tataristan Bilimler Akademisi'nin «Fen» Yayınevi, 2013. – 48 s.

75. *Eran Elhaik.* The Missing Link of Jewish European Ancestry: Contrasting the Rhineland and the Khazarian Hypotheses // Genome Biology and Evolution. – 2013. – Vol. 1(5). – 61-74 p.

76. *Ивик О., Ключников В.* Хазары. – М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2013. – 336 с.

77. *Хамидуллин Б.Л.* Важнейшее открытие Нормана Голба 1962 года (к 85-летию ученого) // Научный Татарстан. – Казань, 2013. – № 4. – С. 91-101.

78. *Khamidullin B.L.* Pax Chazarica: main written sources and scientific literature. – Kazan: Publishing House «Fen» of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013. – 64 p.

II. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ ЕВРАЗИИ

БЕХИСТУНСКАЯ СКАЛЬНАЯ НАДПИСЬ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ ДАРИЯ I О ЕГО ПОХОДЕ НА САКОВ В 519 Г. ДО Н.Э.

Абаев В.И. Перевод персидского текста Большой, или Бехистунской, надписи

// Хрестоматия по истории Древнего мира. – М., 1950. – Т. 1.

«Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Виштаспы, внук Аршамы, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: Мой отец – Виштаспа, отец Виштаспы Аршамы, отец Аршамы – Ариарамна, отец Ариарамны – Чишпиш, отец Чишпиша – Ахеменид. Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. 8 человек из моего рода были до меня царями. Я – 9-й. 9 нас были последовательно царями. По воле Ахурамазды я – царь. Ахурамазда дал мне царство.

Следующие страны мне достались, по воле Ахурамазды я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, страны у моря, Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гайдара, Сака, Саттагидиш, Арахозия, Мака: всего 23 страны...

Говорит Дарий-царь: После этого я отправился с войском в страну Сака, против саков, которые носят островерхие шапки. После этого, когда я подошел к реке, я переправился на плотах. После этого я разбил саков наголову... Предводителя их, по имени Скунха, схватили и привели ко мне. Тогда я сделал другого над ними главой, как было мое желание. После этого страна стала моей.

Говорит Дарий-царь: Те саки были неверными и не чтити Ахурамазду. Я же чтит Ахурамазду. По воле Ахурамазды я поступил с ними, как хотел».

ГРЕЧЕСКИЙ ИСТОРИК И ГЕОГРАФ СТРАБОН (64 ДО Н.Э. – 24 Н.Э.) О «ВОСТОЧНЫХ СКИФАХ»

Страбон. География / Пер. Г.А.Стратановского. – М., 1964.

«Если войти в Каспийское море, то справа живут скифы или сарматы, пограничные с европейскими странами, между Танаисом и этим морем, большей частью кочевники... Слева живут восточные скифы, также номады, область которых простирается до Восточного моря и Индии. Старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов. Однако еще более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом, Истром и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами. Что касается племен, обитавших за Каспийским морем, то одних они называли саками, других – массагетами, не будучи в состоянии сообщить о них ничего определенного...»

Большинство скифов начиная от Каспийского моря называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники. Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками. Из даев одни называются апарнами, другие – ксанфиями и третьи – писсурами. Апарны находятся ближе всего к Гиркании и к пограничному с ней морю; остальные простираются даже до области, лежащей против Арии.

Между апарнами, Гирканией и Парфией вплоть до области ариев лежит обширная и безводная пустыня; проходя через нее длинными переходами, апарны делали набеги на Гирканию, Несею и парфянские равнины. Эти племена согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников: они постоянно нападают на своих соседей и затем снова примиряются с ними.

Саки совершали набеги подобно киммерийцам и трерам: одни набеги более дальние, другие же – на близкое расстояние. Так они захватили Бактриану и завладели лучшей землей в Армении, которой они оставили название от своего имени – Сакасена; они дошли вплоть до страны каппадокийцев, в частности до тех, кто живет на Евксинском море и теперь называется понтиками. Персидские полководцы, находившиеся тогда в той стране, напали на них ночью во время всенародного праздника после дележа добычи и совершенно уничтожили это племя. Возведя на этой равнине на какой-то скале насыпь, полководцы придали скале форму холма, затем построили стену и воздвигли святилище Анаите и богам, имеющим с ней общий алтарь, – персидским божествам Оману и Анадату, установив ежегодное священное празднество Сакеи, которое жители Зел (так называется это место) справляют еще и теперь. Зелы – городок, принадлежащий большей частью храмовым служителям. Помпей прибавил к территории городка значительную область и, поселив жителей за стенами, назвал ее одним из тех городов, которые он основал и придал устройство после низвержения Митридата.

Таков рассказ одних писателей о саках. По словам других, Кир пошел походом на саков, но, побежденный в сражении, бежал. Потом, расположившись на стоянку в том месте, где он оставил багаж со множеством всевозможных припасов и особенно вина, Кир дал войску немного отдохнуть и затем, оставив палатки, полные припасов, под вечер выступил, делая вид, что бежит. Пройдя вперед, сколько ему казалось нужным, Кир остановился. Саки между тем подошли и, захватив лагерь, покинутый людьми, полный съестного, наелись до отвала. Тогда Кир возвратился и застал саков обезумевшими от пьянства; одни из них были перебиты спящими мертвецким сном, другие же пали от мечей неприятеля в то время, когда плясали без оружия в вакхическом исступлении, и почти все погибли. Кир же, считавший свою удачу ниспосланной божеством, посвятил этот день отеческой богине, назвав его Сакеями. И всюду, где есть святилище этой богини, там по обычаю справляется праздник Сакеев – нечто вроде вакхического праздника, на котором одетые в скифскую одежду мужчины пьют и непристойно заигрывают друг с другом и с пирующими вместе с ними женщинами.

Массагеты доказали в войне против Кира свое мужество, которое многие часто восхваляют; от них и нам следует заимствовать сведения об этом. О массагетах передают рассказы в таком роде:

одни из них обитают в горах, другие – на равнинах, третьи – на болотах, которые образуют реки, четвертые – на островах в болотах. Более того, по их словам, страна наводняется рекой Араксом, которая, разветвляясь на множество рукавов, впадает на севере всеми остальными своими устьями в другое море и только одним устьем – в Гирканский залив. Богом они почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней. Каждый мужчина у них женится только на одной женщине, но они пользуются и женами других людей, что даже вовсе не скрывают; тот, кто хочет сойтись с чужой женой, вешает свой колчан на повозке и откровенно сходится с ней. Лучшим родом смерти считается тот, когда людей преклонного возраста разрубают на куски и, смешав вместе с бараниной, поедают. Людей, умирающих от болезней, они выбрасывают как нечестивцев и достойных съедения зверями. Они прекрасные наездники и пешие воины; вооружены луками, мечами, панцирями и бронзовыми боевыми топорами; в сражениях они носят золотые пояса и головные повязки. Уздечки и ремни у лошадей у них из золота. Серебра в их стране нет, железа мало, зато медь и золото встречаются в изобилии.

Массагеты, живущие на островах, питаются ввиду отсутствия зерна для посева кореньями и дикорастущими плодами; одеждой им служит древесное лыко (ибо у них вовсе нет скота); для питья они употребляют выжатый сок плодовых деревьев. Болотные жители питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей, заходящих сюда с моря. Жители гор также питаются дикорастущими плодами; у них есть лишь немного овец, поэтому они не режут их, сохраняя на шерсть и молоко. Одежде они придают пеструю расцветку, применяя не теряющие свежести краски. Обитатели равнин не занимаются земледелием (хотя земля у них есть), но живут на манер кочевников и скифов, питаясь бараниной и рыбой. У всех такого рода племен находим и некий общий образ жизни, о чем я нередко упоминаю: их погребальные обряды, обычаи и весь быт схожи; это люди самобытные, дикие и воинственные, однако при деловом общении честные и не обманщики.

К племени массагетов и саков относятся также аттасии и хорасмии, у которых скрылся из страны бактрийцев и согдийцев Спитамен, один из персов, подобно Бессу бежавший от Александра. Впоследствии Арсак, спасаясь бегством от Селевка Каллиника, удалился в страну апасиаков. По словам Эратосфена, арахоты и

массагеты живут рядом с бактрийцами, на запад от них, по течению Окса; вся территория саков и согдийцев лежит против Индии. Напротив, бактрийцы противолежат Индии только на небольшом пространстве, т.к. большая часть их расположена вдоль Паропами-са. Река Иаксарт отделяет саков от согдийцев, а Окс – согдийцев от бактрийцев. Между гирканцами и ариями живут тапиры. В окружности у моря за гирканцами обитают амарды, анариаки, кадусии, албанцы, каспии, витии и, быть может, вплоть до скифов, другие народности. По другую сторону гирканцев живут дербики, а кадусии граничат с мидийцами и матианами у подошвы Парахоафры».

КИТАЙСКИЙ ИСТОРИК БАНЬ ГУ (32-92) О СЮННУ (ХУННАХ)

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. В.С.Таскина. – М., 1968. – Вып. 1; М., 1973. – Вып. 2.

«Глава 52. Жизнеописание Хань Ань-го.

[В 135 г. до н. э.] прибыли сюнну просить о мире, основанном на родстве. Император передал этот вопрос на обсуждение сановников.

Начальник посольского приказа Ван Хуй, уроженец земель Янь, неоднократно занимал должности чиновника на границах, а поэтому был сведущ в делах, связанных с хусцами. При обсуждении он сказал: «Династия Хань заключала с сюнну договоры о мире, основанном на родстве, но, как правило, не проходило и нескольких лет, как они нарушали договор. Лучше не соглашаться на их просьбу, а начать военные действия против них».

Хань Ань-го возразил: «Войны за тысячи ли не приносят успеха войскам. Сюнну, полагаясь на быстрые ноги своих боевых коней и обладая сердцем диких птиц и зверей, кочуют с места на место, легко, как птицы, собираясь в стаи, их трудно прибрать к рукам и обуздать. Приобретение принадлежащих им земель не может привести к расширению владения, а подчинение народа – к усилению, поэтому начиная с глубокой древности они не зависели [от Среднего государства]. Если династия Хань станет добиваться победы в землях, удаленных от нее на расстояние в несколько тысяч ли, наши воины и лошади устанут, у варваров же, сохранивших свои силы, будет преимущество над нашими усталыми войсками, которые тем самым неизбежно попадут в крайне опасное положение.

Вот почему я считаю, что лучше мир, основанный на родстве».

Большинство сановников, участвовавших в обсуждении, склонились на сторону Хань Ань-го, в связи с этим император согласился на мир, основанный на родстве.

На следующий год [134 г. до н. э.] Не И, представитель влиятельной фамилии в городе Май, расположенном в округе Яньмынь, при содействии начальника посольского приказа Ван Хуя, доложил императору: «В первое время после заключения мира, основанного на родстве, сюнну поддерживают дружественные отношения и соблюдают договор, но можно заманить их в пограничные районы, соблазнив выгодой; когда же они явятся, следует неожиданно напасть на них из засады. Вот путь к их неизбежному поражению».

Император вызвал сановников и стал советоваться с ними: «Я приукрасил девушку, чтобы она стала достойной парой шаньюю, послал ему богатые подарки и узорчатые шелковые ткани, однако шаньюю все с большим пренебрежением относится к моим приказам, без конца совершает набеги и грабежи, в пограничных землях несколько раз поднималась тревога, о чем я крайне сожалею. Сейчас я хочу начать военные действия против него, каковы будут мнения?»

Начальник посольского приказа Ван Хуй ответил: «Хотя Ваше Величество до сих пор не говорило об этом, мне, вашему слуге, давно хотелось представить свои соображения. Я слышал, что царство Дай, когда оно еще сохраняло свою целостность, имело на севере врагов – сильных ху, а на юге вело войны со Средним государством. Тем не менее оно могло кормить престарелых, растить малолетних, своевременно производить посевы, всегда держать полными общественные хлебные амбары, а сюнну не совершали на него легкомысленных нападений».

Ныне благодаря могуществу Вашего Величества все земли в пределах морей объединены в одно целое, вся Поднебесная, как один человек, служит вам; более того, для предосторожности против сюнну наши сыновья и младшие братья отправляются оборонять стены укрепленной линии, и для них перевозится зерно и тянутся телеги со снабжением. Несмотря на это, сюнну совершают непрерывные набеги и грабежи, что объясняется не чем иным, как отсутствием боязни с их стороны. Я полагаю, что на них выгоднее напасть».

Главный цензор Хань Ань-го возразил: «Неправильно. Я слы-

шал, что в прошлом, когда император Гао-ди попал в окружение в Пинчэне, сюнну набросали в нескольких местах седла, причем высота их достигала высоты крепостной стены. В Пинчэне наступил голод, в продолжение семи дней там ничего не ели, об этом в Поднебесной складывали песни. После снятия окружения Гао-ди вернулся на престол, но в его сердце не было гнева, ибо совершенный человек соразмеряет свои действия с желаниями Поднебесной, а не мешает занятиям Поднебесной гневом, вызванным личными чувствами. Именно поэтому Гао-ди послал Лю Цзина поднести шаньюю 1000 цзиней золота, чтобы заключить мир, основанный на родстве, и до сих пор уже 5 поколений пользуются проистекающими отсюда выгодами.

Император Сяо-вэнь собрал в свое время отборных воинов со всей Поднебесной и сосредоточил их в долине Чанцзи в уезде Гуанью, однако не было достигнуто ни малейшего успеха, а среди простого народа в Поднебесной уже не осталось ни одного человека, который бы не пребывал в печали. Сяо-вэнь понял, что нельзя долго задерживать войска, а поэтому снова заключил договор о мире, основанном на родстве.

Действия этих двух совершенных правителей достойны подражания. Я считаю, что на сюнну выгоднее не нападать».

Ван Хуй сказал: «Неверно. Я слышал, что 5 императоров не подражали друг другу в правилах поведения, а основатели трех династий не повторяли музыки своих предшественников. Это происходило не потому, что они умышленно выступали один против другого, а потому, что каждый из них следовал велению времени. К тому же император Гао-ди почти 10 лет носил крепкие латы и не выпускал из рук острого оружия, все это время он страдал от тумана и росы, умывался инеем и снегом, он не отомстил за обиду, нанесенную в Пинчэне, не из-за недостатка сил, а из желания дать отдых Поднебесной.

За последнее время в пограничных районах несколько раз поднималась тревога, там убито и ранено много солдат, по дорогам Срединного государства непрерывной лентой тянутся телеги с гробами, что вызывает скорбь у каждого, в коем есть чувство человеколюбия. Поэтому я и говорю, что на сюнну выгоднее напасть».

Хань Ань-го сказал: «Неправильно. Я слышал, что если новое дело не сулит увеличения прибыли в 10 раз, не следует менять занятие, и если нововведение не улучшает положения в 100 раз, не

следует менять твердо сложившегося. Именно поэтому в старину при разработке планов правители всегда брали пример с предков, осуществляя управление, обращались к рассуждениям древних и нелегко начинали новые дела.

Кроме того, даже в период расцвета трех династий варвары не принимали систему летосчисления и цвет одежды не потому, что не хватало авторитета обуздать или не было силы подчинить их, а потому, что считалось, что неподдающийся управлению народ, живущий в далеких, труднодоступных местах, не может причинить беспокойства Срединному государству.

У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии; они пасут скот, что является их занятием и попутно охотятся, стреляя из деревянных и роговых луков. Гонясь за дикими животными и отыскивая хорошую траву, они не имеют постоянного местожительства, а поэтому их трудно прибрать к рукам и обуздать. Если сейчас позволить пограничным округам надолго забросить обработку земли и ткачество, то этим мы только поможем варварам в их постоянном занятии и создадим выгодное для них положение. Вот почему я говорю, что на сюнну выгоднее не нападать».

Ван Хуй сказал: «Неправильно. Я слышал, что птица-феникс летает при попутном ветре, а совершенный человек пользуется удобным случаем. В прошлом циньский правитель Му-гун имел столицу в Юн и земли площадью в 300 кв. ли. Понимая происшедшие со временем перемены, он напал на западных жунов и подчинил их, устроил принадлежащие им земли протяженностью в 1000 ли и присоединял к себе 14 государств, занимавших нынешние округа Лунси и Бэйди.

Позднее Мэй Тянь напал в интересах Цинь на хусцев, устроил земли, протяженностью в несколько тысяч ли, провел границу по Хуанхэ, из камней сложил стену, молодыми вязами обозначил укрепленную линию. Сюнну не смели больше поить коней в Хуанхэ, и лишь когда сигнальные маяки были заброшены, они отважились пасти коней к югу от реки.

Сюнну можно подчинить только силой, к ним нельзя относиться гуманно. Сейчас Срединное государство находится в цветущем состоянии, оно в 10 000 раз богаче прежнего, поэтому, если мы выделим лишь одну сотую имеющихся средств для нападения на сюнну, война с ними будет подобна стрельбе из тугого лука по со-

зревшему нарыву; наши войска несомненно не встретят препятствий в походе. Коль скоро будет так, это даст нам возможность привлечь живущих на севере юэчжи и сделать их своими вассалами. Поэтому я и говорю, что на сюнну выгоднее напасть».

Хань Ань-го сказал: «Неправильно. Я слышал, что мудрый командующий войсками, будучи сытым, ожидает голода у противника, улучшая руководство, ожидает беспорядка у врага, давая отдых воинам, ожидает усталости неприятеля, поэтому, вступая в сражение, он наносит поражение противнику, карая чужие государства, сокрушает крепостные стены, находясь всегда на одном месте, покоряет враждебные владения. Так ведет войну совершенный человек.

Кроме того, я слышал, что затихающий вихрь не может поднять в воздух даже перышко, а стрела на излете, хотя она и выпущена из тугого лука, не может пробить даже тонкий луский шелк. Это свидетельствует, что сила сменяется слабостью, точно так же как вслед за утром неизбежно наступает вечер.

Если теперь собрать войска, легкомысленно начать военные действия, вторгнуться в земли противника, предприняв необдуманый дальний поход, то трудно рассчитывать на успех; при передвижении вдоль границ на нас будут давить с флангов, при передвижении в глубь неприятельских земель потеряется связь с основными силами, при быстром движении возникнет нехватка в продовольствии, при медленном – будут упущены благоприятные возможности. Не пройдут войска и 1000 ли, как солдаты и лошади начнут страдать от недостатка в пище и корме. В трактате о военном искусстве сказано: «Посылать солдат в чужие земли – делать их добычей противника». Возможно, есть еще какие-то мне неведомые хитроумные планы, позволяющие поймать шаньюя, если же их нет, выгод от глубокого вторжения в земли сюнну не вижу. Поэтому я и говорю, что на сюнну выгоднее не нападать».

Ван Хуй сказал: «Неправильно. Мимо травы и деревьев, покрытых инеем, не пройти с ветерком, от прозрачной воды и блестящего зеркала не скрыть подлинного вида, понимающего основные законы не смутить вычурными словами. Говоря о нападении на сюнну, я вовсе не имело в виду выступление в поход и глубокое вторжение в их земли; мы воспользуемся жадностью шаньюя, заманим его в пограничные районы, а сами, отобрав смелых всадников и сильных воинов, спрячем их в засаде в ожидании шаньюя, а также тщатель-

но закроем стратегически важные проходы из предосторожности. Заняв такие позиции, мы сможем действовать и против левого и правого его флангов, а также преградить движение вперед или отрезать пути отступления назад. Шаньюя можно поймать и сто против ста, что мы достигнем успеха». Император, сказав «прекрасно», последовал совету Ван Хуя.

Лазутчиком тайно был послан Не И, который перебежал к сюнну и сказал шаньюю: «Я могу убить начальника уезда Май и его помощника и сдать вам город, тогда вы получите все имеющиеся там богатства».

Шаньюю, у которого Не И вызвал расположение и доверие, принял эти слова за правду и согласился на сделанное предложение. Не И, возвратясь, обезглавил приговоренных к смертной казни преступников, вывесил их головы под стенами города Май и, показав их как доказательство гонцу шаньюя, сказал: «Старшие чиновники уезда Май уже мертвы, приходите скорее». Затем шаньюю пробил проход в пограничной стене и во главе 100 000 всадников вторгся через укрепленную линию в уезде Учжоу.

В это время в ущельях вблизи города Май находились укрытые в засаде ханьские войска, свыше 300 000 человек, включая колесницы, конницу и пехоту. Начальник охранной стражи дворца Вэйян Ли Гуан был назначен военачальником смелых всадников, главный конюшни Гунсунь Хэ – военачальником легких колесниц, начальник посольского приказа Ван Хуй – военачальником гарнизонных войск, старший дворцовый советник Ли Си – военачальником пехоты и главный цензор Хань Ань-го – на должность хуцзюнь цзянцзюня, ему подчинялись все военачальники.

Военачальники условились, что ханьские войска нападут из засады, когда шаньюй войдет в Май. Ван Хуй и Ли Си должны, были выступить отдельно из округа Дай и напасть на обозы.

Вступив в пределы Хань, но не дойдя до Май более 100 ли, шаньюй обнаружил засаду и повернул обратно. Об этих событиях идет речь в главе «Повествование о сюнну».

Когда с пограничной линии поступило донесение, что шаньюй уходит, ханьские войска стали преследовать шаньюя и дошли до укрепленной линии, там они поняли, что им уже не догнать его. Ван Хуй и другие тоже прекратили военные действия.

Император разгневался на Ван Хуя за то, что он не напал на обоз шаньюя. Ван Хуй сказал: «Первоначально было условлено,

что, после того как сюнну войдут в Май, наши войска вступят с шаньюем в бой, а я нападуд на его обозы, это сулило победу. Однако шаньюю не пришел в Май, а повернул обратно. Имея всего 30 000 воинов, я уступал шаньюю в численности и не мог бороться с ним, т.к. навлек бы на себя лишь позор. Я прекрасно знал, что по возвращении буду казнен, тем не менее решил сохранить Вашему Величеству 30 000 солдат».

Ван Хуй был передан в распоряжение главного судьи. Главный судья вынес приговор, что Ван Хуй, уклонившийся от встречи с врагом и проявивший нерешительность, подлежит смертной казни. Ван Хуй послал главному помощнику императора Тянь Фэню 1000 цзиней золота. Однако Фэнь не осмелился доложить о нем императору, а лишь сказал вдовствующей императрице: «Ван Хуй был главным зачинщиком операции у Май; операция не удалась, но казнить за это Ван Хуя значит мстить ему за сюнну».

Когда император явился к вдовствующей императрице, она передала ему слова Тянь Фэня. Император ответил: «Главным зачинщиком операции у Май был Ван Хуй, несколько сот тысяч солдат Поднебесной было послано по его совету для ее проведения. Допустим, что шаньюя нельзя было взять в плен, но если бы войска Ван Хуя произвели нападение на обоз, они могли захватить богатые трофеи и успокоили бы этим сердца сановников. Если я сейчас не казню Ван Хуя, мне не будет оправдания перед лицом Поднебесной».

Узнав об этом, Ван Хуй покончил жизнь самоубийством...

В это время военачальник Вэй Цин и другие напали на сюнну и заняли Лунчэн. На следующий год сюнну вторглись крупными силами в пограничные земли. Об этом рассказывается в жизнеописании Вэй Цина. Хань Ань-го, назначенный на должность военачальника пехоты, стоял с войсками в округе Юйян. Он захватил в плен варвара, который сообщил, что сюнну отошли далеко. Хань Ань-го немедленно представил императору доклад, в котором писал, что, поскольку сейчас в самом разгаре сельскохозяйственные работы, он просит разрешения временно распустить стоящие в лагерях войска.

Месяц спустя, после того как войска были распущены, сюнну вторглись крупными силами в округа Шангу и Юйян. В укрепленном лагере Хань Ань-го оставалось более 700 солдат, во главе которых он принял бой. Получив ранение Хань Ань-го вернулся в укреплен-

ный лагерь. Сюнну захватили в плен свыше 1000 человек и угнали домашний скот.

Разгневанный император отправил гонца выразить Хань Ань-го порицание и перевел его на восток, приказав разместить войска в округе Юбэйпип. В это время пленные говорили, что сюнну должны вторгнуться на восток...

Глава 94 а. Повествование о сюнну.

...На следующий год [99 г. до н. э.] император Хань послал против сюнну Эршиского военачальника, который выступил из округа Цзюцюань во главе 30 000 всадников, напал на правого сянь-вана у горы Тянь-шань, убил и взял в плен более 10 000 человек, а затем повернул обратно. Сюнну крупными силами окружили Эршиского военачальника, и ему с трудом удалось спастись. Из каждого десятка воинов ханьские войска потеряли убитыми 6-7 человек.

Император Хань снова послал против сюнну Иньюйского военачальника, который, выступив из округа Сихэ, соединился с воеводой стрелков, вооруженных тугими самострелами, у горы Чжоешань, но не захватил никакой добычи. Посланный воевода охранной стражи Ли Лин от озера Цзюйянь прошел с 5000 пехотинцев свыше 1000 ли, встретился с шаньюем и вступил с ним в бой. Ли Лин нанес противнику потери, более 10 000 убитыми и ранеными, но, израсходовав боевые припасы и продукты питания, хотел возвратиться обратно. Шаньюю окружил Ли Лина, и Ли Лин сдался сюнну. Только 400 его воинов спаслись и вернулись в Хань. Шаньюю отнесся к Ли Лину с уважением и отдал ему в жены свою дочь.

Через 2 года [97 г. до н. э.] император Хань послал против сюнну Эршиского военачальника, который выступил из округа Шофан во главе 60 000 всадников и 70 000 пехотинцев. Лу Бо-дэ, воевода стрелков, вооруженных тугими самострелами, возглавив более 10 000 всадников, присоединился к Эршискому военачальнику. Военачальник летучих войск Хань Юэ во главе 30 000 пехотинцев выступил из округа Уюань. Гунсунь Ао, занимавший должность Иньюйского военачальника, с 10 000 пехотинцев и 30 000 всадников выступил из округа Яньмынь.

Услышав об этом, сюнну отправили свои семьи и имущество далеко на север от реки Юйшуй, а сам шаньюю стал ожидать противника по главе 100 000 всадников к югу от реки, где началось сражение с Эршиским военачальником. Эршиский военачальник

после непрерывных боев с шаньюем, длившихся более 10 дней, разделил войска и повернул назад.

Военачальник летучих войск не захватил никакой добычи; Иньюйский военачальник вступил в сражение с левым сянь-ваном, но оно сложилось для него неудачно, и он отвел свои войска».

ВИЗАНТИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ ПРИСК ПАНИЙСКИЙ (V В.) О «ЦАРСКИХ СКИФАХ» – ГУННАХ

Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В.Латышева // Вестник древней истории. – 1948. – № 4.

«1. Руа, царь гуннов, решив вступить в войну с амильзурами, итимарами, товосурами, бисками и другими народами, жившими по Истру и прибежавшими под защиту римлян, посылает Эслу, обыкновенно служившего ему при распрях с римлянами, угрожая нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним. Римляне предложили послать посольство к уннам; быть послами выразили желание Плинта и Дионисий, из коих Плинта был родом скиф, а Дионисий – фракиец; оба они предводительствовали войсками и исправляли у римлян консульскую должность. Но т.к. предполагалось, что Эсла возвратится к Руе раньше этого посольства, то Плинта послал вместе с ним одного на своих родственников Сенгилаха, чтобы уговорить Рую вести переговоры с ним, а не с другими римлянами. Когда же Руа скончался, и царская власть над уннами перешла к Аттиле и Бледе, римский сенат решил отправить Плинту послом к ним. По утверждению этого решения императором Плинта выразил желание, чтобы вместе с ним отправился послом Эпиген, пользовавшийся величайшей славой за свой ум и занимавший должность квестора. Когда его избрание также состоялось, они оба отправились послами и прибыли в Марг; это был город иллирийских мезийцев, лежавший на реке Истре против крепости Констанции, расположенной на другом берегу; сюда собрались и царские скифы. Они устроили съезд вне города, сидя на конях, т.к. у варваров не было в обычае вести совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая, чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими... [пропуск в

тексте] что римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдают и перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по 8-ми золотых за каждого беглеца приобретшим их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе с тем, чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по 700 литр золота царским скифам (а раньше сумма дани равнялась 350 литрам). На этих условиях римляне заключили договор с уннами и, поклявшись отеческой клятвой, обе стороны возвратились восвояси. Перебежавшие к римлянам были выданы варварам, в том числе и дети Мама и Атакам из царского рода, которых получившие распяли во фракийском укреплении Карее в наказание за бегство. По заключении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с соросгами.

1b. Скифы осаждали Наисс, иллирийский город на реке Данубе. Говорят, что основателем его был Константин, который воздвиг и соименный себе город у Византия. Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Т.к. горожане не осмеливались выступать для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она обтекает город, и подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна, ибо для того чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины, прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к

другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрышки, устроенные вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные камни, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. Осаждавшие подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других – стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены.

2. Когда скифы во время ярмарки напали на римлян и многих перебили, римляне отправили к ним послов, обвиняя их во взятии укрепления и пренебрежении к перемирию. Скифы отвечали, что в этом деле они не были зачинщиками, а только оборонялись, ибо епископ города Марга, явившись в их землю и обыскав находящиеся у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища; и если римляне не выдадут его, а также и беглецов согласно договору – ибо у римлян было еще огромное количество их, – то они начнут войну. Когда же римляне отвергли справедливость этого обвинения, то варвары, настаивая на верности своих слов, не захотели передавать на суд возникшие недоразумения, а предпочли войну и, переправившись через Истр, опустошили по реке множество городов и укреплений, в числе которых взяли и Виминаций, город иллирийских мезийцев. После этого, когда некоторые стали говорить, что следует выдать епископа маргского, чтобы из-за одного человека не навлекать опасности войны на всю римскую державу, то этот человек, подозревая возможность своей выдачи, тайно от горожан пришел к врагам и обещал предать им город, если скифские цари дадут ему приличную награду. Они отвечали, что осыплют его всякими благами, если он осуществит свое обещание. Обменявшись рукопожатиями и клятвами в исполнении сказанного, он возвращается на римскую землю с варварским полчищем и посадив его в засаду против берега, ночью поднимает его условным сигналом и предает город врагам. Когда Марг был опустошен таким

образом, могущество варваров еще более возросло.

3. При императоре Феодосии младшем уннский царь Аттила, собрав свое войско, послал к императору письмо с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и взносы дани, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улаживания вопроса о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; он прибавил, что если римляне будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет удержать скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и решили послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Аттилы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к крупнейшему и многолюдному городу Ратиарии.

4. Феодосий послал консуляра Сенатора в качестве посла к Аттиле. Он, даже нося имя посла, не решился прибыть к уннам сухим путем, а отплыл к Понту и городу Одессу, в котором пребывал и высланный ранее военачальник Теодул.

5. После битвы римлян с уннами при Херсонесе был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия. Они помирились на том, чтобы уннам были выданы беглецы и дано было 6000 литр золота согласно прежним условиям; ежегодная дань была условлена в 2100 литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо по оценке 12 золотых, а в случае неуплаты принявшие беглеца обязаны выдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но на деле они, благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже самое тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма для них тяжкие, т.к. их доходы и царские сокровища были растрачены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и другие расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о тех, кто пренебрегал оружием. Поэтому они повиновались требованиям дани не только со стороны скифов, но и прочих варваров, живших

на границах римских областей...

8. Когда евнух Хрисафий уговорил Эдекона убить Аттилу, император Феодосии и магистр Марпиалий на совещании о предстоящих делах решили отправить послами к Аттиле не только Бигилу, но и Максимины, с тем, чтобы Бигила под видом исполнения должности переводчика делал все, что прикажет ему Эдекон, и Максимины, ничего не знавший об их замысле, передал письмо императора. Относительно посылаемых лиц в нем было написано, что Бигила – переводчик, а Максимины выше Бигилы по достоинству, из знатного рода и очень близок к императору; затем император писал, что не следует Аттиле, нарушая перемирие, высаживаться на римскую землю; «а беглецов, сверх выданных уже, я отправил к тебе 17, т.к. других нет». Таково было содержание письма; кроме того, Максимины было приказано сказать на словах Аттиле, что не следует ему требовать, чтобы к нему приходили послы высшего достоинства, т.к. это не делалось ни при его предках, ни при других владетелях Скифии, а бывали послами первый попавшийся солдат или вестник; что для разрешения недоразумений следовало послать к римлянам Онегесия, т.к. Аттиле неприлично было бы после опустошения Сердики прибыть в нее с лицом консульского звания. Максимины просьбами убедил меня сопутствовать ему в этом посольстве. И вот мы, совершая путь вместе с варварами, приезжаем в Сердику, отстоящую от Константинополя на 13 дней пути для хорошего пешехода. Остановившись здесь, мы сочли приличным пригласить на обед Эдекона с сопровождавшими его варварами. Купив у туземцев овец и быков и зарезав их, мы приготовили обед. Когда во время пира варвары стали восхвалять Аттилу, а мы – императора, Бигила сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, разумя под человеком Аттилу, а под богом – Феодосия. Унны обиделись на это и, понемногу разгорячась, стали сердиться. Мы перевели разговор на другой предмет и старались любезностью смягчить их гнев. Когда мы встали после обеда, Максимины почтил Эдекона и Ореста подарками, именно шелковыми одеждами и индийскими камнями. Орест, выждав удаления Эдекона, говорит Максимины, что он человек умный и прекрасный, т.к. не пренебрег им подобно царедворцам, ибо они без него приглашали Эдекона на обед и оказывали почет дарами. Т.к. его речь показалась нам, ничего не знавшим, неясной, мы спросили, каким образом и когда именно он был обижен, а Эдекон почтен, он вышел без всякого ответа.

На следующий день мы дорогой сообщили Бигиле, что нам сказал Орест. Вигила отвечал, что Орест не должен обижаться, не получая одинаковых с Эдеконом почестей, т.к. он только прислужник и писец Аттилы, а Эдекон как известный храбрец на войне и природный унн, многим превышает Ореста. Сказав это и переговорив наедине с Эдеконом, он позже говорил нам, вправду или притворно, что передал ему наш разговор и едва успокоил его, т.к. он пришел в гнев от сказанного. Прибыв в Наисс, мы нашли этот город лишенным населения, т.к. он был разрушен неприятелями; лишь в священных обителях оставалось несколько одержимых болезнями. Мы остановились немного выше реки на чистом месте, т.к. весь берег был покрыт костями убитых на войне. На следующий день мы прибыли к Агинтею, предводителю расположенных в Иллирии войск, находившемуся недалеко от Наисса, с тем, чтобы сообщить ему распоряжения императора и взять беглецов: он должен был передать 5-х из 17-ти, о которых было написано Аттиле. Мы переговорили с ним и упросили передать, уннам пятерых беглецов; он обласкал их и отпустил с нами. Переночевав и от пределов Наисса направив путь к реке Истр, мы вступили в узкую долину, имевшую много поворотов, извилин и обходов; здесь, на рассвете, когда мы думали, что идем к западу, восход солнца оказался против нас, так что незнакомые с положением долины закричали от удивления как будто бы солнце шло по обратному пути и представляло явление противное естественному. На самом же деле вследствие извилин местности эта часть дороги была обращена к востоку. После трудной дороги мы вышли к болотистой равнине. Варвары-перевозчики приняли нас и перевезли через реку на челноках-однодеревках, которые они изготовляют сами, срубая деревья и выдалбливая их. Они приготовились не ради нас, а уже раньше перевезли толпу варваров, которая встретилась нам по дороге, т.к. Аттила хотел перейти на римскую землю под предлогом охоты. Это было для царственного скифа приготовлением к войне под тем предлогом, что не все беглецы были ему выданы. Переправившись через Истр и пройдя с варварами около 70-ти стадиев, мы принуждены были ждать в одной равнине, пока Эдекон со своими спутниками не возвестил Аттиле о нашем прибытии. Вместе с нами остановились и провожавшие нас варвары. В сумерки, когда мы сидели за ужином, послышался топот приближающихся к нам коней. Это прибыли 2 скифа с приказанием отправиться к Аттиле. Мы предложили им

сначала поужинать с нами, и они, сойдя с лошадей, получили угощение, а на другой день показывали нам дорогу. Когда мы в 9-м часу дня прибыли к шатрам Аттилы, которых было у него очень много, и хотели поставить наши шатры на холме, случившиеся тут варвары не позволили этого, т.к. шатер самого Аттилы стоял в низине. Когда мы остановились, где указали скифы, к нам пришли Эдекон, Орест, Скотта и другие знатные у них лица с вопросом, с какой целью явилось наше посольство. Пока мы удивлялись этому странному вопросу и переглядывались друг с другом, они продолжали настаивать на ответе. Наконец, мы сказали, что император приказал объяснить эту цель Аттиле, а не другим; тогда Скотта в сердцах отвечал, что таково приказание их повелителя, ибо они не пришли бы к нам ради своего любопытства. Мы отвечали, что нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, посредством других лиц были допрашиваемы о цели посольства, и что это не безызвестно и самим скифам, часто посылавшим посольства к императору; что мы должны получить равное тому, что получали скифы у нас, а иначе не скажем цели нашего посольства. Тогда они уехали к Аттиле, но затем вернулись без Эдекона и сообщили нам все, из-за чего мы были посланы, приказывая при этом как можно скорее удалиться, если мы не имеем сказать ничего другого. Этими словами мы были приведены в еще большее недоумение, каким образом стало известно принятое втайне решение императора; мы признали, однако, полезным ничего не отвечать насчет цели посольства, если не добьемся приема у Аттилы; поэтому мы сказали, что было ли целью нашего посольства сказанное скифам, или что-либо другое – об этом должен узнать их повелитель и что мы не будем разговаривать об этом с другими. Тогда они приказали нам тотчас удалиться. Во время приготовлений к пути Бигила стал бранить нас за ответ, говоря, что лучше быть уличенными во лжи, нежели удалиться ни с чем. «Если бы мне удалось поговорить с Аттилой, – сказал он, – то я легко убедил бы его прекратить вражду с римлянами, т.к. я подружился с ним во время посольства при Анатолии». Поэтому Эдекон к нему расположен и под видом посольства и речей, которые должны быть сказаны так или иначе, или истинно, или ложно, он найдет предлог переговорить относительно плана, принятого ими против Аттилы, и принести золото, в котором нуждался Эдекон, по его собственным словам, для раздачи подчиненным ему людям. Биги-

ла не знал, что уже был предан Эдеконом. Дело в том, что Эдекон, или коварно давший свое обещание, или испугавшийся, чтобы Орест не довел до сведения Аттилы то, что он сказал нам в Сердике после пира (когда он обвинял Эдекона в том, что он без него вел переговоры с царем и с евнухом), – донес Аттиле о составленном против него заговоре и о количестве золота, которое должны были выслать римляне, а также выяснил и цель нашего посольства. Когда поклада была уже навьючена на животных, и мы по необходимости хотели попытаться двинуться в путь в ночное время, пришли некоторые варвары и сказали, что Аттила приказал нам подождать ввиду ночного времени. В ту самую деревню, из которой мы поднялись в путь, пришли какие-то люди с быком и с речными рыбами, присланными от Аттилы. Мы поужинали и легли спать. С наступлением дня мы надеялись получить от варвара что-либо благосклонное и любезное; но он снова прислал тех самых людей с приказанием удалиться, если мы не имеем сказать, кроме известного им. Мы, ничего не отвечая, стали готовиться в путь, хотя Бигила настоятельно советовал сказать, что у нас есть и другие заявления. Видя Максимиана в большом унынии, я взял Рустиция, знавшего варварский язык и прибывшего с нами в Скифию, и, придя к Скотте (т.к. Онегесия в то время не было), обратился к нему и через переводчика Рустиция сказал что он получит от Максимиана множество даров, если выхлопочет ему аудиенцию у Аттилы, т.к. его посольство будет полезно не только римлянам и уннам, но и Онегесию, который хочет идти к самому императору для разъяснения возникших между нашими народами недоразумений и по прибытии получит величайшие дары. Поэтому он, Скотта, должен в отсутствие Онегесия оказать нам, а еще более брату, содействие в добром деле. Я говорил ему, что, как мне сообщили, Аттила слушается и его, но что сказанное о нем не будет заслуживать доверия, если мы не узнаем на опыте его силу. Скотта, прервав меня, сказал, чтобы мы не сомневались, что и он говорит и действует у Аттилы одинаково с братом, и, тотчас вскочив на коня, поскакал к шатру Аттилы. Возвратившись к Максимиану, предававшемуся унынию вместе с Бигилой и крайне расстроенному положением дел, я передал ему свой разговор со Скоттой и полученный от него ответ и прибавил, что нужно приготовить дары для передачи варвару и обдумать, что мы ему скажем. Оба они, вскочив (я застал их лежащими на траве), похвалили мой поступок, отзывали назад людей, уже выступивших с

вьючными животными, и стали обсуждать, как будут приветствовать Аттилу и как передадут ему дары императора и те, которые привез сам Максимин. Пока мы занимались этим, Аттила пригласил нас через Скотту, и вот мы явились к его шатру, охраняемому кругом толпой варваров. Получив позволение войти, мы застали Аттилу сидящим в деревянном кресле. Мы стали немного поодаль трона; Максимин, приблизившись, приветствовал варвара и, передав ему письмо императора, сказал, что император желает доброго здоровья ему и окружающим его. Аттила ответил пожеланием римлянам того же, чего они ему желают, и тотчас обратился к Бигиле, обзывая его бесстыдным животным и спрашивая, с какой стати он пожелал явиться к нему, зная решение его и Анатолия о мире, причем было сказано, чтобы к нему не являлись послы прежде, чем все беглецы не будут выданы варварам. Когда же Бигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, т.к. все бывшие уже выданы, Аттила, еще больше рассердившись и осыпав его бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал на съедение хищным птицам, если бы не показалось нарушением посольского устава то, что он подверг бы его такому наказанию за бесстыдство и дерзость его слов; он прибавил, что у римлян есть много беглецов из его племени и приказал секретарям прочесть их имена, записанные на хартии. Когда они прочитали всех, он приказал Бигиле удалиться без всякого промедления, прибавляя, что он пошлет вместе с ним и Эслу сказать римлянам, чтобы они выслали к нему всех варваров, перебежавших к ним со времен Карпилеона (сына Аэция, римского полководца на Западе), бывшего у него заложником, ибо, говорил он, он не допустит, чтобы его рабы выступали в битву против него, хотя бы они и не могли быть полезны вверившим им охрану своей земли: в самом деле, – говорил он, – какой город или какое укрепление, которым он вознамерился овладеть, спасены ими?

Возвестив императору его решение относительно беглецов, послы должны тотчас возвратиться с известием, желают ли римляне выдать их или берут на себя войну из-за них. Приказав раньше Максимино подождать, чтобы через него ответить императору на его письмо, он потребовал дары. Передав их и возвратившись в наш шатер, мы стали обсуждать каждое слово Аттилы. Когда Бигила выражал удивление тому, что Аттила, показавшийся ему во время прежнего посольства человеком кротким и спокойным, теперь так

грубо бранил его, я высказал предположение, не внушили ли Аттиле нерасположение к нему некоторые из варваров, пировавших вместе с нами в Сердике, сообщив, что он называл римского императора богом, а Аттилу – человеком. Максимин признал это предположение вероятным, т.к. он не принимал участия в заговоре, который евнух составил против варвара; но Бигила оставался в недоумении и, как мне показалось, не мог уяснить себе повода, по которому выбрал его Аттила: он не думал, чтобы Аттиле были сообщены слова его в Сердике, – как он позднее нам рассказывал – или заговор, т.к. никто другой из посторонних вследствие обуявшего всех страха не решался вступать в беседу с ним, а Эдекон во всяком случае должен был хранить тайну по причине клятвы и неизвестности дела, чтобы и самому, как участнику таких бесед, не быть признанным заговорщиком и не подвергнуться смертной казни. Пока мы были в таком недоумении, вдруг явился Эдекон и, отведя Бигилу в сторону от нашего собрания и притворяясь говорящим правду ради задуманного им плана, просил принести золото для раздачи людям, которые придут вместе с ним для исполнения дела, а затем ушел. Когда я полюбопытствовал узнать, что говорил Эдекон, Бигила постарался обмануть меня, будучи обманут сам, и, скрыв истинную причину, сказал, что ему было сообщено самим Эдеконом, будто Аттила сердится и на него из-за беглецов: следовало или получить всех их, или прийти к нему послан из самой высшей знати. Пока мы беседовали об этом, явились некоторые из людей Аттилы и сказали, чтобы ни Бигила, ни мы не покупали ни римского пленника, ни раба из варваров, ни лошадей, ни чего-либо другого, кроме съестных припасов, пока не будут разрешены недоразумения между римлянами и унами. Это было сделано варваром умно и искусно, так что Бигила легко мог быть изобличен в своем замысле против него, не умея объяснить причины, по которой он привез золото, а мы под предлогом ответа, который будет дан до делам нашего посольства, должны были ждать Онегесия, чтобы он мог получить дары, которые мы сами хотели дать и которые прислал император. Он со старшим сыном Аттилы в это время был послан к акатирам, народу скифского племени, подчинившемуся Аттиле по следующей причине. У этого народа было много начальников по коленам и родам; император Феодосий послал им дары для того, чтобы они по взаимному соглашению отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах – стар-

ший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей. Последний не замедлил выслать большую силу и одних перебил, а других склонил к подчинению; затем он пригласил Куридаха для участия в праздновании победы; но тот, заподозрив злой умысел, ответил, что трудно человеку явиться перед лицом бога: ведь если даже на солнечный диск нельзя посмотреть пристально, то как может кто-либо невредимо лицезреть величайшего из богов? Таким образом, Куридах остался на родине и сохранил свою власть, между тем как весь остальной народ акатирский подчинился Аттиле. Желая поставить своего старшего сына царем этого народа, он и послал Онегесия для устройства этого дела. Поэтому-то и нам он, как сказано, приказал подождать, а Бигилу отправил вместе с Эслой в римские владения под предлогом отыскания беглецов, а на самом деле для доставки золота Эдекону.

Когда Бигила двинулся в путь, мы оставались на месте 1 день после его отъезда, на следующий день отправились с Аттилой в северную часть его страны. Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на другую дорогу по приказанию наших проводников-скифов, объяснивших, что Аттила должен захватить в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама; хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали путь по ровной дороге, пролегавшей по равнине, и встретили судоходные реки, из коих самыми большим после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас. Мы переправились через них на челноках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а остальные реки переплывали на плотах, которые варвары возят с собой на повозках для употребления в местах, покрытых разливами. В деревнях нам доставлялось продовольствие, притом вместо пшеницы – просо, а вместо вина – так называемый по-туземному «мед»; следовавшие за нами слуги также получали просо и напиток, добываемый из ячменя; варвары называют его «камос». Совершив длинный путь, мы под вечер расположились на ночлег у одного озера с годной для питья водой, которой пользовались жители близлежащей деревни. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем; она не только опрокинула нашу палатку, но и покатила все наши пожитки в воду озера. Перепуганные разбушевавшейся стихией и всем случившимся, мы покинули это место и впотьмах, под дождем,

потеряли друг друга, т.к. каждый обратился на ту дорогу, которую считал для себя легкой. Добравшись до хижин деревни, ибо оказалось, что мы все двинулись разными путями в одном направлении, мы собрались вместе и с криком стали разыскивать оставшихся. Выскочившие на шум скифы зажгли тростник, который они употребляют как горючий материал, осветили местность и спрашивали, из-за чего мы кричим. Когда бывшие с нами варвары ответили, что мы испугались бури, они позвали нас к себе, оказали гостеприимство и обогрели, зажигая множество тростника. Правившая в деревне женщина, оказавшаяся одной из жен Бледы, прислала нам съестных припасов и красивых женщин для компании согласно скифскому обычаю почета. Этих женщин мы угостили предложенными нам кушаньями, но от общения с ними отказались и провели ночь в хижинах. С наступлением дня мы обратились к розыскам своих пожитков и, найдя все, частью на том месте, где остановились накануне, частью на берегу озера и частью даже в воде, собрали вместе. Этот день мы провели в деревне, просушивая все пожитки, ибо буря прекратилась, и солнце ярко светило. Обрядив также лошадей и остальных вьючных животных, мы пришли к царице, приветствовали ее и предложили ответные дары, именно 3 серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров; затем мы удалились, пожелав ей благополучия за ее гостеприимство. Совершив семидневный путь, мы остановились в одной деревне по приказанию провожавших нас скифов, т.к. Аттила должен был захватить в нее по пути, и нам следовало ехать позади него. Здесь мы встретились с людьми из западных римлян, также прибывшими в качестве послов к Аттиле. В числе их были: Ромул, удостоенный почетного звания комита, правитель Норикской области Промут и предводитель воинского отряда Роман; с ними был Констанций, которого Азций послал к Аттиле в качестве секретаря, и Татул, отец эдеконова спутника Ореста. Последние двое путешествовали с названными лицами не в составе посольства, а по личным отношениям: Констанций – благодаря завязанному еще в Италии знакомству с этими лицами, а Татул – по родству, т.к. сын его, Орест, был женат на дочери Ромула...

Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в

котором, как говорили, находились хоромы Аттилы, более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не ввиду безопасности, а для красоты. За царскими хорами выдавались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями подобно тому, как у Аттилы. Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы. Камни для нее он перевозил из земли деонов, т.к. у варваров, населяющих эту область, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмия пленник, ожидавший освобождения за свое искусство, неожиданно попал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов: Онегесий сделал его банщиком, и он служил во время мытья ему самому и его домашним. При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролегалла дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие – вино (это величайшая почесть у скифов), приветствовала его и просила отвезти благожелательно принесенного ею угощения. Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила поел, сидя на коне, причем следовавшие за ним варвары приподняли блюдо (оно было серебряное). Пригубив также и поднесенную ему чашу, он отправился во дворец, отличавшийся высотой от других строений и лежавший на возвышенном месте. Мы остановились в доме Онегесия по его просьбе, – т.к. он уже возвратился с сыном Аттилы, – и пообедали, причем нас принимали его жена и родственники, т.к. он сам не имел времени пировать с нами: он тогда впервые после возвращения увиделся с Аттилой и докладывал ему об устройстве дела, для которого был послан, и о несчастии, случившемся с сыном Аттилы, которой упал с коня и сломал себе правую руку. После обеда, покинув дом Онегесия, мы разбили шатры вблизи дворца Аттилы для того, чтобы Максимин в случае надобности пойти к Аттиле или переговорить с другими приближенными к нему лицами не был разделен большим расстоянием. Мы провели эту ночь на

том месте, где остановились. С наступлением дня Максимин послал меня к Онегесию, чтобы передать ему дары, которые давал он сам и которые прислал император, и чтобы узнать, где и когда он желает с ним переговорить. Придя вместе с несшими дары слугами, я ждал (т.к. двери были еще заперты), чтобы кто-нибудь вышел и доложил о нашем прибытии.

Пока я в ожидании прогуливался перед оградой хором, ко мне подошел какой-то человек, которого я принял за варвара по скифской одежде, но он приветствовал меня по-эллински, так что я удивился, как это скиф говорит по-эллински. Представляя разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают и уннский или готский, а также и авсонский, если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллински, кроме пленников, увезенных из Фракии и иллирийского побережья. Но этих последних встречные легко узнавали по изорванным одеждам и нечесанным головам, как попавших в худшую участь; а этот был похож на богатого скифа, т.к. был хорошо одет и острижен в кружок. Ответив на его приветствие, я спросил, кто он, откуда пришел в варварскую землю и почему принял скифский образ жизни. Он ответил вопросом, зачем я пожелал это узнать. Я сказал, что причиной моего любопытства был его эллинский язык. Тогда он с улыбкой сказал, что он родом грек, но по торговым делам приехал в Виминаций, мезийский город на реке Истре, прожил в нем очень долгое время и женился на очень богатой женщине, но лишился своего состояния при завоевании города варварами и благодаря своему прежнему богатству был выбран самим Онегесием при дележе добычи, ибо пленников из числа зажиточных после Аттилы выбирали себе избранные скифы вследствие свободы выбора из множества пленных. Отличившись в происшедших впоследствии битвах с римлянами и акатирским народом и отдав твоему хозяину-варвару по скифскому обычаю приобретенные на войне богатства, он получил свободу, женился на варварской женщине, имеет детей и, разделяя трапезу с Онегесием, считает свою настоящую жизнь лучше прежней...

Пока мы так разговаривали, один из домочадцев подошел и отворил ворота ограды. Я подбежал и спросил, что делает Онегесий, прося доложить ему, что я желаю нечто сказать от имени пришедшего от римлян посланника. Тот отвечал, что я, немного подождя, встречу с ним самим, т.к. он собирается выходить. И действи-

тельно, спустя немного времени я увидел его выходящим, подошел к нему и сказал, что римский посланник приветствует его и что я принес от него дары вместе с золотом, присланным от императора, а т.к. посол желает с ним повидаться, то где и когда ему угодно будет переговорить. Онегесий приказал своим людям принять золото и подарки, а меня просил доложить Максимино, что он тотчас придет к нему. Итак, возвратившись, я сообщил, что идет Онегесий; и он тотчас пришел в нашу палатку. Поздоровавшись с Максимином, он выразил благодарность за дары ему и императору и спросил, зачем он его пригласил. Максимино ответил, что настало время, когда Онегесий приобретет среди людей большую славу, если он, придя к императору, своим умом уладит недоразумения и установит согласие между римлянами и уннами, ибо отсюда не только произойдет польза для обоих народов, но он и дому своему доставит всякие блага, т.к. и сам он и потомки его навсегда будут пользоваться милостями императора и его рода. Онегесий спросил, что он может сделать в угождение императору, или каким образом через него могут быть разрешены недоразумения? Максимино отвечал, что, отправившись в Римскую империю, он сделает удобное императору, а недоразумения разрешит, если исследует их причины и устранит их по уставам мирного времени. На это Онегесий возразил, что он скажет императору и окружающим его только то, чего желает Аттила; или римляне думают, продолжал он, настолько убоготорить его, чтобы он изменил своему владыке, пренебрег полученным в Скифии воспитанием, женами и детьми и не считал рабство у Аттилы выше богатства у римлян. Полезнее будет, если он, оставаясь на родине, смягчит гнев владыки в случае, если он рассердится на римлян, чем если приедет к нам и навлечет на себя обвинение, что он сделал не то, что угодно Аттиле. Сказав это и пригласив меня приходиться и говорить с ним о том, что мы желаем от него узнать, – т.к. постоянные посещения его Максимином, как лицом высшего достоинства, были бы неприличны, – он удалился. На следующий день я пришел ко двору Аттилы с дарами для его жены, по имени Креки; от нее он имел троих детей, из которых старший стоял во главе акатиров и прочих народов, живших в припонтийской Скифии. Внутри ограды было множество построек, из которых одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие – из тесаных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до

умеренной высоты. Стоявшими у двери варварами я был впущен к жившей здесь жене Аттилы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам. Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы. Стоя среди всей толпы, – т.к. я был уже известен стражам Аттилы и окружавшим его варварам, и потому никто мне не препятствовал, – я увидел шедшую массу народа, причем в этом месте поднялся говор и шум, возвестивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, встал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов.

Пока я ждал Онегесия, Ромул, Промут и Роман, прибывшие из Италии послами к Аттиле по делу о золотых чашах, в присутствии констанциева спутника Рустия и Константиола, уроженца подвластной Аттиле области пеонов, вступили со мной в разговоры, спросили, отпущены ли мы или принуждены оставаться. Я сказал, что именно об этом хочу спросить Онегесия и потому жду у ограды, а затем, в свою очередь, спросил, дал ли им Аттила благоприятный и дружественный ответ по их посольскому делу. Они отвечали, что он решительно не изменяет своего мнения и объявляет войну, если ему не будут высланы Сильван или кубки. Пока мы удивлялись безумию варвара, посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав наши речи, сказал, что величайшее счастье Аттилы и происходящее от счастья могущество слишком возвышают его самонадеянность, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане, и, сверх всей Скифии, даже римлян иметь своими данниками. Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он прийти в Персию, Ромул ска-

зал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что уннам не безызвестен этот путь, т.к. они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом, пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через 15 дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, т.к. большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы, отправившись оттуда... [пропуск в тексте] дней пути прибыли на родину. Так и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии. Итак, Аттила в случае желания пойти на нее походом не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани, ибо он располагает воинской силой, против которой не устоит ни один народ. Когда мы выразили желание, чтобы он пошел против персов и обратил на них оружие, Константиол сказал, что он боится чтобы Аттила, легко подчинив и персов, не возвратился владыкой вместо друга; теперь от римлян привозится ему золото ради его почетного звания, а если он подчинит парфян, мидян и персов, то он уже не потерпит, чтобы римляне присваивали себе его власть, но открыто признает их своими рабами и предъявит к ним более тяжкие и невыносимые требования. Почет, о котором упомянул Константиол, состоял в звании римского полководца, ради которого Аттила принял от императора имя прикрывающей дани, так что сборы высылались ему под именем столовых денег, выдаваемых полководцам. Итак, Константиол говорил, что после покорения мидян, парфян и персов Аттила сбросит с себя это имя, которым римляне желают его называть, и звание, которым, как они полагают, они оказали ему почет, и принудит называть себя вместе полководца царем. Ведь он уже раз сказал в сердцах, что для

того его слуги – полководцы, а его полководцы равны по чести с римскими императорами. Недолго спустя последует и увеличение настоящего его могущества. Знамение этого дал сам бог, открывший аресов меч, который считался священным и чтился скифскими царями как посвященный владыке воин, но еще в древние времена исчез, а затем был вновь найден при помощи коровы.

Каждый желал сказать что-либо о настоящем положении дел, но т.к. в это время вышел Онегесий, то мы отправились к нему и предложили вопрос о том, что нам интересно было узнать. Он, переговорив сначала с некоторыми варварами, поручил мне узнать от Максимиана, кого из людей консульского достоинства римляне пришлют в качестве посла к Аттиле. Придя в палатку, я доложил, что было мне сказано, и условился с Максимианом что следует отвечать на вопрос варвара, а затем возвратился к Онегесию и заявил, что римляне желали бы, чтобы он прибыл к ним для переговоров о недоразумениях, но что если это не удастся, то император пришлет посла, какого сам захочет. Он попросил меня тотчас позвать Максимиана и, когда тот явился, повел его к Аттиле. Немного спустя Максимиан вышел и сказал, что варвар желает, чтобы послом был либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор, а другого, кроме названных лиц, не примет. На ответ его, что не годится, приглашая людей к посольству, выставляя их подозрительными перед императором, Аттила сказал, что если они не согласятся исполнить его желания, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Когда мы возвратились в палатку, пришел Орестов отец с известием, что Аттила приглашает нас обоих на пир, который начнется в 9-м часу дня. В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем сесть. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посередине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались сидевшие направо от Аттилы, а вторым – налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле – справа от царского ложа. Против Оне-

гесия сидели на стульях 2 сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветствия встал с места; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь все присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая из них. У каждого был 1 виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести 2-й гость и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия, виночерпии вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждых 3-х или 4-х гостей или даже большего числа; таким образом, каждый имел возможность брать себе положенные на блюда кушанья, не выходя из ряда седалищ. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый гость из первого ряда не выпил поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого кушанья, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. При наступлении вечера были зажжены факелы, и 2 варвара, выступив на середину против Аттилы, запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени

и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы. После пения выступил какой-то поврежденный рассудком скиф и начал молоть всевозможный вздор, которым всех рассмешил. После него вошел маврусиец Зеркон: Эдекон убедил его приехать к Аттиле, чтобы при его посредстве получить обратно свою жену, которую он взял в варварской земле, будучи в тесной дружбе с Бледой; он покинул ее в Скифии, когда был послан Аттилой к Аэцию в виде дара. Но он обманулся в этой надежде, т.к. Аттила рассердился за то, что он возвратился в его землю. На этот раз он пришел во время пира и своим видом, одеянием и странной смесью произносимых им слов (он смешивал с авсонским языком унский и готский) всех развлек и во всех возбудил неугасимый смех кроме Аттилы. Последний оставался неподвижным, не менялся в лице и никаким словом или поступком не обнаруживал своего веселого настроения. Только когда самый младший из сыновей, по имени Эрна, вошел и встал около него, он потрепал его по щеке, смотря на него нежными глазами. Когда я выразил удивление тому, что он не обращает внимания на других детей, а к этому относится ласково, сидевший рядом со мной варвар, понимавший по-авсонски и предупредивший, чтобы я никому не передавал его слов, объяснил, что кудесники предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном. Пока гости проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться за попойкой.

С наступлением дня мы пришли к Онегесию, говоря, что нас нужно отпустить и не заставлять понапрасну тратить время. Он сказал, что и Аттила хочет нас отослать. Немного спустя он стал совещаться с избранными людьми о желаниях Аттилы и составлять письмо для передачи императору в присутствии секретарей и Рустиция, уроженца Верхней Мезии, взятого в плен на войне, и, благодаря своему образованию, служившему варвару при составлении писем. Когда он вышел из собрания, мы обратились к нему с просьбой об освобождении жены Силлы и детей ее, обращенных в рабство при взятии Ратиарии. Он не отказал в их освобождении, но хотел выдать их за большую сумму денег. Когда мы стали умолять его пожалеть их участь, приняв во внимание прежнее их благополучие, он сходил к Аттиле и отпустил женщину за 500 золотых, а детей отослал в виде дара императору. В это время и Крека, супруга Аттилы, пригласила нас отобедать у Адамия, заведывающего

ее делами. Придя к нему с несколькими избранными лицами из туземцев, мы встретили радушное гостеприимство. Адакий почтил нас ласковыми словами и приготовленными кушаньями. Каждый из присутствующих по скифской учтивости вставал и подавал нам полный кубок, затем, обняв и поцеловав выпившего, принимал кубок обратно. После обеда мы возвратились в нашу палатку и легли спать.

На следующий день Аттила снова пригласил нас на пир, и мы по-прежнему пришли к нему и стали пировать. На ложе вместе с ним сидел уже не старший сын, а Оэбарсий, дядя его по отцу. В течение всего пира ласково разговаривая с нами, он просил нас передать императору, чтобы он дал Констанцию (который был послан к нему Аэцием в качестве секретаря) жену, которую обещал. Дело в том, что Констанций, прибыв к императору Феодосию вместе с отправленными от Аттилы послами, обещал устроить нерушимый мир римлян со скифами на долгое время, если император даст ему богатую жену. Император согласился на это и обещал выдать за него дочь Саторнилы, известного богатством и знатностью рода. Но этого Саторнилы приказала убить Афинаида, или Евдокия (она называлась обоими этими именами). Привести в исполнение обещание императора не допустил Зенон, бывший консул, имевший под своей властью большую рать исавров, с которой он во время войны охранял даже Константинополь. Тогда, начальствуя над военными силами на Востоке, он вывел эту девушку из-под стражи и обручил ее с одним из своих приближенных, неким Руфом. После ее отнятия Констанций просил варвара не оставить без возмездия нанесенного ему оскорбления и дать ему в жены или отнятую девушку, или другую, которая принесла бы приданое. Поэтому-то во время пира варвар и поручил Максиминому передать императору, что Констанций не должен быть обманут в поданной ему надежде, т.к. царю не приличествует лгать... Такое поручение дал Аттила, потому что Констанций обещал дать ему денег, если за него будет сговорена жена из очень богатых у римлян домов.

Выйдя с пира, по прошествии 3-х дней после этой ночи мы были отпущены с приличными дарами. Вместе с нами Аттила послал и Бериха, сидевшего выше нас на пиру, мужа из числа избранных и начальника многих селений в Скифии, в качестве посла к императору...

10. Хотя Аттила обладал таким характером, что всегда полагался на великие удачи, однако ему придавал еще более самоуверенности найденный меч Марса, всегда считавшийся священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что он был найден по следующему случаю. Некий пастух, увидев одну из своих коров хромающей и не находя причины такой раны, в беспокойстве пошел по кровавым следам и, наконец, пришел к мечу, на который неосторожно наступила пасшаяся на траве корова; выкопав меч, он тотчас принес его к Аттиле. Обрадованный этим подарком, он по свойственному ему высокомерию решил, что он поставлен владыкой всего мира и что через Марсов меч ему вручена власть во всех войнах...».

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДА АШИНА

(возникла не позднее V в., записана в китайских династийных историях «Чжоу шу», «Бей ши» и «Суй шу»)

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии / Материалы и исследования по археологии СССР. № 130. – М., 1965; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.

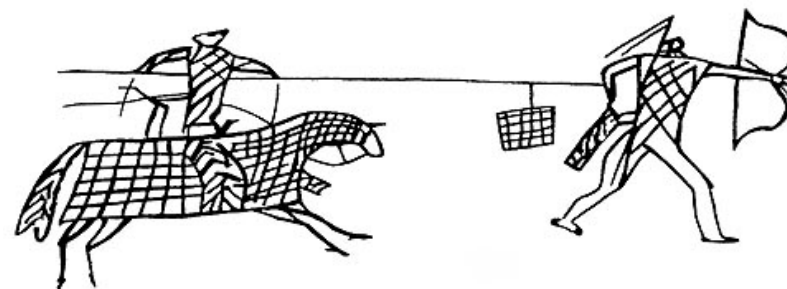
«Предки тюрков, жившие на правом берегу Западного моря, были истреблены воинами соседнего племени [или воинами государства Линь]. После случившегося от предков правящего рода тюрков в живых остался лишь изуродованный врагами 10-летний мальчик. Несчастливого ребенка с отрубленными ногами от голодной смерти спасла волчица. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших последнего из истребленного племени, волчица бежит в горы Восточного Тянь-Шаня севернее Гаочана. Там в пещере она рождает 10 сыновей, зачатых спасенным ею мальчиком. Каждый сын волчицы женился на женщинах Гаочана и создал свой род – их потомки принимают родовые имена своих матерей. Самым умным и способным из детей волчицы был Ашина. Именно он и стал вождем нового объединенного племени, в который вошли 10 родов потомков волчицы. Племя успешно развивалось и вскоре число родов, входящих в племя Ашина, достигло нескольких сотен. Один из наследников Ашина вождь племени

Асян-шад вывел 500 родов потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их в Циньшане (на Алтае), где они становятся подданными жуань-жуаней, добывая и обрабатывая для них железо. На Алтае, вобрав в свой состав местных жителей, племя принимает наименование тярк, которое было связано с местным названием Алтайских гор».

III. ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ХАЗАРАХ. ИХ СЮЗЕРЕННЫ И СОСЕДИ

**«ОТЕЦ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ» МОВСЕС ХОРЕНАЦИ
(≈410-500) О БУЛГАРАХ, ХАЗАРАХ И БАСИЛАХ**

(при написании этого труда автор использовал работы более 40 своих предшественников и в т.ч. недошедшую до нас «Начальную историю Армении» сирийца Мар Абаса Катины, жившего в конце III – начале IV в.)

*Мовсес Хоренаци. История Армении /
Пер. Г. Саркисяна. – Ереван, 1990.*

«О нашем Аршаке Первом и его деяниях.

Аршак [правил в 195-182 гг. до н.э.], сын Валаршака [правил в 217-195 гг. до н.э.], царствовал над Арменией 13 лет. Ревностный последователь добродетелей своего отца, он во многом навел разумный порядок. Воюя с понтийцами, он оставил свой знак на берегу большого моря: метнул с пешего положения копье с коническим острием, как рассказывают, закаленным в змеиной крови, и глубоко всадил его в столп из жернового камня, поставленный им на берегу моря. Долгое время понтийцы почитали этот столп как творение богов. Когда же Арташес вторично напал на понтийцев, столп, говорят, был брошен в море.

В дни Аршака возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы, в Стране булгаров; многие из них, отделившись, пришли в нашу страну и поселились на долгое время ниже Кола, на плодородной земле, в обильных хлебом местах...

О царствовании Валарша; строительство авана в Басеане и обнесение стеной Нового города; война с хазарами и смерть Валарша.

После смерти Тиграна на трон вступает его сын Валарш на 32-м году правления соименного персидского царя Валарша [Вологеза III, правившего в 148-192 гг.]...

Валарш умер, процарствовав 20 лет. Если иные цари лишь прожили свое, то про него я могу сказать, что он благодаря добро-

му имени живет и после смерти в большей мере, чем более слабые цари. Ибо в его дни [т.е. на рубеже II-III вв. н.э.] орды объединившихся горцев, а именно – хазаров и базилов, во главе со своим царем, неким Внасепом Сурхапом, выйдя из ворот Чора, выплеснулись через реку Кур на эту сторону, а Валарш, встретив их с большой ратью и воинственными мужами, покрыл поле трупами рассеянных им орд и в долгом преследовании пробился через проход Чора. Тут враги вновь собрались и построились к битве, и, хотя армянские храбрецы опрокинули их и обратили в бегство, сам Валарш погиб от рук искусных лучников.

Царскую власть наследует его сын Хосров на 3-м году правления персидского царя Артабана [ок. 215 г.]. Он тотчас же собирает армянское войско и переходит великую гору, чтобы отомстить за смерть отца. Мечом и копьем поражает он эти могучие племена и берет по одному заложнику с каждой сотни пригодных к бою людей. В знак своего господства он воздвигает каменный столп с греческой надписью, чтобы показать покорность Риму».

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ЮРИСТ И ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК ЗАХАРИЙ
РИТОР (≈470- 536-553) О САБИРАХ, «БУРГАРАХ», АЛАНХ,
АВАРАХ И ХАЗАРАХ**

(в пересказе в середине VI в. анонимного сирийского хрониста «Псевдо-Захария Ритора»)

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л., 1941.

«Вместе с этими [сарматами, скифами и сериками] в этой северной стороне есть верующие 5 народов с их 24 епископами. Их католикос находится в Двине, большом городе персидской Армении. Григорием по имени был их католикос, муж праведный и знаменитый. Гурзан также земля в Армении, с языком, подобным греческому, у них есть царек христианский, подвластный царю Персии. Аран также земля, в той же земле Армении, со своим языком, с народом верующим и крещеным, у них есть царек, подчиненный персидскому царю.

Сисган также земля со своим языком и верующим народом, но живут в ней и язычники.

Базгун – земля со своим языком, которая примыкает и про-

стирается до Каспийских ворот и моря, которые находятся в пределах гуннских. За воротами живут бургары, со своим языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и аланы, у них 5 городов. Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Ауангур, народ, живущий в палатках, аугар, сабир, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит, эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них живет народ амазраты и люди-псы, на запад и на север от них живут амазонки, женщины с одной грудью, они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если они желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю. Если они рожают мужской пол, то убивают его, если женский, то оставляли и таким образом они поддерживали свое положение. Соседний с ними народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев, есть еще 3 черных народа. У гуннов лет 20 тому назад или больше вышло писание на их языке о том, как это устроено господом, сообщу так, как я слышал об этом от правдивых мужей – Иоханана из Решайна, находившегося в монастыре Бет-Айсхакуни, у Амида и от Томаса кожевника, уведенных в плен при Каваде лет за 50 перед тем или больше. Они были вновь проданы и отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались в их земле больше 30 лет, взяли жен, породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее. После того как вывели пленных из пределов ромеев и ввели к гуннам, и они оставались в их земле 34 года, явился ангел к человеку по имени Кардост, епископу земли Аран, как этот епископ сообщил, и сказал ему: «С тремя добродетельными священниками пойдти в долину и прими от меня слово, посланное тебе от господина духов, потому что я распоряжаюсь этими пленными, что из ромейских пределов вошли в область языческих народов. Я представил их молитвы богу, и он сказал мне то, что я сказал тебе». Когда с усердием отправился в долину этот Кардост, что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски «призванный богом», он с тремя священниками, сказал им ангел: «Пойдите, вступите в область языческих народов и крестите детей мертвых,

поставьте им священников, дайте им таинства, подкрепите их. Вот я с вами, сделаю вас там любимыми, вы будете делать там среди языческих народов знаменья и вы найдете все, что требуется для вашего служения». С ними пошло четверо других, и в земле, где нельзя найти покойного местопребывания, находили эти 7 мужей священников из вечера в вечер 7 хлебов и кувшин воды. Они не вошли в ворота, но были проведены через горы. Когда они прибыли, они говорили с пленными, многих окрестили и обучали некоторых из гуннов. Они оставались там неделю годов [т.е. 7 лет] и выпустили там писание на гуннском языке. Случилось в то время, что был послан туда Пробос с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с языческими народами. Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, он весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидел их, был ими благословлен и очень почтил их в глазах этих народов. Когда наш император узнал от него относительно события, совершенного так господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных поблизости, было погружено 30 мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, т.к. Пробос был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это. Через две недели лет он ушел, и был другой армянский епископ по имени Макара, он был хорошо подготовлен и вступил туда по своей воле, вместе со священниками. Он построил церковь из кирпичей, насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил.

Когда властители этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались мужам, почтили их, и каждый звал их в свою сторону, к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями. И вот они там до настоящего времени».

ГОТСКИЙ ИСТОРИК ИОРДАН (500-560) О СКИФАХ, БУЛГАРАХ, ГУННАХ И САВИРАХ

*Иордан. О происхождении и деяниях гетов
/ Пер. Е.Ч.Скржинской. – М., 1960.*

«Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро; она

тянется до рек Тиры, Данастра и Вагосолы, а также великого того Данапра и до горы Тавра – не той, что в Азии, а собственной, т.е. скифской, – по всей прилегающей к Мэотиде местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы до Кавказских гор и реки Аракса; затем Скифия, загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба, сначала тонкого, потом – широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов и отступает до албанов и серов.

Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока.

С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами; это – Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю.

Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это – Рифейские горы, которые изливают широчайший Танаис, впадающий в Мэотиду. Окружность этого озера равна 144 000 шагов, причем оно нигде не опускается глубже, чем на 8 локтей.

В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе по его области протекает Тизия; с юга же эту область отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий; стремительный и полный водоворот, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами...

На побережье океана, там, где через 3 гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных

племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.

Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения болгар, которых весьма прославили несчастья, совершившиеся по грехам нашим.

А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю...

Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов, самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли.

Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над готами и... вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним,

охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое до тех пор считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез. Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение.

Вовсе не зная, что, кроме Мэотиды, существует еще другой мир, и приведенные в восхищение скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным соизволением. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то – подобные некоему урагану племен – захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них общей человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали аланов в бегство, потому что образ гуннов пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, т.к. лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом облике живут они в звериной дикости.

Когда готы увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага...

В двенадцатый год правления Валии, гунны были изгнаны

римлянами и готами из Паннонии после почти 50-летнего обладания ею...

Что же дальше? По смерти Валии... ему наследовал Теодорид, гораздо более благополучный и счастливый. Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности.

Во время консульства Феодосия и Феста римляне, нарушив мир, пошли против Теодорида войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска... Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказались слабее противника; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись.

В этом мирном договоре участвовал Аттила, повелитель всех гуннов и правитель – единственный в мире – племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя, храбрый из готов; отсюда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего в своей власти весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам.

Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою.

Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным противнику, он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, возрадивший могущество свое гнусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости.

После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало 500 000.

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на всех трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих, король вандалов... всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь как бы Теодорид, король везеготов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху, сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким бра-

ком, но впоследствии, т.к. он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлию к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда для мужа; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее зывала к отцу о мщении.

Тогда Аттила, порождая войны, давно зачатые подкупом Гизериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодоридом, королем везеготов. Желая, чтобы обращение его было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо и к королю везеготов Теодориду, увещывая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше, чем затеять войну, боролся искусным притворством.

Тогда император Валентиниан направил к везеготам и к их королю Теодориду посольство с такими речами: «Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, согласиться соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но – что бы ни совершил – это и считает законным... Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько вождь, насколько ценен для нас этот союз, спросите о том мнение врага!».

Вот этими и подобными им речами послы Валентиниана сильно растрогали короля Теодорида, и он ответил им: «Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы движемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами...». Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждают гуннов-врагов.

И вот выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска... Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно: все это налицо, когда имеешь расположение тех, кого радует совместный выход навстречу опасностям. Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперийской стороне империи; отовсюду собрал он воинов, чтобы не оказаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы, арморицианы, литицианы, бургундионы, саксоны, рипариолы, брионы – бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии.

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называются Мавриакскими... Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков!

Но раньше, чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан, где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, утратившись вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей спросить о будущем. Они, взглянув на своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Неболь-

шим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его – Аттилы – движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, выростало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими союзниками, левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся ничьей вершину.

Правое крыло держал Теодорид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемира, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих, славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью, любил его и Валамира, короля остроготов, больше, чем других царьков...

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию того места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрцу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением – это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападём на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена... Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь, гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие!.. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!».

И зажженные этими словами, все устремились в бой.

Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбадривало унывающих. Сходятся в рукопашную; битва – лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каких нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они – раненые – и пролили.

Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же... Это и было тем, о

чем вначале сообщили Аттиле гадатели в их предсказании, хотя он и помышлял это об Аэции.

Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградой лагеря, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

Торисмунд, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненый в голову, был сброшен с коня; когда свои благодаря догадке освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете римляне увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный. Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, т.к. он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов...

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 000 человек, не считая 15 000 гепидов и франков; эти раньше, чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке – франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданным. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу...

Аттила, воспользовавшись уходом везеготов и заметив распад между врагами на 2 лагеря, – чего он всегда желал, – успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилеи, главного города провинции Венетии; город этот расположен на остром мысу или языкообразном выступе Адриатического залива; с востока стену его лижет водами своими река Натисса, текущая с горы Пикцис. После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, противно своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А т.к. был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите, – сказал он, – на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, т.к. опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя считать ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки». Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилеи. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошают они также

Медиолан, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому, что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, ибо тот после взятия Рима жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела – идти или не идти – и, размышляя сам с собой, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев на Амбурейском поле в провинции Венетии, там, где река Минций пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Пладиции Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата – вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства.

Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую – направлял оружие, а излишек своего негодования излил, обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иному, чем раньше, дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером, чтобы, изменив после их поражения самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда

гунны и разные подчиненные им племена, Аттила двинул войско на аланов. Но Торисмуд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием: он с крайней быстротой первый явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подходившего Аттилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам. Так достоправный Аттила, одержавший так много побед, когда хотел унижить славу своего погубителя и стереть то, что испытал когда-то от везеготов, претерпел теперь вдвойне и бесславно отступил...

...И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.

Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдикю. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от изливания крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей.

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое

оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это явление божества истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим.

Не преминем сказать – хоть немного из многого – о том, чем племя почтило его останки. Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умилованный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?».

После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные чувства, выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью, тайно, труп предают земле, накрепко заключив его в 3 гроба – 1-й из золота, 2-й из серебра, 3-й из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покорил племена, золото и серебро – потому что он принял орнат обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство двorca. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно таким образом вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного.

После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть».

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ (≈500-570) ОБ АНТАХ И СЛАВЯНАХ, ГУННАХ, САВИРАХ И АМАЗОНКАХ

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С.П.Кондратьева // Прокопий Кесарийский. О постройках. – М., 1996.

«Книга III.

14. Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жадности стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрел никакого состояния. На 4-м году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку. Дело в том, что жившие по Истру варвары, гунны, анты и славяне, часто совершая такие переходы, наносили римлянам непоправимый вред. Хильбудий настолько был страшен варварам, что в течение 3 лет, пока он был облечен званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истр для войны с римлянами, но сами римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров. Спустя 3 года после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая; пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий. После этого река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открытой для их вторжения. Таким образом, оказалось, что все могущество Римской империи в этом деле совершенно не может равняться доблести одного человека.

Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один славянин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости по имени Хильбудий, и отвел его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина, он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы. Около этого времени анты сделали набег

на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюби-вому и мягкому хозяину. Сам же этот пленник был очень коварным и способным обмануть любого встречного. Т.к. при всем желании он не находил никаких средств вернуться в римскую землю, он придумал следующее. Придя к хозяину, он рассыпался в похвалах его милосердию, утверждая, что за это ему от бога будет много всяких благ, что сам он ни в коем случае не окажется неблагодарным своему добрейшему господину, и что если хозяин захочет послушать его добрых советов, которые он очень хорошо обдумал, то в скором времени он сделается обладателем большой суммы денег. У одного славянского племени на положении раба находится Хильбудий, бывший военачальник римлян, скрывающийся от всех варваров, кто он такой. Если ему будет угодно выкупить Хильбудия и доставить его в землю римлян, то вполне естественно, что он получит великую славу и очень много денег от императора. Таки-ми речами римлянин тотчас убедил своего хозяина и вместе с ним отправился к славянам. У этих народов был заключен мирный до-говор, и они без страха общались друг с другом. И вот, предложив хозяину Хильбудия большую сумму, они купили этого человека и с ним быстро вернулись домой. Когда они вернулись к себе, на свое местожительство, купивший стал его спрашивать, правда ли, что он Хильбудий, римский военачальник? Он не отказался рассказать все, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь, что он сам родом ант, что, сражаясь вместе со своими родичами со славянами, бывшими тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он в дальнейшем согласно закону будет уже свободным. Заплативший за него деньги остолбенел, лишившись дара речи от изумления, и впал в величайший гнев, потеряв столь великую надежду на выго-ду. Но римлянин, желая его утешить и скрыть истину, чтобы не сде-лать своего возвращения домой более затруднительным, продол-жал настаивать, что этот человек тот самый римский Хильбудий, но что он, находясь в среде варваров, боится открыть все, когда же окажется в римской земле, не только не будет скрывать правды, но, естественно, будет гордиться этим именем. Вначале все это дела-лось тайно от остальных варваров.

Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал достояни-

ем всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что они – хозяева римского полководца Хильбудия. Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут в сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но, по существу, они неплохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племена называли спорами, думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе...

Книга IV.

3. Над этой страной лежит горный хребет Кавказа. Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни

дожди, ни снегопады: они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины они сплошь покрыты снегом; предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор. Отроги Кавказских гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот. Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это – племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов. Этим свой рассказ о Кавказском хребте я считаю оконченным.

Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые другие гуннские племена. Говорят, что отсюда же вышли амазонки и разбили свой лагерь около Темискура на реке Термодонте, как я говорил немного выше, там, где теперь находится город Амис. Теперь в окрестностях Кавказского хребта нигде не осталось ни воспоминания, ни имени амазонок, хотя и Страбон, и другие писатели много рассказывают о них. Мне кажется наиболее верным относительно амазонок мнение тех, которые утверждали, что никогда не существовало такого «отдельного» племени храбрых женщин и что законы человеческой природы не могли быть нарушены только в области Кавказского хребта; они говорили, что огромное войско варваров двинулось из этих мест на Азию со своими женами; став лагерем у реки Термодонта, варвары мужчины, оставив здесь своих жен, стали бродить, грабя и опустошая большую часть земель Азии. Когда против них поднялись жившие здесь народы, они были все перебиты, и никто из них, ни один человек, не вернулся в лагерь к своим женам. Эти женщины и дальнейшем под влиянием страха перед окружающими их жителями и вынужденные к этому недостатком продовольствия приняли волей-неволей мужской облик, надев на себя оружие и воинские доспехи, оставленные мужчинами в лагере; вооружившись таким образом, они доблестно совершили много славных подвигов, т.к. их толкала на это необходимость. Это продолжалось до тех пор, пока они все не погибли. Я и сам думаю, что это было так, что амазонки шли походом вместе со своими мужьями, основываясь на том, что происходило фактически и в мое время: обычаи, дошедшие до позднейших потомков,

являются сложением природных свойств и привычек предков. Так ведь гунны не раз делали набеги на Римскую империю и вступали в рукопашный бой с теми, кто выходил против них: конечно, некоторым из них приходилось здесь пасть убитыми. После удаления варваров, подбирая и осматривая тела убитых, римляне находили среди них и тела женщин. Ведь другого женского войска нигде, насколько известно, не было найдено ни в одном месте – ни в Азии, ни в Европе. Да и поскольку нам известно по слухам, и горы Кавказа никогда не были лишены мужского населения. Вот что хотел я рассказать относительно мужского населения. Вот что я хотел рассказать относительно амазонок».

**ДИПЛОМАТ МЕНАНДР ВИЗАНТИЕЦ (ВТ.П. VI В.)
ОБ АНТАХ И РАЗНЫХ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕНАХ,
О ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЮЗЕ ГРЕКОВ С «ТУРКАМИ,
В ДРЕВНОСТИ НАЗЫВАВШИМИСЯ САКАМИ»**

Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. С.Дестуниса. – СПб., 1860.

«[558 г.] Наконец римляне и персы согласились между собой не уступать друг другу ни крепостей, ни другого какого-либо из занимаемых ими мест и оставаться в том положении, в каком были до точнейшего рассмотрения спора. Так и было постановлено. Заключено перемирие, подававшее надежду к скорому заключению совершенного мира. После чего эти великие государства оставались в покое.

Когда эти дела были в таком положении, а унны под начальством Завергана прогнаны были куда-то далеко от римских владений, тогда Юстиниан, полагая, что котригуры опять придут опустошать Фракию, не давал отдыха вождю утигуров Сандилху частыми посольствами и другими способами, подстрекая его во что бы то ни стало воевать против Завергана. К увещаниям император присоединил и обещание, что передаст Сандилху то жалованье, какое от Римской державы назначено было Завергану, если только Сандилх одолеет котригуров. Сандилх хотя и желал быть в дружеских сношениях с римлянами, однако же так писал к царю: «Было бы неприлично и притом незаконно вконец истребить наших едино-

племенников, не только говорящих одним языком с нами, ведущих одинаковый образ жизни, носящих одну с нами одежду, но притом и родственников наших, хотя и подвластных другим вождям. При всем том (т.к. того требует Юстиниан!) я отниму у котригуров коней и присвою их себе, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить римлянам»...

Авары после долгого скитания пришли к аланам и просили их вождя Саросия, чтобы он познакомил их с римлянами. Саросий известил о том Юстина, сына Германова, который в то время начальствовал над войском, находившимся в Лазике. Юстин донес о просьбе аваров царю Юстиниану, который велел полководцу отправить посольство аваров в Византию. Первым посланником этого народа был избран некто по имени Кандих. Представ пред императором, он сказал: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противников. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников, но они только в таком случае будут в дружеских связях с Римской державой, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобой на плодородной земле». Вот это объявил царю Кандих. Но телесная сила и здоровье государя уж не были так цветущи, как в ту пору, когда, быв еще молод, он взял в плен Гелимера Вандила и Витигия Готфа. Он был уже стар, и та твердость и воинственность превратились в любовь к покою. Итак, он решился отразить неприятельскую силу другим способом, не войной. И он преодолел бы аваров и истребил бы их вконец, действуя не войной, а одним благоразумием, если жизнь его самого не пресеклась неизбежною смертью: он вскоре скончался. Быв решительно не в силах справиться с аварами, он пошел другими путями...

Царь говорил речь в собрании. Священный совет хвалил его проницательность. Вскоре посланы были в подарок аварам цепочки, украшенные золотом, и ложа, и шелковые одежды, и множество других вещей, которые могли бы смягчить души, исполненные надменности. Притом отправлен был к аварам посланником Валентин, один из царских мечников. Ему предписано было ввести то племя в союз с римлянами и заставить его действовать против римских врагов. Такие меры, по моему мнению, были придуманы царем весьма разумно, потому что, победят ли авары или будут побеж-

дены – и в том и в другом случае выгода будет на стороне римлян. Валентин по прибытии к аварам отдал подарки и передал им все то, что было ему предписано царем. Авары вскоре завели войну с утигурами, потом с залами, которые уннского племени, и сокрушили силы савиров...

Владетели антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю. Угнетаемые набегами неприятелей, анты отправили к аварам посланником Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа. Посланник Мезамир, пустослов и хвастун, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда Котрагиг, который был связан родством с аварами и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменнее, нежели как прилично посланнику, сказал хагану: «Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые сколько-нибудь его неприятели. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Авары, убежденные словами Котрагига, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира. С тех пор пуще прежнего стали авары разорять землю антов, не переставали грабить ее и поработать жителей...

[Ок. 562 г.] Юстиниан принял посольство аваров, которые требовали, чтобы было им позволено осмотреть землю, куда их племя могло бы поселиться. Вследствие донесения полководца Юстина, царь имел намерение поселить этот народ в земле эрулов, т.е. там, где перед этим жили эрулы. Эта земля называется Второй Пеонией. Царь изъявлял на то согласие, если только авары охотно там поселятся. Но авары были так привязаны к своей земле, что и не думали поселяться вне Скифии. Это дело осталось без движения. При всем том полководец Юстин отправил в Византию аварских посланников и дал знать царю, чтобы тот подольше задержал их в городе. Он успел привязать к себе одного авара по имени Икунимон, который объявил ему за тайну, что авары одно говорят, а другое думают, что они употребляют самые умеренные слова и прикрывают кротостью обман, что под видом, будто хотят перейти по сю сторону Истра для утверждения дружбы с римлянами, они на самом деле умышляют совсем другое и намерены, если только

удастся им, переправиться через реку, напасть на римлян со всеми силами. Узнав это, Юстин писал царю о задержании аварских посланников в Византии, потому что авары не решатся перейти реку, пока посланники их не будут отпущены. Между тем как Юстин действовал таким образом, он также заботился и об охране на реке переправы. Он поручил Вону, начальнику дворцовой стражи, оберегать реку. Посланники аварские, не достигнув цели своего приезда в Византию, получили от царя обычные подарки, купили все для себя необходимое, между прочим и оружие, и были отпущены. Однако же царь дал Юстину тайное повеление каким-нибудь образом отнять у них оружие. Полководец, приняв посланников на возвратном пути, исполнил данное ему повеление. Отсюда началась между римлянами и аварами вражда, которая уже давно тлела под спудом; поводом к ней в особенности было то, что не тотчас отпущены посланники, тогда как Ваян очень часто приказывал им возвратиться; но царь, зная хорошо замыслы Ваяновы, всеми мерами так устраивал обстоятельства, чтобы посланники задержаны были в столице...

Владетель турков Силзивул, узнав о побеге аваров, которые ушли по нанесении вреда туркам, со свойственной варварам дерзостью сказал: «Авары не птицы, чтобы, летая по воздуху, избежать им мечей туркских; они не рыбы, чтобы нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины; они блуждают на поверхности земли. Когда покончу войну с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил». Говорят, после этих-то хвастливых слов Силзивул устремился против эфталитов...

[565 г.] При Юстине Младшем прибыли в Византию аварские посланники для получения обычных подарков, которые даваемы были их народу предшественником его царем Юстинианом. Эти подарки состояли в шнурках, испещренных золотом, которыми связывают беглых, также в ложах и других предметах неги. Посланники хотели испытать царя и узнать, не могут ли они получать подарки и другим каким-либо образом, пользуясь нерадением римлян и обращая беспечность их в свою выгоду. С этой целью они просились представиться царю. Когда им было позволено явиться к царю и высказать, что им угодно, через переводчиков, они вот что сказали: «Государь! Наследуя власти отца своего, ты обязан и друзьям отеческим благотворить, подобно ему, и являться достойным наследником умершего тем именно, что ты не переменял ничего

из постановленного им при жизни его. И мы останемся в том же расположении к тебе и не менее будем хвалить твою благотворительность, когда будем признавать тебя, после отца твоего, своим благодетелем. К тому же считаем постыдным для себя, получая благодеяния, не воздавать благодарности тому, кто нам их оказывает. Отца твоего, изъявлявшего нам свое благорасположение подарками, мы отдаривали тем, что не нападали на римские владения, хоть и имели на то возможность. Но мы сделали еще и больше того: мы истребили разом тех соседственных нам варваров, которые постоянно разоряли Фракию, и не остается из них более ни одного, кто бы напал на пределы фракийские. Они страшатся силы аваров, дружески расположенных к державе Римской. Итак, мы уверены, ты сделаешь относительно нас ту только перемену, что будешь давать нам более чем твой отец; за то и мы будем тебе еще более обязанными, чем ему, и окажем тебе еще более благодарности. Мы пришли сюда взять то, что по обыкновению нам следует, и знай, что невозможно нашему владельцу быть в дружбе с тобой и с Римской державой, пока не будут ему выданы те подарки, за которые он решился не подымать оружия на римлян». Таковы были речи аварских посланников. Они придали им двойное значение: казалось, они то просят, то грозят. Они полагали, что этим способом устрашат царя и заставят римлян быть как бы данниками аваров. Но царь, считая речи аваров пустым звуком, отвечал им так: «Вы предъявляете высокомерные требования свои и вместе с тем просите. Вы думаете, что этим смещением речей достигаете цели ваших желаний, но и то и другое ожидание ваше останется без успеха. Вы не обманете нас лестью, не устршите угрозами; я дам вам более, чем отец мой: заставлю вас прийти в себя, когда вы через меру возгордились. Благодетелем своим более должно считать того, кто умеряет беспорядочные замыслы, кто останавливает дерзкие стремления, ведущие к гибели, а не того, кто поощряет роскоши, кто, показывая, будто любит, пользуется малейшим случаем к погублению людей, которым оказывал свои мнимые благодеяния. Итак, удалитесь отсюда, считая и то для себя великой выгодой, что остаетесь в живых. Вместо римских денег уносите с собой страх к нам, для вас спасительный! Я никогда не буду нуждаться в вашем союзе; вы ничего не получите от нас, кроме того, что нам угодно будет дать вам в награду за службу, а не вместо дани, как вы полагаете». Внушив страх посланникам аварским, царь дал им

знать этими словами, что он не потерпит их корыстолюбия, что они не будут получать от него ничего из получаемого прежде и что они впредь не будут безопасно делать набеги на римские владения. Они были в глубоком унынии, помышляя о том, чем это кончится, и о направлении, какое примут их дела. Они не хотели ни бесполезно оставаться в Византии, ни удалиться без всякого успеха. Наконец, меньшим из этих зол было возвратиться к своим единоплеменникам. Пораженные ответом императора, они примкнули к единоплеменникам и отправились в землю франков...

[568 г.] В начале 4-го года царствования Юстина в Византию прибыло посольство от турков [из Тюркского каганата]. Турки достигли в то время великой степени могущества. Согдаиты, которые перед тем были подданными эфталитов, сделавшись подданными турков, просили своего царя отправить посольство к персам для исходатайствования им позволения ездить в Персию и продавать там шелк. Дизавул [ябгу Истеми, младший брат кагана Бумына, из династии Ашина] изъявил на то согласие и позволил согдаитам отправить посольство. Оно состояло под начальством Маниаха. Представ пред персидского царя, посланники просили, чтобы им можно было, без всякого препятствия, производить в Персии торговлю шелком. Персидский царь, которому это вовсе не нравилось, потому что он не хотел, чтобы турки имели свободный въезд в пределы Персии, отложил ответ до следующего дня, а потом опять отсрочивал до другого. Т.к. это дело все откладывалось под разными предложениями, а согдаиты приставали к Хозрою и продолжали просить его, то он созвал совет. Тогда Катулф, тот эфталит, который предал туркам своих единоплеменников за то, что государь эфталитский изнасилвал его жену, перейдя уже на сторону персов и быв им привержен, убедил персидского царя не выпускать из земли своей привезенного шелка, но купить его, заплатив то, чего он стоил, и потом, на виду у посланников, сжечь его, чтобы они могли видеть, что он не хочет ни обижать их, ни употреблять привезенного турками шелка. Итак, шелк был сожжен, а согдаиты уехали восвояси, весьма недовольные тем, что случилось. Они донесли о том Дизавулу. Вскоре после того он отправил другое посольство к персам, желая открыть дружеские сношения между ними и своим государством. Посланники его прибыли опять в Персию, но Хозрой, согласно с мнением персидских сановников и Катулфа, полагал, что персам вовсе не было выгодно дружить с турками, потому

что скифское племя коварно и изменчиво. Итак, он приказал отравить ядом некоторых из посланников, чтобы турки отказались впредь от желания приезжать в его государство. Все посланники турецкие, кроме 3-х или 4-х, лишились жизни от примеси в пищу их губительных составов. Персы распустили потом слух, будто посланники погибли от удушливых жаров персидских, потому что турки привыкли жить в стране, часто покрываемой снегами, не могут жить там, где не бывает морозов. Посланники, избегшие козней персов, хотя подозревали, как было дело, возвратись на свою родину, распространяли те же самые слухи, какие и персы. Но от Дизавула, человека сметливого и проникательного, не скрылась правда. Он был уверен, как это доподлинно и было, что посланники его погублены коварством персов. Такое было начало вражды, возникшей между турками и персами. Маниах, начальник согдаитов, пользуясь сими обстоятельствами, представил Дизавулу, что было бы выгоднее для турков держаться стороны римлян и шелк отправлять к ним для продажи, т.к. они более других народов употребляют его. Маниах объявил притом, что он сам готов отправиться с посланниками турецкими и что через это между турками и римлянами будет дружба и союз. Убеденный такими представлениями, Дизавул отправил Маниаха и несколько турков в посольство к римлянам с письмами, приветствиями и подарками, состоявшими из немалого количества шелку. Маниах пустился в путь. Странствование его было продолжительно. Он прошел многие страны, высокие, близкие к облакам горы, равнины и долины, озера и реки, потом перевалил через самую гору Кавказ и прибыл наконец в Византию. Введенный во дворец и представленный царю, он исполнил все, что водится, на правах дружбы, вручил письма и подарки приставленным к тому чиновникам и просил царя, чтобы перенесенные им в этом путешествии труды не остались для него бесплодными. Царь, прочитав через переводчиков скифское письмо, принял посланников весьма благосклонно и расспрашивал их о стране и о владениях турков. Посланники говорили, что народ их разделяется на 4 владения, но что владычество над всеми принадлежит одному Дизавулу, что они покорили и эфталитов и заставили их платить себе дань. Император спросил посланников: «Всю ли эфталитскую силу вы подчинили себе?» – «Всю», – отвечали посланники. Государь: «Как жили эфталиты, в городах или в селениях?» Посланники: «Это племя, государь, живет в городах». – «Итак, – заметил император, – ясно,

что вы овладели их городами». – «Так точно», – отвечали они. «Уведомите нас, – сказал царь, – сколько аваров свергли господство турков и остались ли еще авары у вас?» – «Есть авары, которые еще преданы нам; число же тех, которые от нас убежали, полагаем, до 20 000». Посланники исчислили потом племена, подчиненные туркам, и наконец просили императора заключить мир и союз с турками. Они присовокупили, что очень расположены воевать с неприятелями Римской державы, живущими в их краях. При этих словах Маниах поднял руки вверх и вместе с бывшими с ним посланниками произнес великую клятву, утверждая, что сказанные им слова правдивы. Они произнесли проклятия на самих себя, на Дизавула и даже на весь свой народ, если не исполнят данных обещаний и если слова их были ложны. Таким-то образом турки подружились с римлянами и пришли в наше государство...

Турки, в древности называвшиеся саками, отправили к Юстину посольство с мирными предложениями. Царь тоже принял намерение отправить к ним посольство. Он велел полководцу восточных городов Зимарху, киликийцу, готовиться к этому посольству. Когда все уже было готово к дальнему пути, то Зимарх отправился из Византии, сопровождаемый самим Маниахом и его товарищами, в начале месяца, называемого латинами августом, к концу четвертого года царствования Юстина и во втором году 15-летнего периода...

Путешествие Зимарха и его спутников было продолжительно. Как скоро они прибыли в страну согдаитов и сошли с лошадей, то некоторые турки, видно нарочно на то поставленные, предлагали Зимарху купить у них железа; я думаю, они это делали, чтобы показать римлянам, что в стране их есть железные рудокопни, ибо обыкновенно говорят, что у них трудно доставать железо. Можно бы догадаться, что они этим хвастовством давали знать римлянам, что их земля производит этот металл. Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли будто они имели способность отгонять несчастья, придя к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажей. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья,

они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали. По совершении сих обрядов, Зимарх шел вместе с приставленными к нему турками к горе, называемой Эктаг, что по-эллински значит «золотая гора», где находился сам хаган. По прибытии в одну долину Золотой горы, где было пребывание Дизавула, Зимарх и его спутники были немедленно призваны к нему. Хаган находился внутри шатра и сидел на золотом сиденье с двух колес, которое, когда нужно было, тащила 1 лошадь. Приветствовав варвара по обычаю, Зимарх принес дары, которые и были приняты теми, кому это было поручено. Тогда Зимарх сказал: «Наш великий царь, употребив меня своим вестником, желает тебе, государь толиких народов, чтобы счастье было всегда к тебе благоприятно и благосклонно и чтобы ты любил римлян и был к ним благорасположен. Одерживай постоянно верх над своими врагами и собирай добычу со своих противников! Да удалится от нас всякая зависть, могущая расторгнуть узы дружбы! Приязненны мне племена турков и все, подвластные туркам! Также и наше расположение к вам будет всегда неизменно». Такие слова говорил Зимарх; Дизавул отвечал подобными приветствиями. Потом они обедали и весь тот день провели в пировании в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский... Земля турков не производит виноградных лоз; у них вовсе нет этого растения. Римляне потом удалились туда, где было их пребывание. На другой день они были приведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покровами. Здесь стояли и кумиры, различные видом. Дизавул сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки, также золотые. Они опять пировали, поговорили за попойкой, о чем было нужно, и разошлись. В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой, на большом пространстве, в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины, и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь туркского князя. Между тем как Зимарх имел здесь пребывание, Дизавул желал, чтобы сам Зимарх, вместе

с двадцатью провожатыми и служителями, последовал за ним в поход, предпринятый им против персов, а чтобы другие римляне воротились в страну холиатов и там ожидали возвращения Зимарха. Дизавул отпустил их, изъявив подарками благосклонность свою к ним. Зимарха почтил он пленницей; она была из народа так называемых херхисов.

Дизавул отправился в поход против персов, имея при себе Зимарха. На пути они остановились на месте, называемом Талас, и здесь встретили посольство персидское. Дизавул пригласил к своему столу посланников римских и персидских. Он оказывал более внимания к римлянам и посадил их на почетнейшее место. При этом он много жаловался на персов, уверял, что терпел от них обиды и потому шел на них войной. Т.к. Дизавул говорил с сильными упреками, то персидский посол, забыв закон молчания, наблюдаемый у них за столом, начал говорить бегло и смело опровергал упреки Дизавула. Присутствующие удивлялись его пылу, что он, презрев закон, говорил много и дерзко. Персидские посланники удалились, и Дизавул готовился идти на персов. Призвав к себе Зимарха и его спутников, он утвердил дружбу с римлянами и отпустил его. Вместе с ним отправил он к римлянам другого посланника, потому что прежний, Маниах, умер. Новый посланник назывался Тагмб; он был достоинством тархан. При нем находился и сын умершего Маниаха. Он был еще отрок, но наследовал звание отца и был вторым по достоинству, после Тагмы-тархана. Я думаю, что этот молодой человек получил достоинство своего отца, потому что Маниах был очень привержен к Дизавулу и близкий к нему человек.

Зимарх был отпущен Дизавулом. Римляне, которые были прежде отпущены, застал он там, где условился съехаться с ними. Он предпринял вместе с ними обратный путь в свои земли. Оставив и главный город холиатов, они ехали крепостями.

В соседственных с Турцией народах разнесся слух, что туда прибыли римские посланники и что возвращаются уже в Византию вместе с посольством туркским. Владелец той страны просил Дизавула, чтобы и ему было позволено отправить людей из своего народа для обозрения Римского государства. Когда Дизавул на то согласился, то некоторые другие владельцы просили у него того же позволения; однако же он отказал всем, за исключением владельца холиатов. Римляне приняли к себе этого владельца, переправились через реку Оих, совершили немалый путь и достигли известного

великого и широкого озера. Здесь Зимарх пробыл 3 дня, а Георгия, который был употребляем для доставления кратких писем, отправил он к царю с предварительным известием о своем возвращении из земли туркской. Георгий отправился в Византию с 12 турками по дороге безводной и совершенно пустынной, но самой короткой, а Зимарх в продолжение 12 дней шел вдоль песчаных берегов того озера. Переехал трудные места, достиг берега Иха, а потом и Даиха и разными болотами прибыл к Аттиле [к реке Итилю – Волге]. Затем он прибыл к угурам, которые уведомили его, что в лесистых местах, около реки Кофин, засели 4000 персов и поджидают римлян, чтобы взять их в плен, как скоро те пойдут мимо них. Начальник угуров, именем Дизавула управлявший сим народом, дал Зимарху наполненные водой кожаные мехи, для того чтобы ему и спутникам его проездом по безводной степи утолять жажду. Поезд встретил на пути озеро; миновав этот обширный водоем, Зимарх доехал до тех озер, в которые впадает и в которых теряется река Кофин. Отсюда он отправил лазутчиков для осмотра и разведки: в самом ли деле засели там персы. Лазутчики, осмотрев те места, донесли Зимарху, что не видно никого. При всем том римляне приехали в Аланию с большим страхом. Они в особенности опасались племени оромусхов...

Достигнув Алании, римляне хотели представиться Сародию, владетелю этой страны, вместе с провожавшими их турками. Сародий принял дружелюбно Зимарха и людей его, но объявил, что турецкие посланники допущены будут к нему не иначе как по сложении оружия. Это подало повод к спорам, продолжавшимся 3 дня. Зимарх был посредником между спорящими. Наконец турки, сложив оружие, как требовал Сародий, были к нему допущены. Князь аланский предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге Миндимиянов, потому что близ Суании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской. Зимарх, узнав об этом, послал по дороге Миндимиянской 10 человек носильщиков с шелком, чтобы обмануть персов и заставить их думать, что шелк послан наперед и что на другой день явится он и сам. Носильщики пустились в путь, а Зимарх, оставив слева дорогу Миндимиянскую, на которую, полагал он, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию. Он достиг Рогатории, потом и Понта Эвксина. Он отправился на судах до реки Фасий и наконец прибыл в Трапезунт. Отсюда на об-

щественных лошадях приехал в Византию, был представлен царю и донес ему обо всем. Так кончилось путешествие Зимарха в землю турков и обратно...

Авары и франки заключили между собой союз. Когда мир был упрочен, Ваян дал знать франкскому князю Сигисберту, что аварское войско его томилось голодом и что Сигисберту, как государю и притом туземному, не следовало оставлять без помощи союзников своих. Он объявил притом Сигисберту, что если снабдит аварское войско нужными припасами, то он долее трех дней там не останется, а потом удалится. Получив это известие, Сигисберт отправил немедленно к аварам муки, овощей, овец и быков».

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИК ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА (НАЧ. VII В.) О ЕДИНОБОЖИИ ТЮРКОВ

Феофилакт Симокатта. История / Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» / Пер. С.П.Кондратьева. – М., 1957.

«Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот и своими жрецами ставят тех, которые, по их мнению, могут дать им предсказание о будущем».

СКЕВОФИЛАКС И ПРЕСВИТЕР ФЕОДОР СИНКЕЛЛ (П.П. VII В.) О ПОХОДЕ АВАР И СЛАВЯН НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 626 Г.

[Отрывки о славянах из «Истории» Феофилакта Симокатты] / Пер. С.А.Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. – М., 1995. – Т. II.

«[Рассказ о прибытии к аварскому кагану византийского посольства, в котором участвовал автор. Каган хвалится, что вскоре к нему придут подкрепления от его союзников персов]... И действительно, мы своими глазами видели персов, посланных от Сарваразы и принесших хагану дары. Мы слышали также, будто они заключили соглашение о том, чтобы были посланы славянские монокилы и в них персидское войско из Халкидона пересекло море».

Так сказали послы. А варвар [аварский каган] просил у персов войско не потому, что нуждался в союзниках – ведь и земля, и море были заполнены подвластными ему свирепыми племенами, но дабы показать нам единодушие, которым отличался его союз с персами против нас. И вот этой ночью посланы были моносилы к персам, и на них множество славян отплыло, чтобы привезти персидское союзное войско. Ведь славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу.

[Штурм 7 августа] На море были снаряжены славянские моносилы, чтобы в одно время и в один час против города началась одновременно и сухопутная, и морская война. Хагану удалось превратить в сушу весь залив Золотой Рог, заполнив его моносилами, везущими разноплеменные народы. Он считал, что именно это место подходит для нападения на город...

И по всей стене, и по всему морю раздавался неистовый вопль и боевые кличи... А в заливе Золотой Рог хаган заполнил моносилы славянами и другими свирепыми племенами, которые он привел с собой. Доведя число находившихся там варварских гоплитов до огромного множества, он приказал флоту налечь на весла и с громким криком двинуться против города. Сам он начал приступ, мечтая о том, что его воины на суше низвергнут стены города, а моряки проложат легкий путь к нему по заливу. Но повсюду Бог и Дева Владычица сделали его надежды тщетными и пустыми. Такое множество убитых врагов пало на каждом участке стены и столько повсюду погибло неприятелей, что варвары не смогли даже собрать и предать огню павших.

А в состоявшемся на море сражении Богородица потопила их моносилы вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах, так что весь этот залив заполнился мертвыми телами и пустыми моносилами, которые носились по воле волн, плавали бесцельно, если не сказать бессмысленно. Всего этого было так много, что по заливу можно было ходить, словно посуху. Что одна только Дева вела это сражение и одержала победу, несомненно явствовало из того, что сражавшиеся на море в наших судах были обращены в бегство первым же натиском вражеских полчищ. Дело уже шло к тому, чтобы они поворотили корму и открыли врагам легкий доступ к городу, если бы человеколюбивая Дева не упредила этого своим могуществом и не явила бы свою

силу. Не так, как Моисей, который растворил Чермное море жезлом, а потом снова сдвинул воды, – но одним только мановением и велением Богородица опрокинула в море фараоновы колесницы и все его воинство и потопила в воде разом всех варваров вместе с их плотами и лодками. Некоторые говорят, что наши воины были подвигнуты к отступлению не страхом перед противником, но что сама Дева, желая показать свою власть творить чудеса, приказала им притворно отступить, чтобы варвары потерпели полное крушение около ее святого храма, нашей спасительной пристани и тихой гавани – Влахернского храма Богородицы. И можно было видеть дивное зрелище и великое чудо: весь залив сделался сушей от мертвых тел и пустых моносил, и по нему текла кровь. А те немногие из варваров, которым удалось благодаря умению плавать добраться до северного берега и избежать гибели в море, – даже и они бежали в горы, хотя никто их не преследовал».

ФРАНКСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ ФРЕДЕГАР СХОЛАСТИК (СЕР. VII В.) О СЛАВЯНАХ И АВАРАХ

Перевод Д.Н.Пакова по изданию: The fourth book of the Chronicle of Fredegar. – Greenwood Press, 1981.

«На 40-м году правления Хлотаря [623 г.] некий человек по имени Само, франк родом из Санса, вместе с другими купцами отправился к тем славянам, которые известны как венды. Славяне уже подняли восстание против авар, называемых также гуннами, и против их правителя-кагана. Венды были долгое время поданными гуннов, которые использовали их как *befulci*. Когда бы гунны ни выступали против других народов, они стояли у лагеря в строю, готовые к бою, пока сражались венды. Если венды побеждали, то гунны бросались вперед за добычей, но если венды терпели поражение, то гунны поворачивали их и вновь заставляли вступать в битву. Венды звались гуннами *befulci*, потому, что они дважды начинали атаку в боевых порядках, и таким образом прикрывали гуннов. Каждый год гунны зимуют со славянами, спят с их женами и детьми, и вдобавок славяне платят дань и терпят много других тягот. Сыновья, рожденные от гуннов славянским женами и дочерьми, однажды нашли это постыдное унижение нестерпимым, и поэтому, как я сказал, они отказались подчиняться своим господам и подняли

восстание. Когда они выступили против гуннов, Само, о котором я говорил, пошел с ними, и его храбрость вызвала их восхищение: удивительно много гуннов пало от меча вендов. Признав его заслуги, венды сделали Само своим королем, и он правил ими 35 лет. Несколько раз они, под его руководством, воевали с гуннами, и его благоразумие и храбрость всегда доставляли вендам победу».

АРМЯНСКИЙ ГЕОГРАФ АНАНИЯ ШИРАКАЦИ (≈610-685) О НАРОДАХ САРМАТИИ

Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. К.П.Патканова. – СПб., 1877.

«В Сарматии находятся горы Гиппийские, Кераунские и другие, и многие реки, в числе которых Этиль с 70 рукавами, на берегах которого укрепился народ басилы.

Следующие народы живут в Сарматии: 1. хазары, 2. буши, 3. баслики [барсилы], 4. апшеги, 5. апхазы, 6. царственные сарматы, 7. иппофаги, 8. нахчаматьяны, 9. фтирофаги, 10. сюрикаци, 11. митрикаци, 12. амазоны, 13. аланы, 14. хебуры, 15. кудеты, 16. скуми, 17. аргаветы, 18. марголы, 19. такоци, 20. аргозы, 21. дачаны, 22. пинчи, 23. двалы, 24. гунны, 25. воспуры, 26. цанары, у которых проходы Аланский и Цекан, 27. туши, 28. хуши, 29. кусты, 30. антропофаги, 31. цхаваты, 32. гудамакары, 33. дуичики, 34. дидоци, 35. леки, 36. катапастианы, 37. агутаканы, 38. хенуты, 39. шилы, 40. тчигбы, 41. хелы, 42. каспы, 43. пухи, 44. ширваны, 45. хсраны, 46. таваспары, 47. хечматаки, 48. ижамахи, 49. пасхи, 50. пусхи, 51. пиконаки, 52. баканы, 53. маскуты, у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербендская стена, громадная твердыня в море. Севернее живут гунны, у которых город Варачан и другие города. Царь Севера называется Хаган. Он владыка хазар. Царица же, жена Хагана, происходит из рода Басилов».

ТЮРКСКИЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПИСЬМЕНА В ЧЕСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ КОК-ТЮРКСКОГО КАГАНАТА ТОНЬЮКУКА (646-724) И КЮЛЬ-ТЕГИНА (685-731)

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.-Л., 1951.

Памятник в честь Тоньюкука

«Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач, т.к. и весь тюркский народ был в подчинении у государства Табгач.

Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало тебе хана, ты, оставив своего хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения Небо, можно думать, тебя поразило. Тюркский народ ослабел, обессилел, сошел на нет. В стране народа тюрков-сиров не осталось государственного организма. Оставшиеся независимыми среди деревьев и камней соединились, и их составилось 700 человек. Две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой. Тот, кто 700 людей заставил последовать, старший из них, был «шад». Он сказал: «Приставайте ко мне». Я был к нему приставшим – мудрый Тоньюкук. Не каганом ли мне его пожелать, говорил я в сердце своем. Я думал: если будущий хан вообще знает, что у него есть и тощие быки, и жирные быки, но он не может /не способен /не знает назвать в отдельности, который жирный бык и который тощий бык. Говоря, в сердце своем, я так думал. Затем: т.к. Небо даровало мне знание, то, несмотря на малые способности хана, сам я захотел его в качестве хана.

А хан: «С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана, я, Ильтерес, да буду каганом!». Он много поразил на юге табгачей, на востоке – киданей, на севере – огузов. Его товарищем по знанию и его товарищем по славе был я сам. Мы избрали местожительство Куз Чугая и Каракумы, мы жили там, питаясь оленями и питаясь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были для них падалью. Так проживая, от гузов пришел лазутчик.

Слова лазутчика таковы: «Над народом токуз-огузов воссел каган, говорит соглядатай, – он послал к табгачам Куны-Сенгуна, к

киданям послал Тонгра Сема. Слово так послал: тюркский народ в небольшом только количестве кочует, но каган его – герой, а советник у него – мудрый. Пока существуют эти 2 человека, то вас, табгачей, они убьют, – говорю я; на востоке киданей они убьют, – говорю я, – нас, огузов, тоже убьют, говорю я. Табгачи – нападайте с юга, кидане – нападайте с востока, я нападу с севера. Да не распорядится в земле тюрков-сиров какой-то властитель. Да уничтожим мы, насколько возможно, этого властителя, – говорю я». Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя. После этого я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: табгачи, огузы, кидани, эти втроем, если соединятся [или если будут воевать против нас], то мы, пожалуй, останемся как бы предоставленные самим себе. Тонкое сложить в кучу – легкое дело; слабое разорвать – легкое дело, но если тонкое сделается толстым, то то, что может собрать толстое, это будет герой. Если слабое сделается крепким, то то, что может разорвать крепкое, это будет герой. Мы должны прийти на востоке к киданям, на юге к табгачам, на западе к западным и на севере к огузам, с 2-3-мя тысячами нашего войска. Может ли это быть? Так я просил хана.

Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу. Он сказал: «Ты по своей воле заставь следовать войско». Пройдя реку Кёк Онг, провел к лесу Отюкэн. По реке Тогле пришли огузы с рогатым, вьючным скотом, войска их было 6[3?]000, нас было 2000. Мы сразились. Небо оказало нам милость, и мы рассеяли их: они упали в реку. На пути преследования многие еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли.

Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы.

Нас было 2000; мы были двумя отрядами войск. Тюркский народ и тюркский каган, для дальнейшего обитания завоеывая, не дошел до городов Шантунга и до морской реки. Своего кагана я упросил и двинул войска.

Я довел войска до городов Шантунга и до морской реки. Они разрушили 23 города и остались на жительство в земле Усынбундату. Каган народа табгач был нашим врагом. Каган народа «десяти стрел» был нашим врагом.

Но больше был нашим врагом киргизский сильный каган. Эти 3 кагана, рассудив, сказали: да пойдём мы походом на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдём против него, как бы то ни было, он нас победит: каган тюркского народа – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, он, возможно, окажется победителем нас. Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали они. Тюргешский каган сказал так: «Мой народ там будет», – сказал он, а тюркский народ находится в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии. Услышав это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, а днем я не находил покоя. Тогда я задумал... [пропуск в тексте] будем воевать... [пропуск в тексте] сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кёгмэн только одна и она завалена снегом, я сказал: не годится, если идти этим путем... [пропуск в тексте] Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.

«Моя родная земля – Аз, ее зна... [пропуск в тексте] Там есть одна остановка, если отправиться по реке Аны, то до ночлега там останется ход одной лошади», – сказал он. Я сказал: если ехать той дорогой, то это возможно. Я задумался, и моего кагана я просил. Я приказал двинуться войску; я сказал: садись на коней! Перепрываясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться тыловым лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел с другими вверх горы, ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протоптали снег, и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в 10 ночей мы прошли до склона горы, обойдя завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: «Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!». Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать свое войско, мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали. На киргизов мы напали во время их сна.

... [пропуск в тексте] проложили путь копыями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался ему. Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгмэнскую чернь.

Мы вернулись от киргизов. От тюргешского кагана пришел лазутчик. Слово его таково: «Отправимся походом, говорит он, с

востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас победит: каган его – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, – он нас, возможно погубит», – говорит он. Тюркешский каган отправился в поход, говорил он, народ «десяти стрел» без остатка отправился в поход, говорит, среди них есть и войско табгачей, говорит лазутчик. Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я отправляюсь домой! Моя жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии, – сказал он, – ты же иди с войском, сказал каган, и оставайся в Алтунской черни», – сказал. Начальниками войска пусть идут Инэль-каган и тардушский шад, сказал. А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал: «Веди это войско, – сказал. Назначай наказания по своей воле, что я еще тебе скажу!» – сказал. «Если кто придет, то увеличится у нас число храбрых мужей, если же никто не придет, то собирай различные вести», – сказал. Мы находились в Алтунской черни.

Пришли 3 лазутчика, слова их одинаковы: «Их каган с войском выступил в поход, войско народа «десяти стрел» без остатка выступило в поход», – говорит лазутчик. «Да соберемся мы в степи Ярышской», – сказал. Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. Что делать?! С обратным словом пришел посланный: «Сиди, – было сказано, – не торопись ехать, хорошенько держи караул; не позволяй себя раздавить», – сказал он. Так приказал сказать мне Бёгю-каган. А апа-таркану он послал известие: «Мудрый Тоньюк – он хитрый и сам он – понимающий! Если он скажет: «Идем с войском!»... [пропуск в тексте] не соглашайся». Услышав эти слова, я двинул в поход войска. Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болчу.

Привели лазутчика, слово его таково: «В степи Ярышской собралось 10 тюменов войска», – он говорит. Услышав эти слова, беги все сказали: «Вернемся! Стыд чистых хорош!».

А я так говорю, я – мудрый Тоньюк: «Мы пришли, пройдем через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш мы пришли, переправясь. Было сказано: враг, который приходит – герой, но они о нас не проведали. Небо, богиня Умай, священная Родина – вот они, надо думать, даровали нам победу. Зачем нам бежать, говоря: их много. К чему нам бояться, говоря: нас мало. Зачем нам быть побежденными?! Нападем!» – сказал я. Мы напали и прогнали врага. На 2-й день враги пришли; они пришли, пламенея, как пожар. Мы срази-

лись. Сравнительно с нами их 2 крыла наполовину были многочисленнее. По милости Неба, мы не боялись, говоря, что их много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали врагов, их кагана схватили, а их ябгу и шادا там умертвили. Около 50 человек мы пленили. В ту же ночь мы отправили послов к каждому народу. Услышав эти слова, начальники и народ «десяти стрел» все пришли и подчинились. Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало. Я повел в поход войско народа «десяти стрел».

Мы еще воевали и гнали их. Переправляясь через реку Жемчужную, гору Бянглигак – местожительства сына Тинэси... [пропуск в тексте]

Мы преследовали врагов до Темир-капыг. Мы заставили их оттуда возвратиться. Инэль-кагану арабов и тохаров... [пропуск в тексте]

Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком... [пропуск в тексте] В те дни тюркский народ достиг Железных ворот и достиг горы – местопребывания сына Тинэси, где не было предводителя. Т.к. я, мудрый Тоньюк, дошел с войском до этой земли, то народ принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и другие сокровища в большом количестве. Эльтериш-каган, ради своего сообщества со знанием и героизмом, на табгачей ходил сражаться 17 раз, против киданей сражался он 7 раз, против огузов сражался 5 раз. Тогда советником я же был и предводителем был войск. Эльтериш-кагану... [пропуск в тексте] тюркскому Бёгю-кагану, тюркскому Бильгя-кагану... [пропуск в тексте]

Капаган-каган... [пропуск в тексте] я, не спав ночами, не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу свои работу и силу и я же сам направлял длинные военные набеги.

Я возвысил стражу Аркуй, повинующихся врагов я приводил, мы предпринимали походы с моим каганом. Пусть будет милостию Небо: на этот свой тюркский народ я не направлял хорошо вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать и, следуя за ним, я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради кагана приобретений и, следуя за ним, ради моих собственных приобретений государство стало на-

стоящим государством, а народ же стал настоящим народом. Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы какой-либо бездельник, то что за горе имел бы этот народ!

Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать это для народа тюркского Бильгя-кагана.

Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать или если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не старался приобретать или если бы не существовал, в земле Капагана-кагана и народа тюрков-сиров не было бы никакой государственной организации, ни народа, ни людей, ни правителя.

Ради стараний Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и народ тюрков-сиров.

Тюркский Бильгя-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов».

Памятник в честь Кюль-тегина (большая надпись)

«Когда было сотворено/возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены/возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев на царство, они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа.

4 угла все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по 4-м углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени. Вперед вплоть до Кадырканской черни, назад вплоть до Темиркапыга они расселили свой народ. Между этими двумя границами они так обитали/восседали, устраивая «голубых» тюрков, которые были тогда без господина и без родовых представителей. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их «приказные» были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы. Поэтому они столь долго держали в своей власти племенной союз и, держа его в своей власти, творили суд. Затем они скончались. В качестве плачущих и стонущих пришли спереди, из страны солнечного восхода, народ степи Бёклийской, а также табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы, отуз-татары, кытай и татабийцы, столько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они. После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья

стали каганами. После того, т.к. младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы.

Вследствие «непрямоты» правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, а также вследствие того, что табгач ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой до того времени существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним до того времени кагана; народу табгач стали тюрки рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач.

50 лет отдавали они ему свои труды и силы. Вперед, в страну солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа табгач свой племенной союз и власть над собою. Но затем вся масса тюркского народа сказала так: «Я была народом, составившим племенной союз, где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю другие племенные союзы?» – так они говорили. «Я была народом, имевшим своего собственного кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я мои труды и силы?» – так они говорили и, так говоря, стали врагом кагана народа табгач.

Став врагом и не будучи в состоянии что-либо сделать для себя и создать, тюркский народ опять подчинился государству Табгач. При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: лучше погубим сами себя и искореним. И они начали идти к гибели. Но вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков так сказали: «да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет», – так говорили. Небо, руководя со своих небесных высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их над народом. Мой отец-каган выступил сначала с 17 мужами.

Услышав весть о том, что он бродит вне, жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и, собравшись, составили отряд в 70 мужей. Т.к. Небо даровало им силу, то войско моего отца-

кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Вперед, назад двигаясь с войском, он собирал и поднимал, так что всех их стало уже 700 мужей. Когда их стало 700 мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой «эль» и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами у табгачей, упразднивший свои тюркские установления, этот-то народ он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам тѣлис и тардуш и назначил тогда ябгу и шада. Справа народ табгач был ему врагом, слева народ токуз-огузов под начальством Баз-кагана был ему врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были ему врагами; мой отец-каган столько... [пропуск в тексте] 47 раз он ходил с войском в поход и дал 20 сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы и отнял каганов у имевших своих каганов, врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить головы. Мой отец-каган... [пропуск в тексте] власть свою приобретает, улетел. В честь моего отца-кагана во главе вереницы могильных камней поставили «балбалом» изображение Баз-кагана, а на то царство сел мой дядя-каган. Мой дядя-каган, сев на царство, опять устроил и поднял тюркский народ, неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными.

Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш. С моим дядею-каганом мы ходили войною вперед вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшиль-угюзом, назад мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую чернь, мы ходили войною вплоть до страны киргизов.

Всего мы ходили в поход 25 раз, дали 13 сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших во главе у себя своих каганов, имевших колени заставили преклонить колени, имевших головы заставили склонить головы. Тюркешский каган был наш же тюрк, из нашего же народа. Т.к. он не понимал своего блага и провинился перед нами, то сам каган умер, его «приказные» и правители были также убиты, народ «десяти стрел» подвергся притеснению. Говоря: пусть не будут без хозяина Земля и Вода, принадлежавшие нашим предкам, мы, устроив немногочисленный [или азский] народ... [пропуск в тексте] был Барс-бег; мы в то время даровали ему титул кагана и дали ему в супружество мою младшую сестру – княжну. Но сам он провинился,

а потому каган умер, а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: «пусть не останется без хозяина страна Кёгменская», – мы завели порядок в немногочисленном народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали... [пропуск в тексте] Вперед за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад вплоть до Кенгу Тармана мы поселили таким образом тюркский народ и завели в нем порядок. В то время наши рабы стали рабовладельцами, а наши рабыни рабовладелицами; младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов.

Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть! О вы, тюркские [и?] огузские беги и народ, слушайте! Когда Небо вверху не давило тебя, и Земля внизу не разверзалась под тобой, о тюркский народ, кто мог погубить твое государство? Тюркский народ, покайся! Ты сам провинился и сделал низость по отношению к твоему кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и по отношению к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Ты сам, о народ священной Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты вперед, то ты ходил назад, и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала там, как вода, твои кости лежали, как горы; твое крепкое мужское потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие твоего непонимания своего блага и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел.

В честь моего дяди-кагана я поставил во главе вереницы могильных камней «балбалом» киргизского кагана. Тогда Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа.

Я отнюдь не сел на царство над народом богатым, я сел на царство над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды, над народом жалким и низким. Мы переговорили о делах с моим младшим братом Кюль-Тегином, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею, я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел без дела днем. С моим братом Кюль-Тегином и с двумя шадом я приобрел до полного изнеможения. Столь много приобретаю, я не делал огнем и водой присоединившиеся к нам наро-

ды, я... [пропуск в тексте] по всем странам бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел к нам обратно. Чтобы поднять свой народ, я предпринял с большими войсками 12 походов: налево против народа огузов, вперед против народа кытай и татабы, направо против табгачей... [пропуск в тексте] сразился. После того, – да будет ко мне Небо благосклонно, – т.к. на моей стороне было счастье и удача, то я поднял к жизни готовый погнубить народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро. Живущие по 4-м углам народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными себе, все они мне подчинились. Мой младший брат, Кюль-Тегин, много потрудясь и приобрета для нас столь большую власть, скончался. По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-Тегин остался семи лет от роду; в 10 лет на радость ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегин. 16-ти лет от роду он уже вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли войною на 6 чубов и согдийцев и разбили их. Затем пришло 5-туменное войско табгачского Онг-Тутука; мы сразились, Кюль-Тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вождями вооруженной рукою и с оружием представил его кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему был 21 год, мы сразились с Чача-Сенгуном. В самом начале сражения Кюль-Тегин бросился в атаку, сев на белого коня, принадлежащего Тадыкын-Чуре; этот конь там пал. Во 2-й раз он сел верхом на белого коня, принадлежащего Ышбара-Ямтару; этот конь там пал; в 3-й раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку; этот конь там пал. В его вооружение и в его плащ более чем 100 стрелами попали; но в начальника его авангарда даже и 1 стрела не попала.

Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили. После этого великий Иркин племени Йэр Байырку стал нам врагом; мы их, рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий Иркин бежал с немногими только мужами. Когда Кюль-Тегину было 26 [?] лет, мы предприняли поход на киргизов. Проложив дорогу через снег глубиною с копье и поднявшись на Кёг-мэнскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелю, двух мужей заколол копьем одного после другого. При этой

атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили, и племенной союз его взяли. В том же году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь и переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна и обратили в бегство... [пропуск в тексте] Войско тюргешского кагана при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-Тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку. Серый конь Башгу... [пропуск в тексте]

...двух из них он сам попустил взять. Затем снова войдя в ряды врагов, он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов. Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. Но масса тюргешского народа вся откочевала в глубь страны. Тот народ при Табаре [?] мы поселили. Вернувшись с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капыга. После этого масса тюргешского народа пошла на ставших ей врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди... [пропуск в тексте] мужественные люди на нас напали. В такое время мы, раскаявшись, отослали Кюль-Тегина в сопровождении немногих мужей. Как мы после узнали, он дал большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку. Убил многих из народной массы тюргешей и покорил оставшихся. Снова двинувшись... [пропуск в тексте]

...он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил себе. Когда Кюль-Тегину было 27 лет, народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг.

В этом сражении Кюль-Тегин был 30-ти лет; сев верхом на своего белого коня героя Шалчы, он бросился в атаку, 2-х мужей он заколол копьем одного за другим; мы убили многих карлуков и оставшихся покорили. Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле; Кюль-Тегину шел тогда 31-й [шли был 31] год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил эльтебера азов; народ азов тогда погиб. Когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-Тегин, сев на своего белого коня героя Шалчы, бросился в атаку, тот конь там пал. Народ изгилей погиб. Народ токуз-огузов был мой собственный народ; т.к. небо и земля пришли в смятение, он стал нам вра-

гом. В один год мы сражались 5 раз. Самый 1-й раз мы сразились при городе Тогу.

Кюль-Тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в атаку, 6 мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого. Во 2-й раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-Тегин, сев на своего бурого азского коня и бросившись в атаку, заколол 1 мужа; 9 человек он убил при преследовании; народ эдизов тогда погиб. В 3-й раз при Бол... [пропуск в тексте] мы сразились с огузами. Кюль-Тегин, сев на белого коня Азмана, произвел атаку и переколол нескольких врагов; их войско мы перекололи, их племенной союз покорили. В 4-й раз мы сразились при вершине горы Чуш. Тюркский народ дал ослабеть своим ногам и был готов оробеть. После того как Кюль-Тегин отогнал их, мы убили, преследуя [или окружив], на похоронах Тонга-Тегина, героев из племени Тонгра, 10 человек. В 5-й раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-Тегин, на бурого азского коня сев, произвел атаку, 2-х мужей он заколол, но на город не пошел. То войско тогда погибло. Перезимовав в укреплении Магы [или Амгы], весною мы вышли с войском против огузов. Потом мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал/распоряжался дома. Враждебные нам огузы напали на орду. Кюль-Тегин, сев на белого Огсиза, заколол 9 мужей и не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею по знатности мои сводные матери, мои тетки [или вообще старшие родственницы], мои невестки [или вообще младшие родственницы], мои княжны, сколько вас ни было, все вы были в опасности или, оставшись в живых, попасть в рабство, или, будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!

Если бы не было Кюль-Тегина, все бы вы погибли. Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел, а сам я заскорбел. Время распределяет Небо, но так или иначе сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть.

Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные вопли исходили из глубины сердца, я снова и снова скорбел. Я предавался печали, думая: «Вот скоро испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!». В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабыйцы во главе с Удар-Сенгуном: от кагана табгачей пришли Исью и Ликенг и принесли 10 000 даров и бесчисленное количество золота и серебра; от тибетского кагана

пришел бёлён; сзади от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер и бухарские народы, – пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан.

От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. В качестве соорудителя здания и камня с надписью, украшенного резьбой, пришли чиновники кагана табгачей и Чанг-Сенгун.

Кюль-Тегин улетел в год овцы, в 17-й день; в 9-й месяц, в 27-й день мы устроили похороны. Надгробное здание, резные [фигуры?] и камень с надписью в честь его – мы все это оставили в год Обезьяны, в 7-й месяц, в 27-й день. Кюль-Тегин умер 47-ми лет. Камень... [пропуск в тексте] столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы».

ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ НИКИФОР (758-828) О ВЕЛИКОЙ БОЛГАРИИ

Никифора, патриарха константинопольского «Краткая история» со времени после царствования Маврикия / Пер. Е.Э. Липшиц // Византийский временник. – М., 1950. – Т. 3 (28).

«Теперь еще нужно сказать о так именуемых гуннах и болгарях, об их происхождении и устройстве. Около Майотидского озера по реке Кофине была расположена издревле известная великая Болгария и жили так называемые котраги, одноплеменные с ними. Во времена же Константина, который умер на Западе, Куврат [ок. 600 – ок. 665], бывший государем этих племен, умер, оставив пятерых сыновей, которым он завещал никаким образом не отделять друг от друга жилья и чтобы они добрым расположением друг к другу охраняли свою власть. Они же, мало заботясь об отеческом завещании, по прошествии недолгого времени отделились друг от друга, и каждый из них отделил себе свою часть народа. Из них 1-й сын, по имени Ваян, остался, согласно приказу отца, на родовой земле по сию пору. 2-й – именуемый Котрагом, переправившийся через реку Танаис, поселился напротив него; 4-й перешел через реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров, и поселился путем заключения союза среди местных племен; 5-й же [Альзек], обосновавшийся в Равеннском Пантаполисе, стал

подданным ромеев. Последний из них, 3-й брат, по имени Аспарух, перейдя реки Данапр и Данастр, поселился в местности около Истра, заняв удобную для поселения местность, называемую на их языке Оглом, неудобную и недоступную для врагов. Она ограждена с одной стороны впереди тем, что перед ней находятся теснины и болота, позади же она защищена стенами неприступных скал. Именно потому, что народ так разделился и расселился, племя хазар, жившее внутри области, именуемой Верилией, по соседству с Сарматией, часто нападало на него. И пройдя все области, лежащие за Понтом Эвксинским, проникло через все земли до моря. И вслед за тем подчинило Ваяна и заставило производить уплату дани.

Константин же, т.к. он узнал, что народ расставил шатры на Истре и что он подвергает опустошению расположенные по соседству земли, находящиеся под властью ромеев, переправил вооруженную армию во Фракийскую область и, вооружив также и флотилию, направился против этого народа, чтобы защититься.

Болгары, увидев многочисленность конницы и флотилии, пораженные вследствие неожиданности и безнадежности страхом, бежали в свои укрепления и оставались там 4 дня. Т.к. ромеи не могли вступить с ними в сражение вследствие неприступности места, они пришли в себя и приободрились. В то же время император заболел болезнью ног и, остро страдая, отплыл в город Месемврию для лечения; он приказал военачальникам и народу осадить укрепление и сделать, сколько возможно, для отмщения тому народу. Но т.к. кем-то была пущена молва, что император обратился в бегство, обеспокоенные ею, они, никем не преследуемые, стремительно обратились в бегство. Болгары, узнав об этом, стали их упорно преследовать и одних из тех, кого захватили, убили, многих же ранили. Достигнув Истра у так называемой Варны, близ Одисса, и дойдя до лежащего выше материка, они увидели укрепленное и надежное положение этого места со всех сторон, огражденное рекой, и из-за его непроходимости расположились там. Они владичествуют и над живущими поблизости славянскими племенами и одних поставили для охраны от находящихся по соседству аваров, других же – для наблюдения над находящимися по близости ромеями. Таким образом, укрепившись и возвысившись, они опустошали и нападали на области и города Фракии. Императору же, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате им дани».

IV. ХАЗАРЫ И ИНЫЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ДО XIII В.

ИСТОРИК ЛАНГОБАРДОВ ПАВЕЛ ДИАКОН (720-800) О БОЛГАРАХ ХАНА АЛЬЗЕКО

Перевод Д.Н.Ракова по изданию: Paul the Deacon. History of the Langobards (Historia Langobardorum). – Philadelphia, Penn., 1974.

«В эти же времена герцог болгар, именем Альзеко, по неизвестной причине оставил свой народ и, с миром придя в Италию со всей армией своего герцогства, пришел к королю Гримуальду, обещая служить ему и поселиться в его стране. И король направил его в Беневент, к своему сыну Ромуальду, приказав, чтобы последний помог ему и его людям найти места для поселения. Герцог Ромуальд принял их радушно, предоставил им для расселения обширные пространства, которые до этого были пустошами, а именно, Сепин, Бовиан, Изернию и другие городки с прилегающими землями и распорядился, чтобы титул самого Альзеко был бы изменен и чтобы впредь он именовался гастальдием вместо герцога. И они живут в этих местах, о которых мы говорили, вплоть до настоящего времени, и хотя они говорят и на латыни тоже, но все же еще до конца не отказались от употребления собственного языка».

ИМЕННИК ХАНОВ ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ (ВТ.П. VIII В.)

Тихомиров М. Н. Именник болгарских князей // Вестник древней истории. – М., 1946. – № 3.

«Авитохоль жыть летъ 300, родъ емоу Дуло, а летъ ему диломъ твиремъ.

Ирник жить летъ 100 и 8 летъ, родъ ему Дуло, а летъ ему диломъ твиремъ.

Гостунъ наместникъ сый 2 лета, родъ ему Ерми, а летъ ему дохсъ твиремъ.

Куртъ 60 летъ, дрѣжа, родъ ему Дуло, а летъ ему шегоръ вечемъ.

Безмеръ 3 лета, а родъ сему Дуло, а летъ ему шегоръ вечемъ.

Сии 5 кнѣзѣ дрѣжаше княжение обону страну Дуная летъ 500 и 15 остриженами главами.

И потомъ приде на страну Дуная Исперих князь, тожде я досель.

Есперерихъ князь 60 и одно лето, родъ ему Дуло, а летъ ему верени алемъ.

Тервель 20 и 1 лето, родъ ему Дуло, а летъ ему текуचितемъ.

Твиремъ 20 и 8 летъ, родъ ему Дуло, а летъ ему дваншехтемъ.

Севар 15 летъ, родъ ему Дуло, а летъ ему тахалтомъ.

Кормисошь 17 летъ, родъ ему Вокиль, а летъ ему шегоръ твиримъ.

Сии же князь измени родъ Дулов, рекше Вихтунъ. Винехъ 7 летъ, а родъ ему Укиль, а летъ ему имяше горалемъ.

Телець 3 лета, родъ ему Угаинъ, а летъ ему соморъ алтемъ. И сий иного рода.

Умор 40 дний, родъ ему Укиль, а ему диломъ тутомъ».

АНОНИМНЫЙ «ДЕРБЕНД-НАМЕ» О ВОЙНАХ ХАЗАР С ПЕРСАМИ И АРАБАМИ

Дербенд-наме / Пер. Г.-М.П.Оразаева //

Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993.

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Безграничное благодарение великому господу всех живых существ, чьего повеления: «Будь!» – оказалось достаточно, чтобы все они обрели жизнь...

Возможно, стиль и строй языка моего перевода не вызовут нарекания, ибо сказано: «Говори с людьми согласно их разуму», иначе можно было бы изложить его содержание сообразно со своим дарованием, благодаря милосердию и благословиению Всевышнего, в изысканном историческом стиле. В известных книгах повествуется, что отец Нуширвана, знаменитый Кубад-шах, был иранским падишахом. А Хакан был падишахом тюрков и хазар. У него было войско для ведения войн, которое состояло из 400 000 человек. Местом пребывания Хакана был Накрат. Весь Рус выплачивал ему харадж.

Кубад-шах имел с этим Хаканом постоянные споры, войны и

сражения, но ни один из них не достигал ни успеха, ни победы. Наконец, через некоторое время Хакан захотел отдать свою дочь Кубаду. Кубад согласился, и после этого между ними упрочилась зданье мира. Кубад отправил затем к Хакану своего посла, которому сказал: «Между его владениями и нашими владениями я построю крепостной вал и стену. Это, однако, не будет препятствием для кого-либо из нас, захотев что-либо, пойти туда и тому, кто захочет сюда, прийти к нам». Эти слова и повелел передать падишах.

Кубад, когда добивался постройки этой стены, увидел в летописи и услышал от некоторых людей, что это место благословенное и что по указанию Джебраила – да будет над ним мир! – здесь построил в свое время стену и крепостной вал Искендер Зюлкарнейн. Тогда Кубад распорядился раскопать место расположения той стены, и она обнаружилась; стена эта была занесенной песком. Кубад в один год с помощью своих войск подправил сломанные места. В разных местах стены, вплоть до прохождения через Табарсаран, он распорядился установить железные ворота. Когда он привел это укрепление в полное совершенство, то начал строить новый крепостной вал и стену с южной стороны. Всем войском в течение семи месяцев они полностью построили стену на южной стороне.

После того как обе эти стены были завершены и укреплены, со стороны войск Хакана уже не могло быть больше ущерба и вреда. Если придут, например, 100 000 врагов, а у ворот будет находиться всего 100 человек, то и они смогли бы заградить им путь в крепость. Арминийа и Азербайджан стали теперь недосыгаемыми для сил кафиров, ибо эта стена защищала их со стороны Хакана.

Кубад, сохранив дочь Хакана в целости, отправил ее к Хакану. Ключом же этому было то опасение, что если бы дочь Хакана стала матерью, то она стала бы и его соправительницей. Когда дочь Хакана была отправлена обратно, он понял, что причиной возвращения дочери явилось то, что стена была уже построена, и Хакан не мог вести против Кубада успешные войны и сражения из-за прочности названных двух стен.

У всех ворот находились в готовности храбрые воины. Укрепив стены, Кубад ушел в вилайеты Азербайджан и Ирак, оставив у каждых ворот бывалых и опытных бойцов. Хакан тоже ушел в свой вилайет.

Хакану принадлежали: Дешт-и Кипчак; Семендер, т.е. Тарху; Анджи, т.е. Эндирей; Ихран, правитель которого Гелбах; Малый Маджар

(Маджар-и Кучек) и Большой Маджар (Маджар-и Бозорг), Джулад и Шехр-и Татар [более известен как Верхний Джулат или Татартуп, локализуется на левом берегу Терека]. Причина такого названия последнего следующая: когда был разрушен этот город, его народ стал подвластен крымскому татарскому хану; большая часть крымского народа вышла оттуда, а поэтому и называли его именем Татар. Эти города были пограничными владениями Хакана.

Залежи золотой руды, которые были на той границе, и залежи серебряной руды, имевшиеся на Тереке, Хакан передал сепасалару этой пограничной линии – правителю Ихрана. После этого примирения между Кубадом и Хаканом не было больше нарушения мира.

Каждый падишах, который садился на трон вилайета Фарс, обязательно строил что-либо на этой стене. Когда на престол вступил Нуширван, он тоже приложил все усилия, чтобы соорудить постройки на этой границе; в каждом округе до границы Рума он построил крепости.

Восстановление стены Искендера Зюлкарнейна и начало постройки стены на южной стороне произошли в 110 году после рождения пророка Исы – да будет мир над ним!

До Кубада стену Искендера Зюлкарнейна очистил от песка падишах по имени Йездиджерд, сын Бахрам Гура.

Рассказывают, что Кубад и Нуширван привели на Кавказ из вилайета Фарс много правителей из своей свиты и построили в этих пределах города. Вплоть до Дербенда они построили 360 городов. Стена эта существовала издревле, однако они нашли многие места сломанными.

Падишах по имени Исфендийар, сын Гуштасп-и Сухраба, вновь восстановил стену, носившую название Алан, и довел ее до моря. Он установил ворота на той стене. Их называли Аланскими воротами.

Рассказывают, что Нуширван жил на Аланских воротах. От своего отца Кубада он получил разрешение строить города. Когда отец Кубад дал ему такое дозволение, он построил город Шабран. После него он построил город под названием Каркар и в одном агаче от Каркара – город под названием Кузбаз, на земле Мускура – город под названием Касиран. В этих городах он оставил много людей. Далее, подходя ближе [к Дербенду], он построил город под названием Сул, а в трех агачах от Дербенда – стену длиною в 92

агача. Он построил по одному городу на каждом мензиле вплоть до самого Ихрана. Ихран является тронем эмира Гелбаха.

В 20-ти агачах от Дербенда находится Семендер, это место имеет теперь название Тарху. Построил его Нуширван. Целью же построения этого города была защита Дербенда от кафинов.

Он построил город в Кумуке и назначил там правителя из своего рода. Вплоть до Ихрана, где находился трон Гелбаха, образовали 7 областей.

В этих областях крепости строил до Нуширвана падишах по имени Исфендийар, который назначил туда правителей из своей семьи.

В крепости Ихран восседал сепаксалар Исфендийара, сделал золотой трон. Поэтому правителя Ихрана называют Владельцем трона. Арабы, однако, называют его Хатем ал-Джибали.

Через Ихран протекает большая река. Все реки, вытекающие из Гурджистана, протекают через него. На этой реке он построил город под названием Балх. Правитель Балха стал известен как Эндирей. Даруга города Балх был из Кумукской стороны. В Нарынкале жил хорасанский народ. Это был город, который построен Исфендийаром; когда он разрушился, Нуширван отстроил его заново.

Племени лутан он отдал во владение земли от Ихрана до Хамри и назначил туда правителя, которого называли Лутан-шах.

За ним идет владение Кайтак. Верхней частью Кайтака является Зергеран или Губечи.

За Кайтаком лежит Табарсаран. Прежде войско Дербенда набиралось из Табарсарана.

Это область лезгинов. Ее людей привели из Исфакана. Правителя ее называли Хиджран-шах.

На Кумукской горе в одной области верхняя часть Табарсарана прилегала к лезгинам. Людей ее привели из Гилана, а правителя их называли Кылан-шахом.

Другая область – Маскат – тянется от Табарсарана и Кайтака до Мускура. Ее людей привели из Алана. Правителю ее дали имя Табун-шах.

Остальные области меньше, чем эти. Одну из них называли Лахидж. Ее людей привели из Лахиджана. Однако только правители Кумука – из рода Нуширвана.

Нуширван построил перед Дербендом 360 городов для за-

щиты его, а также чтобы не совершались набеги с целью грабежа Азербайджана и Ирака.

В то время распространился на земле луч ислама, родился славный, счастливый Пророк – да благословит его Аллах и да приветствует!

Цари Фарса и хазарские кафиры совершали вылазки на разные земли, пока при помощи Всевышнего не одержала верх исламская религия. Страны Рум и Ирак были побеждены, враги посылали туда свои войска для совершения набегов и битв, и пало много храбрых героев.

Пророк слышал, что все желали видеть благословенную землю Дербенда и очистить от кафинов эту священную землю, т.к. Азербайджан и армяне не были избавлены от их набегов и грабежей.

Ибрахим, сын Гийаса, рассказывает, что святые Салман и Раба были предводителями известных впоследствии 40 мучеников Дербенда.

После даты Пророка с 44 000 доблестных героев – воителей за веру они пришли в Дербенд. Хакан с 300-тысячным войском стал напротив Салмана – да будет над ним благоволение Аллаха! – построив палатки и навесы, с намерением сражаться.

Хакан неоднократно слышал о мужестве и доблести мусульманского народа. От страха не осмелившись, однако, повести войну, он решил отступить с армией в Дарваг. Однако находившиеся с ним некоторые вельможи не согласились с Хаканом и сказали: «Недостойно нам, обладающим таким величием и могуществом, испугавшись, убегать от арабов. Всему миру станет ясно вплоть до наступления дня Страшного суда, что мы слабы и что нас можно побеждать, так лучше бы нам быть разбитыми в бою». Хакан сказал: «Говорят, что это такое племя, на которое не действует оружие, и их жизнь не берет смерть. Поэтому они и пришли сюда из страны арабов. Они везде, где вели сражения, приносили разорение. Никакое войско не добилось успеха и победы над ними. Они победили, сразившись с войсками всего Рума и Ирака и разорив их города. И сколько раз уже с ними ни сражались, мы видели их могущество».

Один человек из войска кафинов [хазар], увидев одного мусульманина, пришедшего к реке, спрятавшись на берегу, выстрелил в него и обрадовался, оттого что убил его. Отрезав тому мусульманину голову, он принес ее к Хакану и сказал ему: «Это – голова

человека из того племени, о котором вы говорите, будто для них нет смерти. Вот его голова!» Хакан, воодушевившись этим, противопоставил свое 300-тысячное войско 4-тысячному мусульманскому войску и, построив свои отряды, приготовился к сражению. С возгласами «Аллах велик!» мусульмане с саблями в руках смело сражались с кафирами до самого вечера. Вечером Хакан вернулся в свой шатер. Когда сосчитали, оказалась, что 20 000 человек переселились в ад.

На 2-й день утром, с восхождением светила обе стороны снова вышли на бой. Когда хазары, построившись, стали напротив мусульман, те бросились на их войско, как голодные львы. Газии, уничтожая своих противников сильными взмахами сабель, учинили такую резню, что совершенно устали.

На 3-й день, ударив в барабаны войны, мусульмане убивали кафиrow саблями, сами став спиной к лесу. Когда 1 мусульманин выходил на поле боя для сражения, то, если его атаквали даже 10 000 кафиrow, от благоговейного трепета перед тем мусульманином все те 10 000 кафиrow-христиан замертво падали на землю. Трупы кафиrow так заполнили поле боя, что из-за них не могли проходить кони газиев. Они сожгли лес, где находились кафиры, и, выйдя к Хамри, сражались с ними.

На 4-й день кафиры произвели атаку с двух сторон всем своим войском. Мусульмане сразились с ними. Каждый мусульманин-газий убивал в тот день по 300 кафиrow и отправлял их в ад. Как из кафиrow, так и из мусульман много людей получили звание шехидов и стали обитателями рая. В тот день погибло 30 000 доблестных героев Хакана.

На 5-й день Хакан приказал вызвать глашатая и, ударив в боевые барабаны, они всем своим войском кафиrow пошли в наступление. Поле сражения переполнилось трупами кафиrow, головы их падали, как речные камни. Кровь текла, как поток селя. В тот день сражение усилилось. Когда Хакан хотел сбежать, стреножили его коня. Кафиrow погибло так много, что не было возможности определить их число.

На 6-й день мусульмане, страстно желая смерти за веру, вновь пошли на кафиrow.

Хакан сказал: «Мусульмане атакуют сегодня доблестные и героические войска кафиrow». Мусульмане, атакуя их, как соколы, рассеивали кафиrow, кафиры также, приложив усилия, сражались

и вели бой до самого вечера. Судьба predetermined поражение войск кафиrow, и Хакан отказался от своего решения о бегстве.

В тот день 90 000 кафиrow ушли в преисподнюю, но и те Салман и Раба ал-Бахили получили звание шехидов. 40 человек из мусульман, которые сражались с кафирами до предела, также достигли звания шехидов.

Хакан пошел до реки Хамричай. А Хасин – это прочная крепость на вершине горы. Если смотреть с той крепости, то видно море. Затем Хакан, будучи на Хамричае, когда услышал о том, что мусульмане стали шехидами, вернулся на место их гибели и увидел следующее: находившиеся в его войске вельможи и отважные юноши все переселились навечно в ад для мучений в пламени преисподней.

Хакан, потерпевший полную неудачу и весьма опечаленный, направил поводыя отступления в сторону крепости Анджи. А в Дербенде он оставил 3000 человек для охраны.

Рассказывают, что после их мученичества наступила засуха. Когда население Анджи и весь народ пограничья были уже близки к гибели от засухи, их монахи, обратившись к помощи астрологии, сказали: «Тела этих мусульман вы отдайте им, завернув, по правилам ислама, в саваны и положив в гробы. Знайте правду, что лишь после исполнения этого в вашем вилайете наступит процветание и благоденствие, и вы все не погибнете от засухи». Вельможи из числа жителей Анджи собрались вместе и поступили с телами праведных покойников согласно правилам мусульман. Положив в гробы тела обоих святых праведников – Салмана и Раба ал-Бахили, они раздали много милостыни в их честь и прочитали молитвы. После того как они вступили таким образом на истинный путь, пошел дождь, и в вилайет Анджи пришло благоденствие.

Истинное повествование гласит, что через некоторое время после этих событий, когда Велид, сын Абделмелика, внук Мервана, сел на трон правления, услышав о святости Баб ал-абваба и послании Пророка, он приказал в 64 году хиджры [683/684 г.] своему брату Муслиму: «Иди в Шам: собери из людей, находящихся в Шаме, 40 000 человек – доблестных и смелых героев и приготовь их». Когда Муслим собрал 40 000 человек, он послал к своему брату Велиду известие: «Я собрал 40 000 человек и жду Вашего повеления». В тот момент правителем Мадаина был Асад, сын Зафира. Приготовив войска, халиф передал приказ: «Асад, иди к моему

брату Муслиму, скажи ему секретно, пусть он берет с собой 40-тысячное войско, пойдет непременно на Баб ал-абваб и предпримет завоевание Баб ал-абваба. А после его завоевания пусть оставит внутри города много людей для охраны». Он строго предупредил Асада: «Если мои слова станут известны кому бы то ни было, кроме самого Муслима, то я отрежу твой язык!» Когда он, прибыв к Муслиму, передал тайно те слова ему, Муслим, тотчас же приказав ударить в боевые барабаны, отправился в сторону Дербенда.

Доходя до каждого вилайета, он завоевывал его. Будучи одарен богом многими победами, он захватил город Джул и вилайет под названием Лахиджан, прибыл в Ширван и завоевал Мускур. В каждом из завоеванных мест он назначил правителя.

Дойдя до города Дербенда, он осадил его. В Дербенде находилось 3000 человек из кафиров-хазар, и они построили тут дома. Муслим сразился с теми кафирами, однако ему никак не удавалось достичь победы. Так ничего и не достигнув, Муслим намеревался было отступить, но из Дербенда пришел один человек и сказал Муслиму так: «Если вы мне дадите много имущества из добытых на войне трофеев, я легко проведу вас в город таким путем, что никто вас не заметит».

Тогда Муслим отказался от отступления и принял все условия этого человека. Собрав своих вельмож, Муслим, сказал им: «Те, которые хотят добиться воздаяния бога и желают награду, пусть пойдут с этим человеком для захвата Дербенда. Нет сомнения в том, что они попадут в рай». Никто не соглашался. Тогда встал Абделаазиз, сын Хатема Бахили, со своими двумя сыновьями и сказал: «Мы согласны, головой и душой приняться за исполнение этого приказанья, но с условием – какая бы ни была добыча от кафиров, вся добыча, остающаяся от расходов, причитающихся войскам за участие в предприятии, будет нашей». У Абделаазиза было в войске 6000 человек из своего племени, которые подчинялись ему. Когда Муслим согласился с его словами, он тотчас же поднялся, надел свои доспехи и известил свои 6000 человек. И они, приготовившись, пошли.

Тот человек проводил их, прилагая все усилия, и они пошли. С ним отправившись 6000 человек Абделаазиза. Поднялись на гору. На этой горе были тайные ворота Дербенда, и в настоящее время они имеются. С помощью того проводника нашли их. Никто из кафиров не узнал об этом. В полночь мусульмане вошли в Дербенд и начали

сражаться и воевать с кафирами. Кафиры, держась у ворот Дербенда, вместе с детьми и семьями храбро вели бои и сражения. 3000 кафиров вели долгое противоборство с 6-тысячным мусульманским войском. Выкрики мусульман «Аллах велик!» и вопли растерянных кафиров смешались до такой степени, что люди лишались разума, и никто не мог понимать друг друга. Затем вошли мусульмане, находившиеся вне города, и захватили трон в крепости; мусульманские войска, оставшиеся снаружи, ожидали, пока те откроют ворота крепости. Когда мусульманские воины атаковали кафиров, находившихся в крепости, они разгромили кафиров, открыли ворота, и тогда все мусульманские войска вошли в крепость.

Собрав все трофеи в одно место и вычтя определенное количество по шариату, оставшуюся часть трофейного имущества отдали Абделаазизу Бахили. И Абделаазиз поделил ее между своими 6000 людей. Тому человеку, который послужил им в качестве проводника, дали много богатства.

Обсуждали вопрос о Дербенде. Муслим сказал: «Если мы здесь оставим людей, кафиры осадят и в любой день захватят эту крепость. Будет лучше, если я уйду, разрушив крепость». Военачальники все согласились с Муслимом. Но Абделаазиз Бахили сказал: «Это тщетная мера и не лучший выход, потому что, если бы не тот проводник, который ввел нас через те ворота, употребив 100 000 хитростей, нам было бы невозможно захватить эту крепость. Если мы уйдем отсюда, разрушив эту крепость, придут кафиры и восстановят ее. А если мы в крепости оставим людей для ее защиты, кафиры не смогут ее взять. Когда эти мусульманские войска уйдут, явятся кафиры, пройдут через Дербенд и Арминийа и Азербайджан отнюдь не будут избавлены от войн и грабежей».

Слова Абделаазиза не понравились Муслиму и его военачальникам. Они ушли, повалив и разрушив обе стены. Абделаазиза Бахили он назначил правителем вилайета Арминийа, Гендже и Ширвана.

А после этого кафиры пришли в Дербенд, вошли туда, взяли в плен доблестных мусульман. Однако, боясь проживать там, они лишь проходили через Дербенд. И Ирак, Азербайджан и Арминийа не были избавлены от их ежегодных войн и набегов. Жители Ирака и Азербайджана жаловались Муслиму. Тогда Муслим прибыл с войском во 2-й раз в Дербенд, восстановил крепость Дербенда и ушел, оставив для его охраны хороших, бывалых бойцов.

Правление Велида продолжалось 9 лет. После Велид-шаха на престол правителя халифата вступил Абделмелик.

У мусульман, оставленных в Баб ал-абвабе для его защиты, не было той силы, которая была у них первоначально. Выбравшись на открытое поле, они воевали с кафирами. Кафиры приходили и, вступив в ворота войны, вели бои и совершали набеги на Иран, Арминию и Азербайджан с целью грабежа. Правителем Арминии был Абделаиз. При всех случаях он добывал средства к существованию, прежде всего войной. Он был совершенен умом и доблестью, своевременно принимал необходимые меры. В 103 году хиджры [721/722 г.] его призвал к себе вышний рай. На место Абделаиза отправили правителем Арминии Абдаллаха с сыном.

В том же году послали Абу Убеиду Джерраха со 150 000 воинов, назначив его предводителем, чтобы воевать с хазарскими кафирами, с Пашенком, сыном Хакана.

Когда Абу Убеида Джеррах выступил в поход, дошел до Ширвана, до слуха Пашенка довели, что мусульманское войско дошло до Ширвана. Войска Абу Убеиды Джерраха дошли до берегов Рубаса и остановились, поставив тут большие палатки и шатры. Пашенек, сын Хакана, вступил в ворота войны.

Хасин – это крепость на реке Хамри. Пашенек расположился недалеко от Хасина.

Абу Убеида Джеррах сказал: «Будет лучше, если я совершу набег на кафиров!».

Старший из лезгинских беков – сын Бесбаса тайком отправил Пашенку известие: «Абу Убеида Джеррах идет на вас, поступайте по своему усмотрению».

Абу Убеида, узнав об этом тайном извещении Артеша, сына Бесбаса, обратился через глашатая к войску: «Остановимся здесь на 3 дня!» Когда наступила ночь, Абу Убеида Джеррах ударил в барабан похода и приказал своим войскам совершить ночную атаку. Зажгли большие факелы, и при факельном свете он отправился с 12 000 человек. Абу Убеида в арьергарде вел по пятам остальные войска. Дошли до Чубин-капу. Пройдя через те ворота, они дошли до Аб-и Айна. Абу Убеида выделил из своего войска 12 000 человек и передал их командующему правым флангом для сражения с Кайтаком и разорения его.

Он приказал: «Детей и жен берите в плен, сражайтесь и опустошайте, однако до восхода солнца вы должны возвратиться ко

мне». А командующему левым флангом войска он приказал: «Бери с собой 12 000 храбрых людей, идите в сторону Йерси, Кемаха, сражайтесь и опустошайте Табарсаран. Но до восхода солнца вернитесь обратно».

Когда оба эти войска сражались, старший из лезгинских беков Азтеш послал к сыну Хакана Пашенку лазутчика, который сообщил ему: «Абу Убеида ввел нас в заблуждение, а ныне совершил нападение на Усеша и возвратился».

Когда сын Хакана вошел в крепость, которая называется Хасин, Абу Убеида с оставшимися войсками дошел до Дарвака. Узнав о том, что Пашенек отделился от своего военачальника, Абу Убеида со своими войсками вышел к крепости Хасин и стал напротив. У стен Дарвака мусульманское войско встретилось с войсками кафиров до восхода солнца. С обеих сторон забили боевые барабаны. Абу Убеида, сойдя со своего коня и сев верхом на мула, обратился к войску: «О народ Шама и Ирака! Вы не надейтесь, что если кто-либо убежит, то достигнет своей родины. Это не здравый смысл. Сражайтесь мужественно и смело, и с помощью бога вы победите, избавитесь от бремени земных богатств и военной добычи. Ибо этот мир – преходящий и жизнь не вечна ни для кого».

Когда Абу Убеида делал эти наставления, вернулся сепасалар правого фланга с 12-тысячным войском. Они воевали в вилайете Кайтак, разграбили и опустошили его, привели с собой 12 000 голов скота, 30 000 пленных мужчин и женщин. Следом за ним прибыл другой сепасалар. Повоевав и разорив Йерси, Кемах, Арах и вилайет Табарсаран, они привели 40 000 голов скота, 12 000 пленных. Абу Убеида распределил эту добычу среди мусульманских воинов.

Мусульманские войска подготовились для ведения войны. Мусульмане атаквали кафиров с правого и левого флангов со страстью газиев, как голодные львы, собравшись все вместе, и с храбростью приступили к войне и сражениям. К полудню бой весьма усилился. Мусульмане передавали друг другу свои завещания, говоря при этом: «Земную жизнь преходящую мы отдали за жизнь райскую постоянную». Страх и боязнь боролись с выносливостью и отвагой. Кафиры вели бои и сражения в течение некоторого времени. 20 000 бойцов из кафиров стали пищею для мусульманских мечей, так что трупами кафиров было переполнено все поле боя и газиям было трудно там передвигаться. Громкие, как у львов, крики

газиев и отвратительные вопли кафиров доходили до небес. Отважные бойцы из войска кафиров были повержены, стало невозможно выйти на поле, чтобы сражаться дальше.

Пашенек поднял вопль, говоря: «Быть истребленными этим величественным войском – не дело для умных людей». Войско кафиров потерпело явное поражение от газиев. Газии уничтожили кафиров за 3 дня, днем и ночью совершая нападения и сражаясь.

Мерзкие трупы неверных кафиров падали на том поле, как листья в осеннюю пору.

Сын Хакана Пашенек с некоторым количеством кафиров прибыл в свою крепость Анджи. Один из больших князей Пашенека находился в Анджи. Пашенек взял там провизию; затем он сказал: «Враг очень сильный. Он идет на вас. Обдумайте хорошо. А от нас не будет вам содействия. Спасти себя от хитрости этого врага – поистине мужество, т.к. 100 000 отважных героев, находившихся в моем войске, уничтожены, а мы в ужасе еле спасли свои души!»

Сказав эти слова, он, не делая ни одного часа перерыва, ушел в Эндирей, сепасаларом которого был Гелбах; и в Балх, правитель (хаким) которого – Эндирей; и в крепость Сурхаб, которая в настоящее время известна как Кызылйар, а правитель его – Мухаб; и в Кичи Маджар, который известен ныне как Чумлу. А правитель его – Батрас. Пашенек приказал: «Повинуйтесь приказаниям Гелбаха – правителя Ихрана. Если тот сильный враг [т.е. мусульманское войско] придет в эту сторону, собирайтесь все в Ихране и, объединившись, ведите бой с врагом. Но запрещается идти туда правителям Большого Маджара и Шехр-и Татара. Другая помощь придет к вам, и вы в Ихране ведите войну с мусульманами. Правитель Ихрана не нарушал приказов Гелбаха, потому что Ихран был издревле тронем падишаха, известного по имени Исфендийар ибн Гуштасб. Кто бы ни становился правителем Ихрана, правители вышеупомянутых городов должны подчиняться ему».

Когда он сказал эти слова правителю этих вилайетов, сам он находился на известной реке. Он ушел оттуда.

Абу Убейда, собрав все кафирские трофеи в крепости Хасин, раздал их мусульманскому войску. Хасин – это Семендер, т.е. Тарху. Когда мусульманские войска пошли на Семендер, они привели Тарху к подчинению путем заключения перемирия. Оттуда Абу Убейда Джеррах с мусульманским войском пошел на Анджи. Крепость Анджи была прочная, а город – большой: один его край был

морем, а другой край был горой. Правитель Анджи укрепил свою крепость, привел ее в полный военный порядок. Войска мусульман остановились, поставив сначала на поле шатры. Противники оспаривали город и вели бои несколько дней, но Анджи не сдался и не был побежден.

Через некоторое время мусульмане задумали оставить крепость и уйти, но победила сила преданности исламу. И призвали мусульман к себе доблестный Савад Пир Абдаллах и Ибрахим и сказали им так: «О братья! Каждый, кто отдаст свою душу Всевышнему, тот взамен получит рай, если тот человек придет, согласившись с нами!»

Их было 30 000 человек, которые были известны своей храбростью. Собравшись вместе с Савадом и Ибрахимом, они предприняли необходимые меры: соорудили телеги, а перед телегами установили огромные доски. Позади телег стали мусульмане и пошли на этих телегах. Все мусульманские воины дошли таким образом до ворот крепости. Всего соорудили 12 телег. Приложив большое усилие, они взяли большой город. Все мусульманское войско вступило в Анджи.

Правитель Анджи вошел в крепость Нарын-кала и вел бой до наступления ночи. Ночью он бежал вместе с несколькими начальствующими лицами и вошел в крепость, которая известна под названием Куйван. Она находилась между Анджи и Балхом. Кафирам города Анджи предложили принять мусульманскую религию. Жителям Анджи, принявшим мусульманство, сохранили жизнь. А тех, кто остались кафирами, не приняв мусульманство, сделали пищу для меча из закаленной стали. Их детей и домочадцев взяли в плен, а имущество их раздали газиям. Мусульмане разрушили крепость города Анджи и возвратились в свои страны. В воскресный день месяца рабиулэввел 114 года хиджры Пророка [май 732 г.] был покорен Анджи.

В следующем, 115 году хиджры Пророка [733/734 г.] в Дербенд пришел Абу Муслим, сын Абделмелика. По поручению Хишама ибн Абделмелика, взяв с собой из Шама и Джебзире 24 000 человек, Абу Муслим распространял мусульманство в Дагестане с помощью воинской сабли. Он назначил в Дербенд стражников из разных мест и определил для них довольствие.

Абу Муслим, придя в Дербенд, сначала восстановил и привел его в порядок, установил железные ворота и затем ушел. Абу

Муслим прибыл во 2-й раз, разрушил постройку, известную под названием Сехрендж, которая была сделана раньше Ануширваном, и реставрировал башни Дербенда. Для хранения казны и оружия он восстановил один огромный оружейный склад под названием Кайд и благоустроил его. Стену Кайда он продолжил в море на 105 локтей. Дал указание отремонтировать разрушенные места города и крепости.

В городе Дербенде сделал 7 кварталов. Для ополчения Урдун построил в одном месте мечеть и сделал 1 квартал. Говорили, что это мечеть хазарского племени. Для ополчения Филистина сделали 1 квартал и мечеть, которую называли Филистинской мечетью. Для ополчения Димишки сделали 1 квартал и построили мечеть, которой дали имя Димишкинская мечеть. И для ополчения Хумиса сделали мечеть с названием Хумисская. И для ополчения Кайсерина сделали 1 квартал и оставили для них мечеть с названием Кайсеринская. Выполнили требование и ополчения из Джебзир. Для народа из Мусыла сделали 1 квартал. Кроме этих мечетей построили 1 большую Соборную мечеть для совершения в ней пятничной молитвы.

Когда там была сделана Соборная мечеть, в нескольких местах в Дербенде построили хранилища для воды.

Решили построить 6 городских ворот. Одни из них называли Баб ал-мухаджир, вторые – Баб ал-мекгуб, третьи – Баб ал-хумис, четвертые – Баб ал-касир, пятые – Баб ал-джихад, шестые – Баб ал-алкама.

7-е ворота – Баб кучук – открывались в сторону моря. В случае если мусульмане посылали человека по поводу примирения, то они выводили его через ворота Баб кучук. Когда во время Абу Муслима полностью закончили проведение этих благоустройств, город Дербенд обрел порядок.

После того как Абу Муслим наилучшим образом укрепил Дербенд, он пошел с войском на Кумук. Беки Кумука вели сражения, кровопролитные бои, но в конце концов кумукские беки потерпели поражение, многие кафиры приняли смерть. Когда завоевали Кумук, тех, которые стали мусульманами, оставили со своим имуществом, а кто отказался от принятия ислама, тех резали и грабили.

В верхней части города Кумука построили Соборную мечеть. В нескольких кварталах сделали мечети. Правителем города Кумука стал сепаксалар Абу Муслима – внук Абдаллаха, сына Абдал-

мутталиба из племени курайш. Абу Муслим назначил его старшим властителем всего Дагестана.

Затем Абу Муслим пошел во владение Кайтак. В битвах и сражениях он убил отважного кайтакского правителя. Он завоевал Кайтак, большую часть его населения обратил в ислам, назначил с них ежегодный харадж. Абу Муслим назначил правителем Кайтака одного человека по имени Хамза из числа своих людей.

Оттуда Абу Муслим пошел на Табарсаран, весь его народ обратил в мусульманство. Правителем Табарсарана он назначил умеренного и набожного человека по имени Мухаммед Масум. Абу Муслим повелел, чтобы войско дербендское состояло из жителей Табарсарана, потому что Мухаммед Масум был человеком доблестным и жаждущим войны за веру.

Кроме того, Абу Муслим назначил в Табарсаран двух ученых кадиев, чтобы Мухаммед Масум находил решение в совете с ними, если случится какое-либо большое дело. Табарсаран основали вначале 12 групп. 12 племен были приведены из Ирака, Азербайджана, Аравии, Хумиса, Шама, Мусыла и поселены здесь на жительство.

Самым старшим из правителей всего Дагестана является Шахбал, сын Абдаллаха. И приказал Абу Муслим, чтобы Шахбалу были подвластны все вилайеты вплоть до границ Гюрджистана.

Абу Муслим приказал, чтобы Кайтак и правитель Табарсарана Мухаммед Масум платили ежегодно налог. Этот установленный налог использовать не лично для себя, а на исполнение службы. Сами же они лично не должны вмешиваться в харадж.

И на население Губечи установил харадж, который оно должно платить ежегодно правителю Дербенда.

Остальные, кроме этих стран, вилайеты на этой границе: Хамри, Кюре, Ахти, Рутул, Зейхур – они подвластны Кумуку. Территория от... [текст не ясен] до Ихрана и та сторона вплоть до Гюрджистана принадлежат Шахбалу. Абу Муслим отдал в их руки документ и этот документ вручил Шахбалу. И сказал он, что Авар также принадлежит Шахбалу.

Было установлено: харадж отдавать Шахбалу. Абу Муслим не предписал Шахбалу давать жалованье правителю Дербенда. Он предписал Шахбалу брать харадж с упомянутых вилайетов, расположенных вплоть до Гюрджистана. А правителю Дербенда он приказал брать харадж с Кайтака, Табарсарана и Губечи; получен-

ный с этих 3-х областей харадж разделить между дербендскими газиями и их детьми. И чтоб не брали сверх назначенного. Если же преступят справедливость и возьмут налоги больше, чем в старые времена, то дербендские газии должны низложить того.

Если против Шахбала придет какой-либо неприятель со стороны Авара или из другой стороны, то, когда Шахбал будет собирать войска, на помощь пусть придут с войском Кайтака его правитель Хамза и с войском Табарсарана – Мухаммед Масум и пусть они участвуют в войске Шахбала.

Если они допустят неисполнение, то правитель Дербенда насильно пошлет войска Кайтака и Табарсарана вместе с их правителями. Но Абу Муслим не дал разрешения отправлять войска из Дербенда для Шахбала. Он приказал, чтобы войска Дербенда были заняты охраной самого Дербенда. И кто станет правителем Баб ал-абваба, пусть тот совершает свою пятничную молитву в мечети.

Подошел 118 год хиджры [736 г.]. Хишам, сын Абделмелика, отправил Асада ибн Зафира ал-Муслима, назначив его правителем Дербенда. Ему отдал 400 человек из числа своих вельмож для сопровождения и отправил. Он сказал, что ключ от Баб ал-абваба поручается Асаду, а от ворот Джихада (Джихад-капу) – его сыну. И пусть Асад ни у кого из населения Дербенда не берет ни харадж, ни конаклык. А население Дербенда пусть охраняет город и крепость днем и ночью. Если правитель Баб ал-абваба станет брать с населения Дербенда конаклык, ошюр и харадж, если он будет деспотом и станет притеснять – это не подобает правителю. Если правитель Дербенда будет пренебрегать охраной крепости Дербенда или станет притеснять население налогами, которых не было в древности, его отстранят и назначат другого правителя. Если правитель Дербенда умрет или станет тираном, то правителем пусть назначат одного из потомков Аглаба Сулейми, пока не найдется достойный и умный человек. Если правитель Дербенда будет отправлять людей на газават, то пусть отправит из числа тех 400 человек, которые были из числа вельмож Хишама ибн Абделмелика и которых он посылал в Дербенд вместе с Асадом ибн Зафиром. А остальное войско пусть охраняет крепость. Если придут неприятельские войска, то пусть отправят против врагов войско, а сам правитель Дербенда пусть находится в траншее на месте засады.

Если враги угонят скот или умыкнут человека, то по возмож-

ности пусть догонят и, сразившись с ними, освободят угнанных, а если невозможно догнать, то пусть не идут вдогонку, а возвратятся назад. Пусть ни один человек из кафиров не войдет внутрь крепости и не будет допущен близко к стене.

Если от кафиров придут люди для торговли, то пусть они ведут торговлю на расстоянии одного ферсенка и не входят внутрь города. Если от кафиров придет посланник, то пусть приведут его с завязанными глазами и отправят обратно также с завязанными глазами, чтобы кафиры не могли знать о состоянии города.

Когда наступил 120 год хиджры Пророка [737/738 г.], в Дербенд прибыл Мерван ибн Мухаммед. Он провел со стороны Мускура проточную воду и направил ее течение внутрь города Дербенда. Мерван проявил совершенную заботу о газиях.

С окружающих сторон он назначил харадж, который должен предоставляться жителям Дербенда: ежегодно Кумук должен давать 100 рабов и рабынь и 20 000 мер пшеницы. От Гюбечи назначил 50 рабов. От Кайтака назначил 500 рабов, 20 000 мер пшеницы. От Табарсарана назначил 500 рабов, 20 000 мер пшеницы. От Кюре, Кураха и Ахти назначил 20 000 мер пшеницы и 40 000 дирхемов наличными. А улицы Дербенда от нечистот и грязи должны были очищать люди Табарсарана. Упомянутые хараджи нужно давать населению Дербенда. И было установлено: брать у правителя Ширвана 12 000 батманов пшеницы, которые должны быть взяты беспрепятственно.

Затем, когда власть омейядских государей пала и власть перешла к следующей династии, Хашимиты оказывали большую милость Дербенду, благоустроили город, вели всегда священные войны против хариджитов. Мусульманская религия усилилась, а кафиры были унижены.

Когда наступил 146 [763/764] год, кафиры стали одерживать верх. Правителем Дербенда был тогда Йезид ибн Асад ибн Зафир Сулейми. Ведя сражения с большим мужеством, мусульманские войска не отдали крепость кафирам. После многих сражений, потеряв надежду захватить Дербенд, кафиры ушли обратно. Йезид ибн Асад ушел в Бердаа, передав власть потомку Аглаба Сулейми, чтобы он охранял город Дербенд от кафиров.

Затем, когда Абу Джафар Мансур вступил на трон, он потребовал к себе Йезида ибн Асада. Когда тот прибыл, халиф спросил его: «О Йезид ибн Асад! Каким путем и каким способом возможно за-

щитить мусульманский народ от злодеяний кафиrow?» Йезид ибн Асад сказал: «Если ты хочешь, чтобы злодеяния и вред кафиrow не достигали мусульман Арминии, Азербайджана и Ирака, построй от Дербенда в сторону хазар крепости и города и оставляя в тех крепостях и городах много войска. Тогда у страны кафиrow прервется алчность и мусульманские страны будут защищены от злодеяний кафиrow».

Халиф Абу Джафар Мансур повелел: «Приготовьте и экипируйте 7000 человек из Шама, Джебзире, Мусыла и 40 000 человек из других вилайетов. Я построю крепости и города вокруг Дербенда». Когда он так сказал, были приведены 47 000 человек, которые находились во вновь построенных городах и крепостях. А еще 30 000 храбрых юных воинов из Хорасана и 12 000 храбрецов из Шама.

Йезид ибн Асад, придя с этим мусульманским войском, приступил к ... [текст не ясен] стене. Главнокомандующий мусульманским войском, эмир войска Йезид ибн Асад, сойдя с коня, взял 6 крепких кирпичей и повязал их на своего коня. Он приказал: «Каждый, кто страстно желает воздаяний и подарков, пусть берет из этой стены по 6 крепких кирпичей». Все воины взяли по 6 кирпичей и привязали их к своим коням. Потом войско отправилось и дошло до Рукала. Эмир войска Йезид ибн Асад спустился с холма Рукала. Он послал Ибрахима ибн Ауфа и Хашима ибн Саби в сторону врага. Благополучно пройдя оттуда, они спустились в долину Касаб.

Эмир дал приказание, построили города: сначала Дуаре, второй – Сегна, третий – в долине Бен-Хашим, из которой ушли кафиры, тут построили прочную крепость. После них построили Митеи и Кемах. Эмир дал такое приказание, 300 человек из Табарсарана оставил в Митаи, а своего брата назначил правителем Табарсарана.

После этого он построил Дарвак, Медине и Химейди. Также построил Малый Ухейл и Большой Ухейл. И города эти завершил он за 6 месяцев.

Народ хумисский поселил в Химейди, а народ димишкинский поселил в городе Дарваке. Дарвак был большим городом. И народ мусульманский поселил в городе Дерпуше. Эти все города назывались Дерпуш. Жителям всех этих городов дал повеление, чтобы они по очереди охраняли ущелья и дороги.

Йезид ибн Асад хотел оставить свое имя. Он построил 1 большой город под названием Йезидийе. Там оставил много людей из числа своих подданных.

И построил город под названием Сермекийе. После них построил города Мукатыр и Махрака.

Кроме этих он построил 110 замков и селений и завершил полностью. Все войска привели их в порядок. После этого состояние Дербенда улучшилось. И кафиры потеряли надежду на успешные грабежи и набеги в сторону Дербенда и против мусульманских городов. Слава о Баб ал-абвабе распространилась во всех округах. Дербендцы по-прежнему брали хараджи и налоги с Кайтака, Табарсарана, Кюре, Кураха и Хуба. Наступила необходимость почитания и уважения всеми жителей Дербенда, и приобрели известность страх и боязнь кафиrow перед жителями Дербенда.

Когда наступил 160 год хиджры [776/777 г.], халиф Багдада дал повеление и в Дербенде построили большой дворец. Налоги, поступающие с разных сторон, собирали там. На все необходимое правитель Дербенда расходовал оттуда, а также раздавал милостыню нищим и беднякам. Ибо Аллах всевышний сказал: «Милостыни – только для бедных, нищих...».

Этих законов и правил придерживались длительный период, пока не настали времена Джейуна ибн Неджма ибн Хашима. Когда пришел Джейун, он проявил несправедливость и тиранию, вышел из повиновения халифу, совершал своевольные поступки. Происходили неблагоприятные дела, подобные делам Неджма – отца Джейуна. Тот в свое время был отстранен от должности правителя Дербенда. Отняв у него Дербендский эмират, халиф передал его Рабиа Бахили, а Неджма на некоторое время заключил в темницу. И его сын Джейун не стал правителем Дербенда. Найдя общий язык с хазарскими кафирами, он отдал стену хазарам. В Дербенд пришла разруха, население Дербенда рассеялось в Ширване и Берда».

АРМЯНСКИЙ БОГОСЛОВ И ИСТОРИК ЛЕВОНД (КОНЕЦ VIII В.) О «СТРАНЕ ГУННОВ» (САВИРАХ), ВОЙНЕ АРАБОВ И ХАЗАР

История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. К.Патканьяна. – СПб., 1862.

«После Мавии сын его, Езид [омейядский халиф, 680-683], прожив 2 года и 4 месяца, умирает. И при нем дань угнетала Армению. После него Абдельмелик, сын Мервана, прожив 21 год, умирает; и вот жизнеописание его. Он был муж коварный и храбрый в сраже-

нии. На 2-м году его царствования происходили большие смуты и войны между Арабами, которые производили ужасное кровопролитие между собою; бесчисленное множество их было убито. Исполнилось пророчество Давида, который говорит: «и мечи их пронзят сердца их и луки их сокрушатся». Взамен безвинно пролитой крови и немилосердных убийств, которые часто повторялись в народе христианском, законно пролилась кровь виновная; и потребовал Господь их же руками мести за пренебрежение рабов его. Князь Григорий во время своего правления Арменией успокоил ее от всех хищников и нападений. Был он муж богобоязливый, братолюбивый и гостеприимный; снабжал пищую нищих и был совершенен в деле богопочитания. Он устроил в области Арагацотн, в участке Аруч, дом молитвы, храм Славы и Имени Господа, и украсил его в память имени своего. Во время междоусобных войн арабских Армяне, Грузины и Агваны после 30-летнего повиновения перестали платить подать. Возмущение их продолжалось 3 года, на 4-й покорили Армению северный народ Хазары, и убили в битве князя Григория, многих вельмож, и князей грузинского и албанского. Они же разорили Армению, взяли множество областей и сел и, захватив добычу и пленных, ушли в страну свою.

...В правление Ашота-Патриция [армянский царь, 685-689] и на 2-м году своего царствования император Юстиниан [685-695 и 705-711] посылает на Армению войско, которое, опустошив грабежом страну и обратив в пепел множество великолепных зданий, возвратилось в отечество свое. Но придворные греческие, возненавидев Юстиниана, отрезали ему нос и отправили в ссылку; а на место его воцарили друг за другом Леона, Апсимера – Тибера, Феодосия. Но Юстиниан, ушедши в землю Хазаров, женился на дочери царя хазарского, Хакана, и просил у него помощи. Тесть Юстиниана отправил сильное войско, а с войском некоего Трвега, мужа могущественного. Достигши Константинополя, Юстиниан победил в битве соперников, и снова утвердился на царстве. Трвег между тем был убит в сражении; а войско хазарское отослано обратно с превосходными подарками и с большим приобретением.

...На втором году своей власти Сулейман [омейядский халиф, 715-717] собрал многочисленное войско, поручил его военачальнику своему Мслиму, и отправил его к воротам каспийским. Достигши места своего назначения, войска Исмаила сразились с войсками гуннскими, занимавшими город Дербент. Они разбили Гуннов и

прогнали их, разрушивши стены и башни крепости. При разрушении крепостных стен они нашли огромный камень, лежавший в основании их, на котором начертана была надпись следующего содержания: «Маркиан, самодержавный император, выстроил город и твердыню эту, истратив на это много талантов из сокровищ своих. В последствии сыны Исмаила разрушат их и возобновят на свои сокровища». Прочитав эту надпись на камне, они перестали разбивать стены и, набрав каменщиков, снова выстроили разрушенную стену. Сам Мслим с большим войском прошел проход Чора, грабя страну Гуннов, и расположился лагерем при гуннском городе Таргу. Жители той страны при виде хищников, устремившихся на них, тотчас дали знать о том царю хазарскому, Хагану. Тогда сей последний с огромным войском и могучими витязями, слава о силе которых распространилась у всех народов, разбил свой лагерь недалеко от них. В продолжение многих дней они сражались друг с другом – не полки с полками, а чрез бойцов. Хаган медлил вступать в битву, потому что ждал Алп-Тархана, которого он призвал к себе на помощь. Увидя такое множество войска, Меслим не знал, что делать, и старался найти средство спастись от них. Потому он приказал войскам своим развести сильный огонь в лагере и, оставив там лагерную утварь, наложниц, слуг и другую челядь, сам направил путь к горе Кокасу, вырубил лес, и таким образом пробив себе дорогу, едва избегнул неприятеля, и с сокрушенным сердцем и стыдом возвратился в страну Гуннов. Совершив это, скончался Мслиман.

...властвует Хишам [омейядский халиф, 724-743] в продолжение 19-ти лет. В 1-й год своего правления он возымел злобное намерение и отправил военачальника Герта произвести поголовную перепись в Армении для большего еще отягчения рабства нашего, чтобы подвергнуть нас разного рода бедствиям. Он порицал щедрость Омара и обвинял его в том, «что он незаконно истратил сокровища, собранные его предшественниками»; и много причинил он бедствий Армении до того, что все стонали от горьких притеснений, и не было никакой возможности избавиться от невыносимых бедствий. С тех пор рука его еще более отяготила над Арменией. В то же время начались беспокойства в странах северных, ибо царь хазарский, Хаган, умер. Мать его, Парсбит, приказала полководцу Тармачу собрать огромное войско и вести его на Армению; и полководец выступил с собранным войском, и пошел через землю Гуннов и через проход Джорский, по земле Маскутов, и сделал

набег на страну Пайтакаран. Он переправился через реку Аракс в Персию, разрушил Артавет, Гандзак-Шагастан, область, называемую Атши-Багуан, Спатар-Пероз и Ормизд-Пероз.

Встретившись с войсками исмаильскими под предводительством Джары, Хазары разбили их на голову, сделали нападение на область Зареванд, и осадили крепость Амбриотик; оставив лагерную утварь и военнопленных близ города Артавета. В то время, когда они осаждали крепость Амбриотик, Сет-Араш, полководец исмаильский, с малочисленным отрядом напал на их лагерь, многих умертвил мечом и освободил военнопленных. Между тем весть об этом поражении достигла войска, осаждавшего крепость Амбриотик, и когда они узнали, что за бедствия их постигли, то оставили осаду крепости и поспешили против хищников, напавших на их лагерь. Арабы пошли к ним на встречу, разбили их совершенно и отняли у них знамя – медное изображение, которое до сих пор хранится в отряде Харашья в честь храбрости их предков. Тогда властитель Исмаила послал брата своего Мслима с многочисленным войском на помощь войскам Харашья. Когда Мслим [брат халифа] прибыл и увидел, что не поспел к сражению, и что победу выиграл Сет, что он многих Хазар истребил мечом, а других обратил в бегство, что он набрал много добычи и захватил много пленных; увидя все это, Мслим стал жестоко упрекать его и даже хотел умертвить его; но не посмел решиться на это, потому что соплеменники Сета подняли шум, и он не дерзнул исполнить своей воли, умолчал о своем намерении, и возвратился к властителю Исмаильтян.

...Во время своего управления Арменией Езид отправил депутацию к царю севера, которого звали Хаганом, с целью породниться с ним, чтобы через то соблюсти мир с ним и с войсками хазарскими. Царь хазарский согласился выдать за него дочь свою, Хатун, и вместе с ней отправил большое число слуг, служанок и рабынь. Но Хатун через несколько времени умерла, и этим нарушилось мирное согласие между ними; потому что смерть ее приписали коварству. Собрав сильное войско, Хаган поручив его полководцу своему, Ражу-Тархану, из поколения Хатирлитбера, и отправил на страну нашу, находившуюся под управлением Езида. Рассыпавшись по северной стороне большой реки Куры, Хазары овладели многими областями: Хеджар, Кага, Остани, Марзпаньян, Габанд, Гегаву, Шаке, Биес, Хени, Камбехчан, Хозмас – все области агванские; взяли и прелестное поле багасанское и увели бесчисленное множест-

во стад и табунов. Также покорили 7 областей царства грузинского: Шучк, Квег-Гапор, Челдт, Цукет, Велисцихе, Тианет и Ерк и, набрав много добычи и пленных, возвратились в жилища свои. Хвастливый подагрик, управлявший между тем Армениею, не смел даже поднять головы своей, а погружаясь в себя, равнодушно смотрел на разрушение страны нашей».

ВИЗАНТИЙСКИЙ МОНАХ ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК (760-818) О ХАЗАРАХ, БОЛГАРАХ, СЛАВЯНАХ, АЛАНАХ, АБАЗГАХ И АПСИЛАХ, О ВОЙНЕ АРАБОВ С «ТУРЦИЕЙ» (ХАЗАРИЕЙ)

*Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей
Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В.И.Оболенского и
Ф.А.Терновского // Чтения в Императорском Обществе Исто-
рии и Древностей Российских при Московском Университете
1884 г. – М., 1884. – Кн. 1.*

«л. м. 6118, р. х. 618.

В сем году с сентября месяца вступил в Персию Ираклий с турками [хазарами] неожиданно зимою, и тем привел Хозроя в отчаяние. Но турки, видя зиму и непрерывные нападения со стороны персов и не стерпя трудов, которые должны были разделять с царем, начали мало по малу утекать и наконец все оставя его, возвратились...

л. м. 6171, р. х. 671.

В сем году в апреле месяце, индиктиона 1-го, скончался Мавиас, 1-й царь сарацинский. Он был вождем 20 лет, эмиром 24 года; после него принял правление Изид сын его. В это время народ болгарский вступил во Фракию. Здесь необходимо сказать о древности унновундо [оногундур], болгаров и котрагов. По ту сторону на северных берегах Эвксинского понта, за озером, называемым Меотийским [т.е. у Азовского моря], со стороны океана чрез землю сарматскую течет величайшая река Ател [Итиль – Волга]; к сей реке приближается река Тапаш, идущая от ворот Ивирийских в Кавказских горах, от сближения Танаиса и Ателя, которые выше Меотийского озера расходятся в разные стороны, выходит река Куфис и впадает в Понтийское море близь Мертвых врат против мыса Бараньего Лба. Из означенного озера море подобно реке соединяется с Эвксинским понтон при Воспоре Киммерийском, где ловят

мурзулию и другую рыбу. На восточных берегах Меотийского озера за Фанагорию кроме евреев живут многие народы. За тем озером выше реки Куфиса, в которой ловят болгарскую рыбу ксис, находится древняя великая Болгария, и живут соплеменные болгарам котраги. Во времена Константина на западе [непонятное место в тексте] Кроват [Кубрат], обладатель Болгарии и котрагов, скончался, оставив 5-х сынов, которым завещал никогда не расходиться: ибо таким только образом могли они всегда властвовать и остаться непоработанными от другого народа. Но не в продолжительном времени по кончине его, 5 сынов его пришли в несогласие и разошлись все, каждый с подвластным ему народом. Старший сын, по имени Ватваян, соблюдая завещание отца поныне остался в земле своих предков; 2-й сын, брат его по имени Котраг, перешедший за Танаис, поселился насупротив старшего брата; 4-й и 5-й, перешедши за Истр, или Дунай, один, покорясь кагану аварскому, остался с народом своим в Паннонии аварской, другой, пришедши в Пентаполис при Равенне, покорился царям христианским. Потом 3-й по старшинству [Аспарух], перешедши Данаприс и Данассрис и остановившись у Ольги, реки, текущей севернее Дуная, поселился между первыми реками и сею последнею, находя сию страну отовсюду безопасно и непреодолимую: впереди она болотиста, с других сторон защищена реками, итак народу ослабленному чрез разделение представляла великую безопасность от врагов. Когда они таким образом разделались на 5 частей и стали малочисленны, то хазары, великий народ, вышедший из Верзилии – самой дальней страны первой Сарматии, овладел всею Запонтийскою Болгариею до самого Понта и, сделавши данником старшего брата Ватвайя, начальника первой Болгарии, поныне получает от него подати. Царь Константин, услышав, что по ту сторону Дуная на Ольгореке вдруг поселился какой-то народ грязный, нечистый, и делает набеги и опустошения во всех прилежащих к Дунаю странах, т.е. тех, которыми они овладели, и где прежде жили христиане, крайне обеспокоился. Он приказал всем легионам во Фракии перейти за Дунай, и двинулся на них с сухопутными и морскими силами, чтобы силою оружия выгнать их из занятых ими стран. Он расположил пехоту между реками Ольгою и Дунаем, корабли поставил у берегов реки. Болгары, увидавши столь внезапное многочисленное войско и отчаявшись в спасении, убежали в прежде упомянутое укрепление и здесь искали безопасности. В продолжении 3-х или 4-х

дней они не смели выходить из этого убежища, а римляне по причине болот не начинали сражения; тогда скверный народ, полагая со стороны римлян трусость, сделался смелее. Царь страдал от жестокой подагры, и принужден был возвратиться на юг для обычного пользования банями; при нем было 5 быстрых кораблей, – и домашние сопровождали его [в Месемврию]. Оставляя военачальников и войско, он приказал обходить и вызывать болгар из убежищ их, и сразиться с ними, когда они выйдут; иначе стоять в своих лагерях и наблюдать за ними. Конные подумали, что царь бежит, и объятые страхом обратились в бегство, хотя никто не гнался за ними. Болгары, уже приметивши это, преследовали их, весьма многих истребили мечом, многих ранили, гнались за ними до самого Дуная, переправились чрез эту реку и, пришедши к Варне, так называемой близ Одиссы, увидели здесь плоскую землю, со всех сторон огражденную с тылу рекою Дунаем, с боков горными теснинами и Понтийским морем, овладели живущими здесь семью коленами славян и северян, поселили на восточной стороне в теснинах береговых, а прочих, обложивши данью, поселили к югу и к западу до самой Аварики. Расширившись таким образом, они возгордились и начали нападать на лагеря и местечки под властью римскою находившиеся, и людей уводили в плен: посему царь принужден был заключить с ними мир, согласившись платить ежегодную дань, к стыду римского народа, по множеству неудач его. Странно было слышать и дальним и ближним, что подчинивший себе данниками все народы на востоке, на западе, на севере и на юге, теперь сам должен был уступить презренному вновь появившемуся народу. Но царь, веря, что сие случилось по особенному Божьему промыслу, с евангельскою кротостью [ок. 680 г.] заключил мир...

л. м. 6179, р. х. 679.

При Павле еписк. Константиноп. 1 год.

В сем году в Сирии был голод, и многие пришли в римскую землю. Царь, пришедши в Армению, встретил мардаитов, эту медную стену Ливана, которую он разрушил. Он нарушил также мир, утвержденный с болгарами, и возмущил весь порядок условий, установленный отцом его, приказал коннице перейти во Фракию, желая сделать пленниками и болгар, и славян.

л. м. 6180, р. х. 680.

В сем году Юстиниан имел поход против славян и болгар; встретившись с болгарами, на настоящее время прогнал их. Про-

шедши до Фессалоники, он захватил великое множество славян и силою оружия, а некоторые отдавались добровольно, и переселил их в страны Опсикия за Абидосом, но на возвратном пути, захваченный болгарами в тесных проходах, с великою потерей войска, со множеством раненых едва мог сам уйти...

л. м. 6181, р. х. 681.

В сем году Авимелех послал хагана [хазар] в Макку против Зумира, и хаган убил Зумира, и покоривши Авимелеху ту страну, за сопротивление сжег дом идола их...

л. м. 6183, р. х. 683.

В сем году Юстиниан набрал войско из переселенных им славян всего 30 000, вооружил их и назвал войском запасным, излишним, поставивши над ним начальником Невулону. Полагаясь на сие войско, он писал к аравитянам, что более не хочет сохранять письменно заключенного мира, и с запасными своими воинами и со всеми конными отрядами пошел к Севастополю приморскому. Аравитяне притворялись, не принимая на себя вины, что они нарушили мир, но принуждены это делать по вине и опрометчивости царя, с оружием и сами пришли к Севастополю, свидетельствуясь пред царем, чтобы он не преступал условий с клятвою, положенных между обоими народами: Бог будет издвоздателяем и судьей виновному. Царь и слышать не хотел, но тем более спешил начать войну и аравитяне, взявши мирную грамоту, привесили ее к длинному копыю в виде филяммы, или хоругви, устремились против римлян под предводительством Муамеда и сразились; в 1-й раз аравитяне разбиты, но Муамед, тайно снесшись с вождем славян, союзником римским, послал к нему колчан, набитый деньгами, и, обманувши его многими обещаниями, уговорил перебежать к ним с 20 000 славян; так он продал свою измену. Тогда Юстиниан истребил всех оставшихся славян с женами, с детьми при Левкати, месте утесистом и приморском у Никомидийского залива...

л. м. 6191, р. х. 691.

Апсимар царь Константиноп. 1-й год.

В сем году Апсимар овладел царством. В Персии восстал Авдарахман и овладел ею, и выгнал хагана.

л. м. 6192, р. х. 692.

В сем году была великая смертность. Муамед с многочисленным войском аравитян имел поход против Авдарахмана; занявши Персию, соединился с хаганом, и, сражаясь общими силами, убили

его, и Персия опять поручена была хагану. Римляне чинили набеги в Сирии, доходили до Самосата, и, опустошивши окрестные страны, многих избили, как говорят, убили до 200 000 аравитян, причем овладели великою добычею, многими пленными и, наведя на аравитян великий страх, возвратились...

л. м. 6196, р. х. 696.

В сем году Азив, сын Хуниев, имел поход в Киликию и осадю разрушил крепость Сисион; настигши его брат царя Ираклий, и вступив с ним в сражение, убил у него 12 000 аравитян. Между тем Юстиниан жил в Херсоне и объявлял, что он опять будет царствовать. Жители тех стран, боясь подвергнуться опасности по причине царя, совещались или убить его, или отослать к царю. Юстиниан, заметивши это, как мог, убежал и, пришедши в Дарас, просил свидания с хаганом хазарским, который принял его с великою честью и выдал за него сестру свою Феодору. Вскоре потом, по просьбе своей и с позволения хагана хазарского он переселился в Фанагорию и там жил с Феодорою. Услышав то, Апсимар послал к хагану послов и обещался дать ему великие дары, если он пришлет к нему Юстиниана живого; если не живого, то по крайней мере главу его. Хаган согласился на эту просьбу, отправил к Юстиниану телохранителей, будто злоумышление строится ему не от своих соплеменных, между тем приказал Папатце, который от лица его находился при Юстиниане, и Валгитцу, начальнику Восфора, убить Юстиниана по первому знаку. Служитель хагана известил об этом Феодору; Юстиниан, узнавши это, призвал к себе для тайного совещания Папатцу и удушил его на веревке; то же сделал он и с Валгитцем, начальником Восфора. Феодору тотчас отослал в Хазарию, а сам тайно бежавши в Фанагорию пришел к устью реки [прибыл в Томь] и, нашедши здесь готовую лодку, сел на нее, и проплывши Асаду, дошел до Симвулона близ Херсона; и тайно пославши в Херсон, вызвал Васвакурия и брата его, и Сальвана, и Стефана, и Моропавла с Феофилом, и вместе с ним проплыл мимо Фароса Херсонесского. Когда уже проплыли таким образом Мертвые враты и устья Днепра и Днестра, то восстала буря, и все отчаялись в спасении своем. Но Миакес, домашний человек его, говорил ему: вот мы умираем государь, обещайся Богу за спасение свое, если Он возвратит тебе твое царство, не мстить никому из врагов твоих. — Тот с гневом отвечал ему: если я пощажу кого-либо из них, то потопаи меня Бог в этом море. Без опасности избавился он от этой бури и вошел в реку

Дунай. Здесь послал он Стефана к Тервелию, владельцу Болгарии, просить содействия, чтобы возвратить ему свой наследственный престол, и за то обещал ему великие дары, обещал выдать за него дочь свою. Тервелий обещался во всем повиноваться ему и содействовать, с честью принял Стефана [принял Юстиниана с почестями] и двинул все подвластные ему народы болгар и славян. В следующем году они с полным вооружением прибыли в царствующий град [Константинополь].

л. м. 6197, р. х. 697.

В сем году умер Авимелех вождь аравийский, и начал владеть Валид, сын его. В том же году Юстиниан, с помощью Тервелия прибывши в царствующий град, с болгарами остановился в пристани Харсия до самых Влахерн. 3 дня вели они переговоры с гражданами, но в ответ получали ругательства, и ни одного слова. Юстиниан с немногими соплеменными колонною вшел в город без сопротивления, произвел кровопролитие и смятение, овладел городом и на короткое время остановился во дворце Влахернском.

л. м. 6198, р. х. 698.

Юстиниан царь Рим. Уалид вождь Ар. Кир еп. Кон. Иоанн иер.

В сем году Юстиниан опять принял царство и, щедро одаривши Тервелия и подаривши ему царские утвари, с миром отпустил его. Апсимар, оставя город, бежал в Аполлониаду. За ним погнались, схватили и представили его к Юстиниану. Ираклий также связанный приведен был из Фракии со всеми военачальниками, которые с ним служили, и все они повешены на стенах. Потом послал розыски во все внутренние земли, и замешанных, и незамешанных всех убил, но Апсимара и Леонтия в оковах велел влачить по всему городу, и между тем как совершались конские ристалища, и он сидел под своим балдахином, притащили их и бросили к ногам его. До окончания игр он попирали их выи, а народ между тем кричал: на аспида и василиска наступил и попрали льва и змия. Потом он отослал их и на Собачьем рынке велел отрубить головы. Патриарха Каллиника, лишив зрения, изгнал в Рим, и на место его определил Кира, заточенного на острове Амастрисе, который предрек ему второе восстановление его. Бесчисленное множество и гражданских, и военных чиновников погубил он; многих потопил в море, бросая в мешках, иных приглашал на обед, и когда вставали от стола, то иных вешал, иных рубил, и великий страх овладел всеми. Он послал флот, чтобы привести супругу свою из Хазарии, из

которого многие корабли потонули вместе с людьми. Услышав об этом, хаган велел сказать ему: безумный, не лучше ль было бы для тебя прислать за женою своею 2 или 3 корабля, а не губить такого множества людей. Ужли ты думаешь взять и ее силою оружия? вот и сын родился тебе, пришли и возьми их. Юстиниан послал Феофилакта, спальничего, принял Феодору и Тиверия сына ее и венчал их царским венцом, и они соцарствовали ему...

л. м. 6200, р. х. 700.

В сем году Юстиниан нарушил мир между римлянами и болгарами и, переведя конные отряды во Фракию и вооруживши флот, пошел против болгаров и Тервелия. Прибывши в Анхиалос, флот свой поставил против крепости, а коннице приказал сойти с гор неожиданно и без всякой осторожности. Между тем войско, как овцы, рассеялось по полям для собрания травы; дозоры болгарские с гор приметили беспорядок в римской коннице и, как звери, собравшись, вдруг напали на римское стадо и много взяли пленных и лошадей, и оружия не считая убитых. Юстиниан, укрывшись в крепости, с прочими оставшимися, на 3 дня запер ворота. Но, видя упорство болгар, сам первый подрезал жилы у своей лошади и других заставил то же сделать. Потом вместо трофеев, прибывши к стенам оружие, ночью, севши на корабли, тайно отплыл и со стыдом возвратился в город...

л. м. 6203, р. х. 703.

В сем году Уфман ходил войною в Киликию и на честное слово взял много крепостей. Отдал им Камахон со всеми прилежащими странами. Между тем Юстиниан из памятозлбия послал в Херсон патриция Мафра с патрицием Стефаном, по прозванию Асмиктом, давши им большой вооруженный флот. Он вспомнил о злоумышлении, которое имели против него херсонесцы и восфорианы и прочие страны, и потому на счет жителей Константинополя: сенаторов, правителей, простых граждан и должностных людей устроил флот из кораблей всякого рода и быстрых и трехпалубных, и огненных, и рыбацких [вмещающих 10 000 галиад], и даже из плотов, и пославши этот флот велел истребить острием меча всех живущих в тамошних крепостях, и никого не оставлять в живых. Он послал с ними Илью, оруженосца, который должен был остаться правителем Херсона. Они заняли сей город без всякого сопротивления, истребили всех острием меча, исключая отроков и детей, которых пощадили, и взяли в рабство. Тундуна же, правителя Херсона, пое-

лику он был от лица хагана, Зоила, первого гражданина и по месту, и по роду, и 40 других знаменитых и первенствующих в городе мужей, привязавши к деревянным столбам, сжарили на огне; других 20 человек, связавши им руки назад, привязали к плотам, которые наполнивши камнями потопили во глубине морской. Юстиниан, узнавши об этом, весьма гневался, что спасли отроков, и приказал с поспешностью прислать их к нему. Флот отплыл в октябре месяце и при восхождении звезды, называемой Быком, застигнутый бурей едва, едва не весь потонул в море; погибших при сем кораблекрушении считали 73 000. Юстиниан слушал об этом без всякого соболезнования и даже радовался, и в этой высочайшей степени сумасшествия с громогласными угрозами послал еще другой флот с приказанием срыть все и вспахать, и не оставить следов стен, даже где мочились. Жители тех крепостей, услышав это, приняли свои предосторожности, поневоле должны были вооружиться против царя и послали к хагану в Хазарию просить войска для охранения своего. В сих обстоятельствах восстал Илья, оруженосец, и Вардан, изгнанник, в это время вызванный из Кефалинеи и посланный с флотом в Херсон. Царь, известясь о том, с немногими быстрыми кораблями послал Георгия, патриция, по прозванию Сириянина, генерал-счетчика, Иоанна градоначальника и Христофора, начальника фракийских войск с 300 воинов, присоединивши с ними Тундуна и Зоила, чтобы привести Херсон в прежнее его положение, извиниться чрез посланца пред хаганом и привести к нему назад Илью и Вардана. Когда они прибыли в Херсон, то жители города не хотели вступить с ними в переговоры; уже на другой день только им одним позволили вступить в город и тотчас за ними заперли ворота. Генерал-счетчика с градоначальником изрубили мечом, а Тундуна с Зоилом и начальника фракийских войск с 300 воинов отдали хазарам и отправили к хагану. Когда Тундун умер на дороге, то хазары в тризну ему убили фракийского начальника с 300 воинов. Тогда жители Херсона изгладили имя Юстиниана и с прочих крепостей и провозгласили царем изгнанника Вардана и Филиппика. Узнавши о том, Юстиниан еще более неистовствовал и убил детей оруженосца Ильи в объятиях матери, а ее принудил выйти замуж за повара своего, индийца. Потом снарядивши другой флот, послал патриция Мавра, по прозванию Беза, давши ему для осады крепостей таран и всякие стенобитные орудия и приказал стены Херсона срыть, весь город срыть и не оставить ни одной живой души,

и как можно чаще уведомлять о своих успехах. Без прибыл и уже сокрушил тараном башню Кентинаризийскую и другую ближайшую Сиагром называемую, но пришли хазары, и война остановилась. Варданий убежал к хагану. Флот остался без действия, но не смел возвратиться к царю, а потому изгладили имя Юстиниана и сами провозгласили царем Вардана. Они просили хагана дать им в цари Филиппика. Хаган потребовал от них честное слово, что они не выдадут Филиппика, и что он сам получит с каждого человека по одной монете; они тотчас исполнили его требование и получили Филиппика в цари...

л. м. 6204, р. х. 704.

При Филиппике царе Константиноп. При епископе Иоанне 1 год.

В сем году... болгары, тайно прошедши Филею, вторглись в теснины и произвели великое кровопролитие, доходили до самого города, перехватывали переправлявшихся на другой берег, и знаменитые свадьбы и великолепные пиршества с разным серебром и прочею посудю, дошли до золотых ворот, и пленивши всю Фракию, без всякой потери возвратились с бесчисленными стадами...

л. м. 6209, р. х. 709.

При Леоне Исаврском царе Константиноп. 1 год.

В сем году воцарился Леон родом из Германики, но по истине из Исаврии. При царе Юстиниане с своими родителями переселился он в Мезимеррию Фракийскую в первом году его царствования. Во втором же году его царствования, когда царь пришел туда с болгарами, Леон встретил его с дарами, состоявшими в 500 овцах. За сию услугу царь Юстиниан тотчас сделал его оруженосцем и обращался с ним как с искренним другом. За это возникла зависть и его оклеветали пред царем, что он домогается престола. Сделано было исследование касательно его, и клеветники его постыдились. Но это слово с того времени у многих было на языке. Юстиниан не хотел вредить ему явно, но в нем осталось тайное подозрение к Леону, которого и послал он в Аланию с деньгами, чтобы возбудить аланов против Авазгии, Лазики и Иверии. [В то время в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины.] Прибывши в Лазику, он спрятал свои деньги в Фазисе и с немногими туземцами пошел в Дафилию и, перешедши Кавказские горы, пришел в Аланию. Юстиниан, чтобы погубить его, пославши, унес деньги из Фазиса. Аланы приняли оруженосца с великою честью и, поверивши словам его,

вторглись в Авазгию и многих пленили. Владетель авазгов дал знать аланам, что Юстиниан не нашел другого такого обманщика как этого человека, которого бы мог послать, чтобы возбудить нас против вас, наших соседей. Он обманул вас и обещанием денег: ибо Юстиниан, приславши, взял их. Но выдайте его нам, а мы дадим вам за него 3000 монет, и старинная дружба между нами да не разрушится. Но аланы отвечали: мы не из денег послушались его, но из любви нашей к царю. Авазги еще послали к ним: выдайте нам его и мы дадим вам 6000 монет. Аланы, желая узнать страну авазгов, согласились взять 6000 монет и выдать оруженосца, но наперед все ему открыли и сказали: ты видишь, что дорога в Римскую землю заперта и тебе негде пройти. Итак мы употребим хитрость и согласимся выдать тебя и отпустить вместе с нашими людьми; мы осмотрим ущелья их, сделаем набег, истребим их с лица земли и сделаем все для наших выгод. Ответчики аланские ушли в Авазгию, согласились выдать им оруженосца и получили от них многие подарки. Авазги послали еще большее число ответчиков с великим количеством золота, чтобы взять оруженосца, которому тогда аланы сказали: эти люди, как мы уже говорили тебе, пришли взять тебя, и ты пойдешь в Авазгию; мы имеем с ними сообщение, и наши купцы всегда ходят туда. Впрочем, чтобы намерение наше не подверглось какому-либо нареканию, мы предадим тебя только повидимому; но когда они двинутся в путь, мы подошлем тайно сзади, их убьем, тебя скроем, пока войско наше внезапно соберется в земли их; что и случилось. Ответчики авазгов, взявши оруженосца с людьми его, связали и ушли. Аланы с владетелем своим [Итаксием] настигли их сзади, побили авазгов, оруженосца скрыли и вторглись внезапно в ущелья их, взяли великий плен и произвели великое опустошение в Авазгии. Юстиниан, услышав, что и без денег поручения его исполнены, послал письма к авазгам, если вы сохраните этого человека нашего оруженосца и без вреда доставите его к нам, то мы прощаем вам все ваши проступки. Они с радостью получили письма, опять послали в Аланию с предложением: мы отдаем вам в заложники наших детей; отдайте только оруженосца нам, а мы отправим его к Юстиниану. Но оруженосец не согласился на это и сказал: силен Господь отворить мне дверь для исхода, но в Авазгию не пойду. Через несколько времени римляне и армяне остановились лагерем в Лазике и осаждали Археополис, но сведав о приближении сарацин, они отступили; от них отделилось до 200

человек и дошли до Апсилии и до Кавказа для добычи. Когда сарацины пришли к Лазику, то римское и армянское войско обратилось в бегство и прибыло к Фазису. Между тем 200 человек для грабежа остались на Кавказских горах и уже не знали, что им делать. Аланы, известясь о сем, что римлян на Кавказе великое множество и с радостью объявили оруженосцу: римляне приближаются, иди к ним. Оруженосец с 50 аланами обходом [на лыжах] перешел снега Кавказские, в мае месяце нашел своих и с великою радостью спрашивал: где войско? Они отвечали: когда сарацины вторглись в римскую область, то войско ушло назад, а мы уже не можем возвратиться в Римскую землю и потому идем в Аланию. Он говорил им: что же мы теперь будем делать? Через эту страну нам невозможно пройти, отвечали они. Но оруженосец сказал: разве невозможно пройти другим путем. Была там крепость, именуемая Сидирос, которой хранителем был некто Фаразманий, подданный сарацинский, но мирно живший с армянами. Оруженосец, пославши к нему, сказал: поелику ты в мире с армянами, то пребудь в мире и со мною и пребудь под владычеством царства Римского; дай нам способы дойти до моря и переплыть в Трапезунт. Поелику Фарасманий не согласился сделать это, то оруженосец послал из своих и армян, которым приказал сделать засаду, и когда выдут из крепости на работу, то взять из работников, сколько могли, и овладеть воротами с наружной стороны, пока подоспеют к ним и прочие. Те отошли, сделали засаду, народ вышел на работы, и они вдруг сделали нападение, овладели воротами, и многих захватили живыми. Фарасманий с немногими оставался в крепости; скоро пришел и оруженосец и предлагал Фаразманию отворить ворота в мире, но сей не захотел, но начал войну. Крепость была тверда, и взять ее не было возможно. Марин первый из Аписил услышал, что крепость в осаде, смутился от страха и полагал великое войско у оруженосца, и с 300-ми воинов пришел к нему и сказал: я спасу тебя до самого приморья. Фарасманий видя сии обстоятельства, сказал оруженосцу: возьми сына моего в заложники, и я соглашаюсь быть в подданстве у царя. Сей принял его сына и сказал: что ты за подданный царя, каким ты себя называешь, когда и окруженный так говорил с нами? Нам невозможно отступить отсюда, если не возьмем крепости. Тогда Фаразманий сказал: дай мне честное слово. Оруженосец дал ему честное слово, что он не причинит ему никакой обиды, но вступит в крепость с 30 воинами. Но, не сдержав сего слова, приказал

воинам с ним вступавшим 30 воинам: вступая в крепость, вы овладейте воротами, пока войдут и прочие. Что и случилось, и он приказал тогда зажечь крепость. Произошел великий пожар; семейства бежали, вынося с собою из имущества своего, что только могли. Пробывши здесь 3 дня, он приказал срыть стены до основания, потом двинувшись пришел в Апсилию с Марином, первым в городе, и был принят апсилами с великою честью. Оттоль спустившись к приморью, переправился и прибыл к Юстиниану, который был уже убит, за ним ослеплен и Филиппик, и царствовал Артемий, который сделал его военачальником восточных стран. В царствование Феодосия и по изгнании Артемия, когда Римское государство пришло в замешательство и от набегов варварских, и от незаконных убийств Юстиниана, и от нечестивых дел Филиппика, сей Леон сражался за сторону Артемия против Феодосия. С ним был единомышленник и сподобник Артавазд, вожь армянский, которого он после воцарения своего сделал зятем своим, выдавши за него дочь свою Анну, и его произвел в первые сановники двора. Тогда Масальма, зимовавши в Азии, принял обещание Леона и, зная, что он им осмеян пришел к Авидосу и переправил значительное количество войска во Фракию и двинулся против царствующего града; писал при том к Сулейману, первому советнику своему, чтобы он прибыл с своим приготовленным флотом. Августа 15 числа начал он осаду города, разоривши наперед фракийские крепости. С матерой земли выкопали около стен великий ров; над валом сделали грудное укрепление из одного камня без извести. 1 числа сентября индиктиона 1 прибыл Христов враг Сулейман с флотом, с эмирами, с огромными военными кораблями и с быстрыми суднами, имея всех числом до 1800, и стал на пространстве от Мангавры до Кикловия. Через 2 дня подул южный ветер, и враги снявшись с якорей оплыли город: одни обратились к стороне Евтропия и Анфемия, другие к Фракии, начиная от крепости Галат до самых ворот. Позади осталось до 20 больших кораблей для охранения грузных кораблей, обремененных своею тягостью и медленных в течении, и на каждом из первых кораблей находилось по 100 латников. После тишины, которая застигла их в плавании, и в проливе подул благоприятный ветер и подвинул их вперед. Благочестивый царь тотчас послал против них огненные корабли из Акрополиса, и с Божьею помощью истребил их: одни из них, объятые огнем, разбросаны остались у приморских стен, другие потонули в глубине морской и с людьми. Многие уне-

сены были до островов Оксии и Платии. От сего жители города ободрились, а неприятели сильным страхом поражены были, ибо они знали всерушашую силу морского огня. В тот же вечер хотели они сделать высадку к приморским стенам и поставить машины на забралах, но намерение их рассеял Бог молитвами святой Богородицы. В эту же ночь благочестивый царь тайно приказал опустить цепь от Галата. Неприятели, думая, что он, опустивши цепь, хочет окружить их, не осмелились вступить в Галат, но отплывши в залив Сасфения, здесь обезопасили свой флот. 8 числа октября месяца умер Сулейман, вожь их, и Омар сделался эмиром. Когда наступила зима самая жестокая, так что земля во Фракии в продолжение 100 дней покрыта была оледеневшим снегом, то у неприятелей передохло множество коней, верблюдов и прочих животных. Весною прибыл Софиан с флотом своим, сооруженным в Египте, имея до 300 грузных с хлебом и быстрых кораблей, но узнав о силе римского огня, уже проплывши Вифинию, обратился в пристань прекрасного поля. Спустя немного времени прибыл Изид с другим флотом, построенным в Африке, имея 360 больших кораблей с оружием и припасами, и этот равным образом, узнавши тоже о морском огне, пристал к Сатиру, Врии и до Карталимена. Египтяне на двух этих флотах ночью сделали совет и, спустивши с больших кораблей лодки, устремились к городу и благославляли царя; так что начиная от Иерии до самого города море представляло вид сплошного дерева. Царь, узнав чрез них же о двух скрывшихся в заливе флотах, приготовил огнебросательные сифоны, поставил их на быстрые 2-палубные корабли и послал против двух флотов. С Божьею помощью молитвами пречистой Богородицы неприятели на том же месте были потоплены и наши, взяв добычи и съестные запасы их, с радостью и с победою возвратились. Между тем как Мердасан с войском аравитян делал набеги от Пилоса до Никеи и Никомидии, начальники царские наподобие мардаитов, укрываясь в Ливе и Софоне, и с ними пешеходные вдруг нападая на них, и поражая, заставляли их уходить оттуда. При том жители города, имея безопасность от морских разбойников, выходили из города на многих лошадях и возвращались с разными запасами. Равным образом и рыбные ловли при островах и при морских стенах производились без всякого препятствия. Когда возник великий голод между аравитянами, то они пожирали всякую падаль, и лошадей, и ослов, и верблюдов. Говорят даже, что они ели трупы людей и свой собствен-

ный помет в горшках, мешая его с закваской. Постигла их и смертоносная язва, и бесчисленное множество погибло от нее; воздвигли против них войну и болгары и, как говорят люди, верно знающие, побили из них 22 000. Много бедствий претерпели они в это время, и на опыте узнали, что град сей хранит Бог и пресвятая Дева Богоматерь, равно как и христианское царство, и нет совершенного оставления Божия на призывающих Его во истине, хотя мы на короткое время и наказуемся за грехи наши...

л. м. 6211, р. х. 711.

...В том же году Никита Ксилонит писал к Артемию в Фессалонику, чтоб он пришел к Тервелию и с помощью болгар напал бы на Леона. Артемий послушался, пошел. Тервелий дал ему войска и 50 000 золота, с которыми и пошел Артемий против Константинополя, город не принял его, болгары предали его Леону, который угостил их и назад отпустил, Артемия же и Ксилонита убил, имение последнего взял в казну, как магистра имение огромное; равным образом болгары обезглавили патриция Сисания по прозванию Рендаку, первого секретаря Феогноста, и Никиту угольщика, и начальника стены, как находившегося при Артемии...

л. м. 6220, р. х. 720.

В сем году сын хагана, владетеля Хазарии, ходил войною против Мидии и Армении, и нашедши здесь Гараха, вождя сарацинского, убил его со всем его войском и, собравши добычу в Армении и Мидии, возвратился, наведя на аравитян великий ужас.

л. м. 6221, р. х. 721.

В сем году [арабский полководец] Масалма ходил войною в землю турков [хазар], и на происшедшем между ними сражении с обеих сторон пали многие; но Масалма устранился и бежал по пределам Хазарии...

л. м. 6223, р. х. 723.

В сем году Масалма ходил войною на Турцию [Хазарский каганат] и, перешедши за Каспийские врата, испугался и воротился назад.

В том же году царь Леон [III] сговорил дочь хагана, скифского [т.е. хазарского] владетеля, за сына своего Константина [будущего императора Константина V], обративши ее в христианскую веру, назвал Ириною. Она, научившись божественным писаниям, украсилась благочестием и обличала их нечестие...

л. м. 6241, р. х. 741.

В сем году... в январе месяце третьего индиктиона родился сын у царя Константина [V], которого назвал он Леоном [будущий император Лев IV Хазарин], от дочери хагана Хазарского...

л. м. 6247, р. х. 747.

...В то время болгары требовали новых договоров по причине вновь построенных крепостей. Царь не уважил посланного ими, и они вышли с войском, дошли до великой стены и готовились сделать нападение на город, и с великою добычею и со многими пленными без всякой потери возвратились в свои страны...

л. м. 6251, р. х. 751.

...Между тем царь ходил войною в Болгарию и когда он находился при Берегаве, в теснинах, то болгары вышли к нему навстречу, побили много воинов его, и между прочими Леона патриция и военачальника Фракийского и другого Леона счетчика гипподрома и много других, овладели их оружием, и с таким бесславием римляне возвратились...

л. м. 6254, р. х. 754.

При Константине еписк. Римском 1 год.

В сем году на восточной стороне показалась продолговатая комета, и убит сын Фатимы. Болгары возмутились против своих господ, преемственно происходивших от одного поколения, убили их и поставили в правители мужа злонравного, по имени Телетчина, которому было около 30 лет. Многие из бежавших славян прибегнули к царю, и он поселил их на Артанане. 17-го числа июня царь отправился во Фракию и послал туда флот по Эвксинскому морю до 10 000 судов, из которых каждое тащило 12 лошадей. Телетчин, услышав о сем движении против него на суше и на море, принял в союзники 20 000 из окружающих народов и поставив их в укрепленных местах, оградился безопасностью. Царь пришедши, остановился на поле Ангиалском. 30-го же июня, индиктиона 1-го, в 5-й день недели, показался Телетчин со множеством войска, начали сражение и долго рубились, наконец Телетчин обратился в бегство. Сражение продолжалось с 5-го числа утра до позднего вечера, и великое множество болгар истреблено, многие взяты в плен, иные сами приложились. Царь, восхищенный сею победою, праздновал ее торжественным вшествием в город. Во всеоружии со всем войском вступил он в город при радостных криках народа, влача в ручных цепях побежденных болгар, которых потом приказал гражданам перерубить вне золотых врат. Телетчина уби-

ли сами возмутившееся болгары с прочими его начальниками и на место его поставили в правители Савина, зятя Кормезия, который давно был государем их. Но поелику Савин тотчас отправил послов к царю и просил мира, то болгары сделали совет и сильно воспротивились Савину, говоря: из-за тебя вся Болгария должна придти в порабощение у римлян. Произошло возмущение и Савин убежал в крепость Мезимврию и приложился к царю. Болгары поставили другого государя по имени Пагана.

л. м. 6255, р. х. 755.

...В том же году с начала октября месяца сделался великий и жестокий холод не только в нашей земле, но и на востоке, и на севере, и на западе, так что северная часть моря на 100 миль от берега превратилась в камень на 30 локтей в глубину и тоже было от Зикхии и до Дуная, от Куфиса реки до Днестра и Днепра и до Мертвых врат, от всех прочих берегов до Мезимврии и Мидии. Когда снег выпал на столь толстый лед, то толщина его увеличилась еще на 20 локтей, и море приняло вид суши, и ходили, как посуху, по льду из Хазарии, Болгарии и от других приморских народов не только люди, но и дикие звери, и домашние скоты...

л. м. 6256, р. х. 756.

В сем году турки [хазары] опять вторглись в Каспийские врата, напали на Иверию, сразились с аравитянами, и много погибло с той и другой стороны... В том же году Паган, владетель Болгарии, отправил посольство к царю и просил с ним свидания...».

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МАТЕМАТИК И АСТРОНОМ АХМАД АЛ-МАРВАЗИ (≈770-870) О МАДЬЯРАХ

*Галкина Е.С. Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках»
арабской географической литературы //
Rossica antiqua. – 2010. – №1.*

«Ал-М.дж.рийа – народ из тюрков. У них много земель, размеры которых достигают 100 фарсахов на 100 фарсахов. Их глава собирает 20 000 всадников. И зовут их главу К.н.д.х, и это имя – титул их царя. И они народ повозок, кочующий по своим пастбищам. И предел их страны соприкасается с морем ар-Рум. И там 2 реки, впадающие в это море. Одна из них больше Джайхуна. И место жительства ал-М.дж.рийа между этими двумя реками. Названия этих

рек – Рута и Атил. И страна ал-М.дж.рийа лесистая. У них возделанные поля. Они одерживают верх над теми, кто соседит с ними из ас-сакалиба и русов, берут их в плен, доставляют пленных в ар-Рум и там продают».

ПЕРСИДСКИЙ ГЕОГРАФ АБУ КАСИМ БЕН ХОРДАДБЕХ (≈820- 885 или 912) О ТИТУЛАХ ХАЗАР И РУСОВ, ГОРОДАХ ХАМЛИДЖ, БАЛАНДЖАР И САМАНДАР, О «ПУТЯХ ЕВРЕЙСКИХ КУПЦОВ»

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. Н.Велихановой / Серия «Источники по истории Азербайджана». – Баку, 1986.

«Владыка ал-Ирака, которого простонародье называет Кисрой, носит титул шаханшах. Владыка ар-Рума, которого простонародье называет Кайсар, – Басил. Все владыки тюрков, тибетцев и хазар – хаканы, кроме владыки карлуков, которого называют джабгуйа, а владыка ас-Син – Багбур. Все эти владыки – потомки Афризуна. Величайший владыка Большого Хинда – балхара, т.е. владыка владык. Титул джаба носят владыки ат-Тафина, ал-Джурза, Габы, Рахмы и Камаруна, которые являются владыками земель ал-Хинда. Владыка аз-Забаджа носит титул фатиджаб, владыка ан-Нубы – кабил, владыка ал-Хабаша – ан-наджаши, владыка островов Восточного моря – ал-махарадж, владыка ас-Сакалиба – князь...

Ануширван построил города аш-Шабиран, Каркару, ал-Баб вал-Аббаб, цитадели на горных дорогах – числом 360. Построил он Баланджар и Самандар. На земле Джурзан он построил город Сугдабил. Возвел он также крепость и назвал ее Баб Фируз Кубад...

Путь еврейских купцов ар-Разанийа, которые говорят по-арабски, по-персидски, по-румийски, по-франкски, по-андалузски, по-славянски. Они в самом деле путешествуют от ал-Машрика до ал-Магриба и от ал-Магриба до ал-Машрика по суше и по морю. Они доставляют из ал-Магриба слуг-евнухов, невольниц, мальчиков-слуг, парчу, заячьи шкурки, пушнину, соболий мех и мечи. Они путешествуют из Фиранджи по Западному морю, высаживаются у ал-Фарамы и доставляют свои товары по суше в ал-Кулзум. Между этими городами 25 фарсахов. Затем они совершают путешествие по Восточному морю из ал-Кулзума в ал-Джар и Джудду. Затем отправляются дальше в ас-Синд, ал-Хинд и ас-Син. Вывозят

из ас-Сина мускус, алоэ, камфору, корицу и др. товары, которые традиционны для этих краев, после чего возвращаются в ал-Кулзум. Потом они доставляют эти товары в ал-Фараму. Затем плывут по Западному морю, а иной раз поворачивают со своими товарами к Константинополю и продают их в ар-Руме. Иногда они ездят со своими товарами в земли Фиранджи и распродают их там. Если они желают, то везут свои товары из Фиранджи по Западному морю, высаживаются у Антакийи и совершают по суше 3 перехода, пока не достигают ал-Джабийи. Затем они плывут по Евфрату до Багдада, а по Тигру до ал-Убуллы. Из ал-Убуллы они направляются в Оман, ас-Синд, ас-Син. Все эти страны связаны одна с другой.

Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных окраин страны славян к Румийскому морю. Владетель ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танису – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками для них являются славянские слуги-евнухи. Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать джизью.

Если говорить об их пути по суше, то по этому пути отправляется тот из них, который следует из ал-Андалуса или из Фиранджи; он переправляется в ас-Сус Дальний и оттуда отправляется в Танджу, далее в Ифрикийю, затем в Миср, в ар-Рамлу, в Дамаск, в ал-Куфу, в Багдад, в ал-Басру, в ал-Ахвас, в Фарс, в Кирман, в ас-Синд, в ал-Хинд и ас-Син. Иногда они держат путь по ту сторону севернее Румийи, в страну славян, затем в Хамлидж – главный город хазар, далее по морю Джурджан, затем в Балх и Мавараннахр, затем в Урт, тугузгуз, затем в ас-Син».

АРАБСКИЙ ШЕЙХ И ГЕОГРАФ АБУ ИСХАК АЛ-ИСТАХРИ (849-934) О ХАЗАРАХ, БУЛГАРАХ И РУСАХ

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий [Текст] // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 29. – Тифлис, 1901; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы и славяне. – М., 1967; Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. – М., 1976; Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. – М., 2004.

«Хазар – это имя страны, а столица ее Итиль; равным образом Итиль имя реки, текущей к городу из страны Руссов и Болгар. Город Итиль делится на две части одна часть на западном берегу реки, по имени «Итиль», и это большая часть; а другая на восточном берегу. Царь живет в западной части и называется он на их языке «бек», а также называют его «бак». Величина этой части города в длину около фарсаха, и окружает ее стена. Постройки этого города разбросаны и жилищами в нем служат войлочные палатки, за исключением некоторых жилищ, выстроенных из глины; у них есть рынки и бани; среди них множество мусульман; говорят, что между ними находится более 10 000 мусульман, и у них около 30 мечетей. Дворец царя далек от берега реки и выстроен он из обожженного кирпича. Ни у кого нет постройки из обожженного кирпича, кроме царя, и он не позволяет никому строиться из кирпича.

В этой стене четверо ворот; одни обращены к реке, а другие к степи, что расстилается за стеною города.

Царь их иудейского вероисповедания, и говорят, что свита его числом около 4000 человек. Хазары мусульмане, христиане и иудеи и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс иудеи, а самый большой – мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его – иудеи. Большую часть обычаев их составляют обычаи идолопоклонников, и они кланяются до земли друг другу для выражения почтения. А установления их, которыми они отличаются от других народов, основаны на древних обычаях

и противоречат религиям мусульманской, иудейской и христианской.

У царя их войска 12 000 человек; когда умрет из числа их один человек, то немедленно ставят на его место другого. У них нет определенного постоянного жалования, разве только малая толика перепадет на их долю после длинного промежутка времени в случае войны или когда их постигает какое-нибудь дело, из-за которого они все соединяются.

Источник доходов царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях. На обитателях городских кварталов и окрестностей лежит повинность доставлять им всякого рода необходимый провиант, напитки и прочее.

При царе 7 судей из иудеев, христиан, мусульман и язычников. В случае тяжбы между людьми решают ее эти судьи; нуждающиеся не являются к самому царю, но обращаются к этим судьям. В день суда между этими судьями и царем бывает посредник. При его посредстве судьи входят в сношение с царем относительно случающихся дел, и таким образом дела представляются царю на рассмотрение, а он передает им свой приказ, и они приводят его в исполнение.

При этом городе нет сел, а пашни их разбросаны. Летом они выходят на пашни приблизительно на 20 фарсахов в окружности для посевов, собирают хлеба частью над рекой, а частью в степи, и перевозят хлеба свои на повозках и рекою на судах. Питаются они преимущественно рисом и рыбой; то что вывозится от них из меду и воску, ввозится к ним из земель Руссов и Болгар; точно так же, как и бобровые шкуры, которые развозятся во все страны, добываются исключительно в реках земель Руссов, Болгар и Киева и не встречаются ни в одной иной стране, насколько я знаю.

В восточной части города Хазар живут преимущественно купцы и мусульмане и находятся товары, а западная часть его исключительно предоставлена царю, войску его и истым Хазарам.

Язык Хазар не сходен с языком Турок и Персов, и вообще он не похож на язык ни одного из народов.

Река Итиль, как я узнал, берет начало близ земель Хирхиз и протекает между землями Каймаков и Гуззов и представляет естественную границу между этими народами. Потом проходит река эта за Болгарами на запад и возвращается на восток, пока не протекаешь через земли Руссов; затем проходит она через земли Болгар,

потом через земли Буртас, пока не впадает в Хазарское море. Говорят, что река эта разветвляется более, чем на 70 рукавов, и остается, кроме того, главный поток реки; проходит он через земли Хазар и впадает в море. Говорят, что когда эти потоки соединяются в одну реку во время разлива, то она превосходит величиной Джайхун и происходит от многоводности ее то обстоятельство, что она, достигая моря, впадает в него, врезываясь на расстояние двухдневного пути и вытесняя морскую воду, так что замерзает зимою благодаря своей пресности и мягкости. Цвет ее в море отличается от цвета морской воды.

У Хазар есть еще город по имени Семендер; в пространстве между ним и Баб-ул-Абвабом находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру; и говорят, что они содержат в себе приблизительно около 4000 виноградных лоз, доходя до пределов Серира, и главную часть плодов в этих садах составляет виноград. В Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети; постройки Семендерцев деревянные, плетеные; кровли на домах выпуклые. Царь Семендера иудейского вероисповедания и находится в родстве с царем Хазар. Между Семендером и пределами Серира 2 фарсах расстояния. Между Семендерцами и Сахиб-ас-Сериром перемирие...

Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Семендера.

Буртасы – племя соседнее с Хазарами; между ними и Хазарами не живет никакого другого народа; это народ, рассеянный по долине реки Итиль. Буртас имя страны точно так же, как Русь и Хазар, а Серир имя государства, не города и не людей.

Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их 2 класса: один называются «Карахазары»; они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс – белый, видный по красоте и наружным качествами. Все, что попадает к нам из рабов Хазар, принадлежит к язычникам, разрешающим продажу своих детей и порабощение друг друга, а находящиеся среди них иудеи и христиане, подобно мусульманам, не допускают по своим религиозным воззрениям рабства друг друга.

В стране Хазар добывается и вывозится во все страны только клей. Что же касается до ртути, меду, воску, бобровых шкур и шерсти, то все это доставляется к ним из других стран.

Одежду Хазар и соседних с ними народов составляют курт-

ки и мужские туники. Сами Хазары одежд не выделяют, но они исключительно ввозятся к ним из стран Джурджана, Табаристана, Армении, Азербейджана и Рума.

Что касается до управления ими и правителя, то глава их называется: «хакан-хазар». Он выше царя хазарского, но его самого назначает царь. Когда они желают поставить кого-нибудь этим хаканом, то приводят его и начинают душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: «Как долго желаешь царствовать?» – он отвечает: «Столько-то и столько-то лет». Если он раньше умрет, то его счастье, а если нет, то его убивают по достижении назначенного числа лет царствования. Хаканство у них дается только лицам из знатных фамилий. У хакана власть номинальная, его только почитают и преклоняются перед ним при представлении. К хакану входит только царь и лица одного класса с ним. Царь входит к хакану только в случае важного события и, при входе к нему, падает ниц на землю и кланяется, а потом становится вдали, пока не разрешит ему хакан приблизиться. Когда постигает их какая-нибудь великая опасность, то они выводят хакана; и как только увидит его кто-нибудь из Турок или соседних народов «кяфиров», тотчас же обращается в бегство, и никто из них не решается воевать с ним вследствие большого к нему почтения. Когда он умрет и его похоронят, то мимо могилы его ни один человек не проезжает без того, чтобы не спешиться и не поклониться его праху, и не садится на лошадь, пока не скроется из его глаз могила хакана.

Хазары настолько повинуются царю, что когда одного из них иной раз необходимо убить, будь он даже из старейшин хазарских, но царь не желает в то же время, чтобы тот был убит открыто, то приказывает ему покончить самоубийством, а тот удаляется к себе домой и убивает сам себя.

Хаканство у них дается лицам знатных фамилий, хотя бы не имеющим ни владений, ни богатств; так что когда кто-нибудь из них получит главенство и его делают начальником, то присягают ему, несмотря на то, каково его имущественное положение. Мне сообщил один человек, которому я доверяю в этом, что он видел на каком-то из их рынков юношу, продававшего хлеб, а Хазары говорили, что, по смерти их хакана, никто не имел бы более прав на хаканство, чем этот юноша, разве только, что он мусульманин, а хаканство дается только исповедующему иудейскую религию. Зо-

лотой трон и балдахин готовят у них только для хакана; шатер хакана, когда его разобьют, выше шатра царя, а жилище его в городе выше места жительства царя...

Язык болгар похож на язык хазар, и у буртасов другой язык, и также язык русов отличен от языка хазар и буртасов...

Булгар – имя города и болгары – мусульмане, в городе соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 000 мужей. У них – деревянные строения, укрываются в них зимой, а летом располагаются в шатрах...

Внешний Булгар – город небольшой, нет в нем многочисленных округов, а известность его происходит вследствие того, что он – порт для [упомянутых выше] государств, а русы – народ в стороне Булгара, между ним и славянами...

Одежда русов – короткие куртки, а одежда хазар, болгар и баджанак – полные куртки. И эти русы торгуют с хазарами, торгуют с Румом и Булгаром Великим».

АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ АБУ ЗАЙД АЛ-БАЛХИ (850-934) О БУЛГАРАХ, БУРТАСАХ И ХАЗАРИИ

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. – СПб., 1869.

«Буртасы – народ, который граничит с хазарами. Между этими двумя народами не живет другой. Буртасы живут рассеянно по берегам Волги... Язык болгар сходен с хазарским. Буртасы же говорят на языке различном [от языка двух упомянутых народов]. Равным образом различается язык руссов от языка хазар и болгар...

Булгар – имя страны, жителей которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город Сувар, где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 000 человек. Дома деревянные и служит зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам. Тот же проповедник сказал о долгих летних днях и коротких ночах и зимних коротких днях и долгих ночах...

Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства...

От Итиля до Болгара расстояние по степям – около 1 месяца пути; водою же, вверх по реке около 2-х месяцев, вниз по реке около 20 дней... От Болгара до Куяба около 20 дней пути... От внутренних башджаров до Болгара 25 дней...

Башджары разделяются на 2 племени, одно племя живет на самой границе Гуззия, т.е. гузов-куман – близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2 000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны болгарам...

То, что вывозят из Хазарии, как-то: мед и воск, привозится к ним из земли руссов и болгар. Таким же образом меха бобровые, вывозимые из Хазарии в различные страны, находят только в тех реках, которые текут в странах Болгара, Руси и Куяба, и кроме того их нигде не найдешь, сколько мне известно».

**ПЕРСИДСКИЙ УЧЕНЫЙ АБУ АЛИ БЕН РУСТЕ (П.П. X В.)
О БУРТАСАХ, БУЛГАРАХ, МАДЬЯРАХ, СЛАВЯНАХ И РУСИ
(он активно пользовался сведениями хорасанской рукописи,
так называемой «Анонимной запиской о народах Восточной
Европы» IX в.)**

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. – СПб., 1869; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. – М, 1965.

«Буртасы

Земля буртасов лежит между Хазарскою и Болгарскою землями, на расстоянии 15-дневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10 000 всадников...

Земля их просторна и обилует лесистыми местами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги.

Болгары

Болгарская земля смежна с землею буртасов. Живут болгары

на берегу реки, которая впадает в море Хазарское и прозывается Итиль, протекая между землями хазарской и славянской. Царь болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам. Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут.

Болгары делятся на 3 отдела: один отдел зовется берсула, другой – эсегель, а третий – болгар; относительно образа жизни все трое стоят на одной и той же степени.

Хазары ведут торг с болгарями; равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из руссов, которые живут по обоим берегам помянутой реки, везут к болгарам товары свои, как-то: меха собольи, горностаевы, беличьи и другие.

Болгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие.

Большая их часть исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Те же из них, которые пребывают в язычестве, повергаются ниц перед каждым знакомым, которого встречают.

От земли буртасов до земли этих болгар 3 дня пути. Последнее производят набеги на первых, грабят их и в плен увозят. Болгары ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение.

Подать царю своему платят они лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади. Когда приходят к ним мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть товаров.

Одежда их похожа на мусульманскую; равным образом и кладбища их как у мусульман. Главное богатство их составляет куний мех. Чеканенной монеты своей нет у них; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум дирхемам с половиною. Белые, круглые дирхемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары.

Мадьяры

Между землею печенегов и землею болгарских эсегель лежит 1-й из краев мадьярских, мадьяры эти – тюркское племя...

Славяне и русь

И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый «Ва.т». Путь в эту сторону идет по степям и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян – ровная и

лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улишдж, и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меду. И они народ, пасущий свиней, как мы овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков 20 или больше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было 3 жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу 2 столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут 3-й столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец веревки завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: «Господи, ты, который до сих пор снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии». Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в 2 локтя, лютня же восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом. Рабочего скота у них немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого [ниже] человека. Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют «главой глав», зовется у них свт-малик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником). Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет другой пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в течение 3-х дней проводится торг, покупают и продают. В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную

остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают даже одежду. В таком жилье остаются до весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений...

Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором русы живут, протяженностью в 3 дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то рус дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего. Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя, род [поднимается против кого-либо], то вступаются все они. И нет тогда между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят. И если один из них возбудит дело против другого, то

зовет его на суд к царю, перед которым они и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием и, чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники обеих сторон приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело.

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их [русов] начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, скотом. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу.

Они храбры и мужественны и, если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют или обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги, походы совершают на кораблях.

[Русы] носят широкие шаровары, на каждые из которых идет по 100 локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку до колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется наедине, но обязательно сопровождают [руса] 3-е его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, т.к. мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежды и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда же множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заточении».

АРАБСКИЙ ДИПЛОМАТ АХМАД БЕН ФАДЛАН (П.П. X В.) «О ТОМ, ЧТО ОН САМ НАБЛЮДАЛ В СТРАНЕ ТЮРОК, ХАЗАР, РУСОВ, «СЛАВЯН», БАШКИР И ДРУГИХ НАРОДОВ»

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956; Хамидуллин Б.Л. История «скифов» глазами современников. – Казань, 2001.

«Это – книга Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хашимида, посла [багдадского халифа] ал-Муктадира к царю «славян» [в оригинале *сакалиба*; ныне доказано, что этим термином арабы именовали тюрков, славян и угров], в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрков, хазар, русов, «славян», башкир и других народов по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положения во многих их делах.

Сказал Ахмед ибн-Фадлан: Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки йылтывара, царя «славян», к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедр, чтобы он установил на ней от имени халифа хутбу в его собственной стране и во всех областях его государства, и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников, – было дано согласие на то, о чем он просил. Посредником в этом деле был Назир ал-Харами. А я был уполномочен для прочтения царю письма и вручения того, что отправлялось к нему в качестве подарков и для надзора над факихами и муаллимами. И ему были пожалованы деньги, доставлявшиеся ему для упомянутой нами постройки и для уплаты жалованья факихам и муаллимам, со взысканием с поместья, называемого Арсахушми-сан, в земле Хорезма, из числа поместий Ибн-ал-Фурата. Послом к ал-Муктадиру от владетеля «славян» был муж по имени Абдуллах сын Башту Хазарин, а послом со стороны государя – Сусан ар-Расси, клиент Назира ал-Харами, и сопровождали его Текин Тюрк и Барыс «Славянин», и я вместе с ними, как я уже сообщил.

Итак, мне были вручены подарки для царя, для его жены, для его сыновей, для его братьев, для его предводителей и лекарства, о которых он писал Назиру, прося их.

Итак, мы отправились из Города Мира в четверг, по прошествии 11 ночей месяца сафара 309 [921] года...

...Когда мы пересекли гору, мы выехали к кочевому племени тюрков, известных под названием гуззов.

И вот они кочевники, – дома у них из шерсти, они то останавливаются табором, то отъезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с образом жизни кочевников и с их передвижением. И вот они в жалком состоянии. К тому же они, как блуждающие ослы, – не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих старейшин «господами». Когда кто-нибудь из них просит в чем-либо совета у своего главаря, он говорит ему: «Господи! что я сделаю в таком-то и таком-то деле?».

«Дела их решаются советом между ними». Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись. Я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают мимо них, но не выражая этим никакого убеждения. А если кого-нибудь из них постигает несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимет свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-тюрки «один», а «тенгри» на языке тюрков – «бог».

Они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины и не омываются от половой нечистоты и не совершают ничего подобного. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой. Их женщины не закрываются ни от их мужчин, ни от посторонних, и женщина не закрывает также ничего из своего тела ни от кого из людей. Право же, как-то однажды мы остановились у одного человека из их числа. Мы сели, и жена этого человека была вместе с нами. И вот, разговаривая с нами, она раскрыла свой «фардж» и почесала его, в то время как мы на нее смотрели. Мы же закрыли свои лица руками и сказали: «Господи, помилуй!». Тогда муж ее засмеялся и сказал переводчику: «Скажи им: она открывает это в вашем присутствии, и вы видите его, а она охраняет его так, что к нему нет доступа. Это лучше, чем если бы она его закрывала и вместе с тем предоставля-

ла пользоваться им». Гуззы не знают блуда. Но если относительно кого-либо они откроют какое-нибудь дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они сужают промежуток между ветвями двух деревьев, потом привязывают его к веткам и пускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их разрывается.

Один из них сказал: «Дай мне услышать чтение». Коран ему понравился, и он начал говорить переводчику: «Скажи ему: Не умолкай». Однажды этот человек сказал мне через переводчика: «Скажи этому арабу: есть ли у господина нашего могучего и великого жена?». Я же ужаснулся этому и провозгласил «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах». И он провозгласил «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах» так же, как это сделал я. И таково правило тюрка, – всякий раз, как он услышит мусульманина, произносящего «Слава Аллаху» и «Нет бога, кроме Аллаха», он говорит то же, что и он.

Обычай женитьбы у них таковы: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, – или дочь его, или его сестру, или кого-либо из тех, кем он распоряжается, – за столько-то и столько-то хорезмийских одежд и если он заплатит это, то он везет ее к себе. Иногда калымом бывают верблюды или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласился ее «опекун». А если он уплатит это ему, то идет, не стесняясь, пока не войдет в жилище, в котором она находится, и не возьмет ее в присутствии ее отца, ее матери и ее братьев, и они ему в этом не препятствуют.

А если умрет человек, имеющий жену и сыновей, то старший из его сыновей женится на его жене, если она не была его матерью.

Никто из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, кроме как ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гnevаются и говорят: «Этот хочет нас околдовать, т.к. он устал в воду», – и штрафуют его деньгами.

И не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. Когда же он прибудет к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец, сколько может, так что мусульманину останется только закалывать их, т.к. тюрки их не закалывают,

– право же, кто-либо из них бьет по голове овцу, пока она не умрет. И если человек из числа мусульман захочет совершить переезд, а у него станут некоторые из его верблюдов или его лошадей, или он нуждается в деньгах, то он оставляет ставших животных у своего друга-тюрка, берет его верблюдов, его лошадей и то, что ему нужно, и отправляется. Когда же он возвратится с дороги, в которую он отправился, он возместит ему его деньги и возвратит ему его верблюдов и его лошадей. И точно так же, если проедет мимо тюрка человек, которого он не знает, и потом вдруг скажет ему: «Я твой гость, и я хочу получить часть твоих верблюдов, твоих лошадей и твоих дирхемов», – он вручит ему то, что он хочет.

Если же купец умрет в дороге и караван будет возвращаться, то тюрок встретит их и скажет: «Где мой гость?». И если скажут: «Он умер», то он заставит караван разгрузиться. Потом он пойдет к самому знатному купцу, которого он среди них увидит, развяжет на его глазах его вещи и возьмет из его дирхемов столько, сколько ему следует с того купца, без лишнего зернышка. И так же он возьмет лошадей и верблюдов и скажет: «Это твой двоюродный брат и ты более всего обязан уплатить за него». А если он убежал, то тюрок сделает то же самое и скажет ему: «Это такой же мусульманин, как и ты, возьми же ты с него». А если этот мусульманин не даст согласия возместить долг за его гостя на большой дороге, то тюрок спросит о его бегстве, где он находится, и если его направят к нему, то он проедет в поисках его расстояние многих дней пути, пока не прибедет к нему и не заберет у него того, что ему принадлежит, а также того, что он иной раз дарит ему.

...Поступок педерастии считается у них очень тяжким преступлением. Действительно, некогда остановился в родовой группе Кюзеркина, – а это наместник царя тюрок, – некий человек из жителей Хорезма и оставался у своего хозяина некоторое время для покупки овец. У тюрка был безбородый сын, и хорезмиец не переставал ухаживать за ним и склонять его к себе, пока тот не подчинился его желанию. Пришел тюрок и нашел их обоих в соединении. Тогда тюрок подал об этом жалобу Кюзеркину. Итак, он сказал ему: «Собери тюрок». И он их собрал. Когда они собрались, он сказал тюрку: «Как ты хочешь, чтобы я судил, – по справедливости или лживо?». Он сказал: «По справедливости». Он сказал: «Приведи своего сына». Он привел его. Он сказал: «Следует, чтобы он и купец оба были убиты». Тюрок этим возмутился и сказал: «Я не выдам своего сына».

Он же сказал: «Тогда купец даст выкуп за себя». Он это сделал и заплатил тюрку овцами за то, что он сделал с его сыном, заплатил Кюзеркину 400 овец за то, что он снял с него наказание, и уехал из страны тюрок.

Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, был йынал Маленький. Он прежде принял было ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от ислама. Когда же мы прибыли в то место, в котором он находился, он сказал: «Я не допущу, чтобы вы прошли, т.к. это нечто такое, о чем мы совершенно не слышали и не думали, что оно бывает». Тогда мы подольстились к нему с тем, чтобы он удовольствовался получением джурджанского хафтана стоимостью в 10 дирхемов, куска материи пай-баф, лепешек хлеба, пригоршни изюма и 100 орехов. Когда же мы вручили ему все это, он поклонился нам до земли. А это их правило, – если человек оказывает почет другому человеку, он кланяется ему в землю. Он сказал: «Если бы мои дома не были отдалены от дороги, я обязательно доставил бы вам овец и дружеские подарки». И он удалился от нас.

Мы отправились, и на следующий день нас встретил один человек из тюрок с презренной внешностью, оборванец, тощего вида, жалкий по существу. А на нас напал сильный дождь. Он же сказал: «Стойте!». И караван остановился весь в целом, а именно около 3000 лошадей и 5000 человек. Потом он сказал: «Ни один из вас не пройдет!». И мы остановились, повинувшись его приказанию. Мы сказали ему: «Мы друзья Кюзеркина». Он стал смеяться и говорит: «Кто такой Кюзеркин? Я испражняюсь на бороду Кюзеркина». Потом он сказал: «Паканд», что значит «хлеб» на языке Хорезма. Тогда я вручил ему лепешки хлеба. Он взял их и сказал: «Проезжайте, я смилостивился над вами».

Он сказал: Если заболел из их числа человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет.

Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него.

А если умрет человек из числа знати, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом,

оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладывают над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них 100 голов, или 200 голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: «Я видел такого-то, т.е. умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегналы мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле. И когда пройдет день или два, придет к ним этот старик и скажет: «Я видел такого-то, и он сказал: «Сообщи моим семейным и моим товарищам, что подлинно я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости».

Он сказал: Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел среди них дряхлого старика, который выщипал себе бороду и оставил немного от нее под подбородком, причем на нем надета шуба, так что, если человек после этого увидит его, обязательно примет его за козла.

Царя тюрок гуззов называют йабгу, и это – титул повелителя. И каждый, кто царствует над этим племенем, этим титулом называется. А заместителя его называют кюзеркин. И точно так же каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется кюзеркин.

Потом при нашем отъезде из области этих тюрок мы остановились у начальника их войска. Его зовут Этрэк сын Катагана. Он разбил для нас тюркские юрты и поселил нас в них. И вот у него челядь и свита, и большие дома. Он пригнал к нам овец, и привели лошадей, чтобы мы закалывали овец и ездили бы верхом на лошадях. Он созвал своих домочадцев и сыновей своего дяди по отцу и убил для них множество овец. А мы еще раньше преподнесли ему подарок: одежды, изюм, орехи, перец и просо. Я видел его жену, которая раньше была женой его отца. Она взяла немного мяса и

молока и кое-что из того, что мы подарили ему, вышла из пределов «домов» в дикую местность, вырыла яму, погребла в ней то, что имела с собой, и произнесла какие-то слова. Я же сказал переводчику: «Что она говорит?». Он сказал: «Она говорит: «Это подарок для Катагана, отца Этрэка, который преподнесли ему арабы».

Когда же настала ночь, я и переводчик вошли к нему, в то время как он сидел в своей юрте. С нами было письмо к нему Назира ал-Харамы, в котором он предлагает ему принять ислам и побуждает его к нему. При этом он послал ему в дар 50 динаров, среди которых было много динаров мусаййабских, 3 мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды, из которых мы скроили для него две куртки, сапоги из красной кожи, одежду из парчи и 5 шелковых одежд. И так, мы вручили ему подарок и вручили также его жене покрывало и перстень. Я прочитал ему письмо, а он сказал переводчику: «Я не скажу вам ничего, пока вы не возвратитесь, и тогда напишу государю о том, что я решу». Он снял парчовую одежду, бывшую на нем, чтобы надеть упомянутые нами почетные подарки. И я увидел бывшую под ней куртку, – она распалась лохмотьями от грязи, т.к. правила их таковы, что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыпется на куски. И вот он выщипал всю свою бороду и свои усы и остался как евнух...

В один из дней он послал за непосредственно ему подчиненными предводителями, а они следующие: Тархан, Йынал... и Баглыз. И был Тархан самый знатный из них и самый выдающийся из них, и был он хромым, слепой, сухорукий. И так, он сказал им: «Подлинно, вот это послы царя арабов к моему зятю Алмушу сыну Шилки, и не подобает мне, чтобы я отпустил их иначе, как после совета с вами». Тогда Тархан сказал: «Это нечто такое, чего мы совершенно не видали и о чем не слыхали, и мимо нас никогда не проходил посол какого-либо государя с тех пор, как существуем мы и отцы наши. Я думаю, что не иначе, как этот государь устраивает хитрость и направляет этих людей к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. И лучше всего разрезать этих послов каждого пополам, а мы заберем то, что с ними имеется. И сказал другой из них: «Нет! Но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились туда, откуда прибыли». И сказал еще другой: «Нет! Но у царя хазар есть наши пленные. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех». И они не переставали спорить между собой об этих вещах 7 дней, в то время как мы находились в смертельном поло-

жении, пока они не сошлись на том, что они отпустят нас в дорогу, и мы проследуем дальше. Мы же преподнесли Тархану мервский хафтан и 2 куска материи пай-баф, а его товарищам каждому по куртке, а также Йыналу. Мы вручили им также перец, просо и лепешки хлеба, и они удалились от нас.

Мы отправились в путь, пока не прибыли к реке Йаганды. Люди вытащили свои дорожные мешки, – а они сделаны из кож верблюдов, – и расстелили их. Взяли самок тюркских верблюдов, т.к. они круглы, и поместили их в их пустоту, так что мешки растянулись. Потом они наложили их одеждой и вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа человек в 5, 6, 4, – меньше или больше. Они берут в руки шесты из хаданга и кладут их, как весла, непрерывно гребя, а вода несет их дорожные мешки и они вертятся, пока мы не переправимся. Что же касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь. Необходимо, прежде чем переправится какая-либо часть каравана, переправить отряд бойцов, имеющих оружие, чтобы они служили авангардом для людей. Это из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться.

Итак, мы переправились через Йаганды описанным нами способом. Потом, после этого мы переправились через реку, называемую Джам, также в дорожных мешках, потом мы переправились через Джахыш, потом Узил, потом «Эрдэн», потом «Варыш», потом Анхаты, потом «Вабна», а это все большие реки.

Потом, после этого мы прибыли к печенегам. И вот они остановились у воды, похожей на настоящее море. Они – темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам. Ведь я видел среди гуззов таких, которые владели 10 000 лошадей и 100 000 голов овец...

Мы остановились у печенегов на 1 день.

Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх, а это самая большая река, какую мы только видели, самая огромная и с самым сильным течением... Мы переправились через нее только с трудом.

Потом мы ехали много дней и переправились через реку Джаха, потом после нее через реку Ирхиз, потом через Бачаг, потом через Самур, потом через Кинал, потом через реку Сух, потом через реку Кюнджюлю и попали в страну народа из числа тюрков, называемого башкиры. Мы остерегались их с величайшей осторожностью,

потому что это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство...

...И мы уехали из страны этих людей и переправились через реку Джарамсан, потом через реку Уран, потом через реку Урам, потом через реку Байнах, потом через реку Ватыг, потом через реку Нийасна, потом через реку Джавшыз. Расстояние от реки до реки, о которых мы упомянули, – 2 дня, или 3, или 4, менее этого или более. Когда же мы были от царя «славян», к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, он послал для нашей встречи 4-х царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих сыновей. Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо, и поехали вместе с нами. Когда же мы были от него на расстоянии двух фарсахов, он встретил нас сам, и когда он увидел нас, он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху, великому, могучему. В руке у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас. Он поставил для нас юрты, и мы поселились в них. Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло 12 ночей месяца мухаррама 310 года. И было расстояние от Джурджании до его страны 70 дней пути.

Итак, мы оставались в воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли, предводители и жители его страны, чтобы услышать чтение письма халифа. Когда же наступил четверг, и они собрались, мы развернули 2 знамени, которые были с нами, оседлали лошадь присланным ему в подарок седлом, одели его в савад и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа и сказал ему: «Не подобает, чтобы мы сидели, когда читается это письмо». И он встал на ноги, – он сам и присутствовавшие знатные лица из жителей его государства, а он человек очень толстый и пузатый. Я начал и прочитал начало письма и, когда я дошел до слов: «Мир тебе, и воистину я прославляю, обращаясь к тебе, Аллах, кроме которого нет иного бога», – я сказал ему: «Ответь пожеланием мира повелителю правоверных». И он ответил, и они ответили все вместе. Переводчик не переставал переводить наше чтение буква в букву. Когда же мы кончили его чтение, то они возгласили «Велик Аллах!» таким возгласом, от которого затряслась земля. Потом я прочитал письмо везира Хамида ибн-ал-Аббаса, в то время как он стоял. Потом я пригласил его сесть, и во время чтения письма Назира ал-Харами он сидел. Когда же я окончил чтение, спутники его рассыпали

на него многочисленные дирхемы. Потом я вынул подарки, состоявшие из благовоний, одежд, жемчуга, для него и для его жены, и я не переставал представлять ему и ей одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облек его жену в почетный халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай. Когда же я облек ее в почетный халат, женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились.

По прошествии какого-нибудь часа он прислал за нами, и мы вошли к нему, в то время как он находился в своей палатке. Цари сидели с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один сидел на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол с яствами, и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал, – взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану, послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол.

Потом он вручил мясо мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол... потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом это продолжалось, пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего. Когда же он кончал с едой, то каждый из нас оставшееся на своем столе уносил в свое жилище. Когда мы поели, он велел принести напиток из меда, который они называют суджув, изготовления того же дня и той же ночи. Итак, он выпил кубок. Потом он встал во весь рост и сказал: «Это мое веселие о моем господине, повелителе правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире». И т.к. он встал, то встали и 4 царя, и его сыновья, и встали мы также, пока он делал это 3 раза. Потом мы удалились от него. На его минбаре еще до моего прибытия уже провозглашали от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани в благополучии царя йылтывара, царя булгар!». Я же сказал ему: «Воистину, царь – это Аллах, и на минбаре этим титулом не называется никто,

кроме него, великого и могучего. Вот господин твой, повелитель правоверных, для собственной своей особы довольствуется тем, что на его минбарах на востоке и на западе провозглашают: «О Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего и наместника твоего Джафара, имама ал-Муктадира-би-ллаха, повелителя правоверных!». И таким же образом делали бывшие до него предки его халифы. И сказал Пророк, да благословит его Аллах и да спасет: «Не восхваляйте меня без меры, как восхвалили христиане Иисуса сына Марии, – ведь, право же, я раб Аллаха и посланник его». Он же сказал мне: «Как же подобает, чтобы провозглашали от моего имени хутбу?». Я сказал: «Посредством упоминания твоего имени и имени твоего отца». Он сказал: «Но ведь отец мой был неверным, и я не хочу упоминать его имени на минбаре; и я также был неверным, – и я не хочу, чтобы упоминалось мое имя, т.к. тот, кто дал мне имя, был неверным. Однако, как имя моего господина, повелителя правоверных?». Я сказал: «Джафар». Он сказал: «Подобает ли, чтобы я назвался его именем?». Я сказал: «Да». Он сказал: «Итак, я уже дал себе имя Джафар, а имя своему отцу Абдаллах, так что дай распоряжение об этом хатибу». Я сделал это, и хатиб стал провозглашать от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего Джафара ибн-Абдаллаха, повелителя булгар, клиента повелителя правоверных».

Когда прошло 3 дня после прочтения письма и вручения подарков, он прислал за мной. До него дошло дело о 4000 динаров... Сообщение о них было и в письме. Итак, когда я вошел к нему, он пригласил меня сесть, и я сел, а он бросил мне письмо повелителя правоверных и сказал: «Кто привез это письмо?». Я сказал: «Я». Потом он бросил мне письмо везира и сказал: «А это тоже?». Я сказал: «Я». Он сказал: «А деньги, упомянутые в них обоих, что с ними сделано?». Я сказал: «Трудно было их собрать, время было стесненно, мы боялись упустить возможность въезда на север, так что мы оставили их, чтобы они догнали нас». Тогда он сказал: «Подлинно, приехали вы все, и то, что на вас истратил мой господин, он истратил для того, чтобы привезти мне эти деньги, чтобы я построил на них крепость, которая защитила бы меня от иудеев, поработивших меня. Что же касается подарка, то мой отрок и сам мог бы прекрасно доставить его». Я сказал: «Это совершенно верно, но только, право же, мы приложили все старания».

Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: «Я не признаю этих

людей. Подлинно, я признаю только тебя одного, и это потому, что эти люди не арабы. И если бы знал наставник, – да поможет ему Аллах, – что они возвестят мне то, что ты возвестил, он не послал бы тебя, чтобы ты сохранил его поручения для меня: прочел бы его письмо ко мне и выслушал бы мой ответ. И я не потребую ни одного дирхема ни у кого, кроме как у тебя, так что отдавай деньги, и это самое лучшее для тебя». Итак, я ушел от лица его перепуганный, удрученный. У этого человека был внушительный вид и величавость, был он толстый, широкий, как будто бы он говорил из большого кувшина. Итак, я вышел от него, собрал своих спутников и сообщил им, что произошло между ним и мною. И я сказал им: «От этого я вас предостерегал».

Его муэzzин, призывая к молитве, провозглашал икаму дважды. Я сказал ему: «Право же, господин твой, повелитель правоверных, у себя провозглашает икаму 1 раз». Тогда он сказал муэzzину: «Прими к исполнению то, что он говорит тебе, и не противоречь ему». Итак, муэzzин держался этого много дней, пока он допрашивал меня относительно денег и препирался со мной о них, а я приводил его в отчаяние относительно этого и оправдывался в этом деле. Когда же он потерял надежду относительно этого, он дал распоряжение муэzzину, чтобы он удваивал икаму, и он сделал это. А царь хотел использовать это как средство, чтобы вступить со мной в диспут.

Итак, когда я услышал, что он удваивает икаму, я запретил ему и закричал на него. Царь узнал об этом, велел прийти мне и велел прийти моим спутникам. Когда же мы собрались, он сказал переводчику: «Скажи ему, – т.е. мне: «Что ты скажешь о двух муэzzинах, из которых один провозгласил икаму 1 раз, а другой дважды, а потом каждый из них молился с народом, – допустима ли эта молитва или же нет?». Я сказал: «Молитва допустима». Тогда он сказал: «С разногласием ли муджтехидов по данному вопросу или с их общего согласия?». Я сказал: «С общего согласия». Он сказал: «Скажи ему: «Что ты скажешь о человеке, который вручил неким людям деньги, предназначенные для людей неимущих, осажденных, поработенных, а те обманули его?». Я сказал: «Это недопустимо, и те люди скверные». Он сказал: «С разногласием или с общего согласия?». Я сказал: «С общего согласия». Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: «Знаешь ли ты, – если бы халиф, – да продлит Аллах его пребывание в этом мире, – послал ко мне войско, то одолел ли бы он

меня?». Я сказал: «Нет». Он сказал: «А эмир Хорасана?». Я сказал: «Нет». Он сказал: «Это не вследствие ли отдаленности расстояния и многочисленности между нами племен неверных?». Я сказал: «Да».

Он сказал: «Скажи ему: «Итак, клянусь Аллахом, воистину, в моем отдаленном местопребывании, в котором ты меня видишь, подлинно я боюсь своего господина, повелителя правоверных. А именно я боюсь, что до него дойдет обо мне что-либо такое, что вызовет его отвращение, и он проклянет меня, и я погибну в моем местопребывании, в то время как он будет оставаться в своем государстве, и между мною и им будут простираться обширные страны. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежду, во всякое время видите его, вы обманули его в отношении размера той посылки, с которой он отправил вас ко мне, к людям неимущим, вы обманули мусульман, – я не приму от вас руководства в деле своей веры, пока не придет ко мне такой человек, который будет искренен в том, что он говорит. И если придет ко мне такого рода человек, то я приму от него руководство». Так он зажал нам рот, мы не дали никакого ответа и удалились от него».

Он сказал: После этого разговора он стал оказывать мне особое предпочтение, стал приближать меня к себе, удалять моих спутников и называть меня «Абу-Бекр Правдивый»...

Он сказал: Вошел я и бывший у царя портной из жителей Багдада, случайно попавший в эту область, в мою юрту, чтобы поговорить между собой. Итак, мы поговорили столько, сколько нужно, чтобы прочитать менее половины седьмой части Корана. При этом мы ожидали ночного азана. Но вот и азан. Итак, мы вышли из юрты, а заря уже появилась. Тогда я сказал муэzzину: «Какой азан ты провозгласил?». Он сказал: «Азан рассвета». Я сказал: «А ночной последний?». Он сказал: «Мы читаем его молитву вместе с азаном при заходе солнца». Я сказал: «А ночью?». Он сказал: «Как видишь! Она была еще более короткой, чем эта, но только теперь она уже прибавилась в длине». Он сообщил, что уже месяц, как не спит ночью, боясь, чтобы не упустить утреннюю молитву, и это потому, что если человек ставит котелок на огонь во время молитвы захода солнца, а потом читает утреннюю молитву, то для котелка не приходит время закипеть».

Он сказал: Я видел, что день у них очень длинный, а именно, в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом

ночь длинна, а день короток. И так, когда наступила вторая ночь, я сел вне юрты и наблюдал небо, и я увидел на нем только небольшое число звезд, думаю, что около 15 рассеянных звезд. И вот красная заря, которая бывает перед ночной молитвой, ни в коем случае не исчезает окончательно, и вот ночь с настолько малой темнотой, что в ней человек узнает человека на большем расстоянии, чем выстрел стрелы.

Он сказал: Я видел, что луна не достигает середины неба, но восходит на его краях на какой-нибудь час, – потом появляется заря, и луна скрывается.

Царь рассказал мне, что за его страной, на расстоянии 3 месяцев пути, есть народ, называемый вису. Ночь у них менее часа.

Он сказал: Я видел, что в этой стране во время восхода солнца все имеет красный цвет, как-то земля, горы и все, на что смотрит человек. И восходит солнце, по величине подобное облаку, и краснота остается такой, пока солнце не достигнет высшей точки на небе.

Жители этой страны мне сообщили, что, подлинно, «когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как летний день, а день делается таким коротким, как ночь, так что, право же, если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Атыл, – а между нами и им расстояние пути менее фарсаха, – во время появления утренней зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи, когда появляются все звезды настолько, что покрывают все небо».

И мы не покинули этой страны, пока ночи не удлинились, а дни не сократились.

Я видел, что они считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия.

Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, иной раз накрутится десяток их и более. Они не убивают их, и они им не вредят. Право же, как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого была более 100 локтей. Оно уже упало. И вот ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и вдруг оно задвигалось. Это меня устрасило. Я посмотрел на него внимательно, и вот на нем змея, близкая к нему по толщине и длине. Когда же она увидела меня, она спустилась с него и скрылась между деревьями. Я же пришел испуганный и рассказал об этом царю и тем, кто был у него на приеме. Они же не придали этому значения, а он сказал: «Не беспокойся, она не делает тебе вреда».

Однажды мы остановились вместе с царем на одной остановке. И вошел я, мои спутники – Текин, Сусан и Барыс – и бывший с нами человек из свиты царя в пространство между деревьями. И вот он показал нам маленький стебель, зеленый, по тонкости подобный веретену, при большой длине, и на нем он показал нам зеленые отростки. На конце каждого такого разветвления был широкий лист, распростертый на земле, причем на ней же разостлано нечто вроде плотно прилегающего к ней растения. Среди листьев находились ягоды. Кто их ест, не сомневается, что это гранат им-лиси. И так, мы поели их и убедились, что они доставляют большое удовольствие, так что мы не переставали их искать и есть.

Я видел у них яблоки, отличающиеся большой зеленью и еще большей кислотой, подобно винному уксусу, который едят девушки и соответственно этому их называют.

Я не видел в их стране чего-либо в большем количестве, чем деревьев орешника. Право же, я видел из него такие леса, что каждый лес имел 40 фарсахов в длину, при такой же ширине.

Я видел у них деревья, не знаю, что это такое: чрезвычайно длинные, ствол их лишен листьев, макушки подобны макушкам пальм, имеющим тонкие вай, но только эти вай сходящиеся. Они берутся за известное им место ствола этого дерева, пробуравливают его и подставляют под него сосуд, в который из этого отверстия течет жидкость, более приятная, чем мед. Если человек много ее выпьет, она пьянит его, как опьяняет вино и даже более.

Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень у них в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя. Если же он предложит отряду войска совершить набег на одну из стран, и он награбит, то царь имеет долю вместе с ними. Каждому, кто у себя устраивает свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать отчисление царю, в зависимости от размеров пиршества, – дать «сахрадж» медового набиза и некоторое количество скверной пшеницы. Т.к. земля их черная вонючая, а у них нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет гнилью и ею нельзя пользоваться.

У них совершенно нет ни оливкового масла, ни масла сезама,

ни животного жира, и, право же, они употребляют вместо этих жиров рыбий жир, и все, что они с ним употребляют, бывает вонюче от жира, и они сами из-за этого бывают вонючи от жира.

Они делают из ячменя похлебку, которую хлебают девушки и отроки. А иногда варят ячмень с мясом, причем господа едят мясо, и кормят девушек ячменем. Но если это мясо бывает голова козла, то девушки получают возможность поесть мяса.

Все они носят шапки. Когда царь едет верхом, он едет один, без отрока, и с ним нет никого. Итак, когда он проезжает по базару, никто не остается сидящим, – каждый снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы. И точно так же все, кто входит к царю, мал и велик, включительно до его сыновей и братьев, лишь только посмотрят на него, как тотчас снимают свои шапки и кладут их себе подмышку. Потом они кивают головами в сторону царя, приседают, потом остаются стоять, пока он не пригласит их сесть, причем каждый, кто сидит перед ним, право же, сидит, стоя на коленях, и не вынимает своей шапки и не показывает ее, пока не выйдет от него, надевая ее только в это время.

Все они живут в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, устланная армянскими коврами. У него в середине ее трон, покрытый византийской парчой.

Одно из их правил таково, что если у сына какого-либо человека родится ребенок, то его берет к себе его дед, прежде его отца, и говорит: «Я имею большее право, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается взрослым мужем».

И если умирает из их числа человек, то ему наследует его брат, прежде его сыновей. Итак, я наставил царя, что это не дозволено, и наставил его, каковы правильные законы наследования, пока он их не уразумел.

Я не видел нигде большего количества молний, чем в их стране. Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, какой он есть, и также все, что в нем находится, – человека и имущество и все прочее, – пока не уничтожит его время. И они говорят: «Это дом тех, на которых лежит гнев».

И если один человек из них убьет другого человека намеренно, они казнят его в возмездие за него. Если же он убьет его нечаянно, то делают для него ящик из дерева халанджа, кладут его

внутри этого ящика, заколачивают его над ним гвоздями и кладут вместе с ним 3 лепешки и кружку с водой. Они водружают для него 3 бревна, наподобие палок верблюжьего седла, подвешивают его между ними и говорят: «Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его действие дождя и солнца. Авось Аллах смилостивится над ним». И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры.

И если они увидят человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Этот более всего достоин служить нашему господа». Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дерево, пока он не распадется на куски...

Если они едут в дороге и один из них захочет помочиться и помочится, имея при себе оружие, то его оберут, – возьмут его оружие, его одежды и все, что с ним имеется. Это их правило. А кто сложит с себя оружие, положит его в сторону и тогда помочится, то они не препятствуют ему.

Мужчины и женщины спускаются к реке и моются вместе голые, не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никаким способом. А кто из них совершит прелюбодеяние, кто бы он ни был, то заколотят для него 4 сошника, привяжут к ним обе его руки и обе ноги и рассекут его топором от затылка до обоих его бедер. И таким же образом они поступают и с женщиной. Потом каждый кусок его и ее вешается на дерево. Я не переставал прилагать старания, чтобы женщины закрывались от мужчин при купании, но это мне не удалось.

И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея.

В их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают, и отправляются к ним для сбора этого меда. Иногда же на них нападают люди из числа врагов и убивают их.

У них много купцов, которые отправляются в землю тюрок и привозят овец, и в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц.

Мы видели у них домочадцев одной семьи в количестве 5000 душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам. Все они известны под названием Баранджар. Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся. Они не умеют читать молитв, так что я научил одну группу из них тому, какими словами молятся.

Право же, раз под моим руководством принял ислам человек по имени Талут, и я назвал его Абдаллахом. Он же сказал: «Я хочу,

чтобы ты назвал меня твоим собственным именем Мухаммед». Я это сделал. И приняли ислам его жена, его мать и его дети, и всех их стали называть Мухаммедом. Я научил его сурам «Хвала Аллаху» и «Скажи: он Аллах един». И радость его от знания этих двух сур была большей, чем его радость в случае, если бы он сделался царем «славян».

Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся у воды, называемой Хеллече, а это 3 озера, из которых 2 больших и 1 маленькое. Однако из всех их нет ни одного, в котором дно было бы достижимо. Между этим местом и их огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой Атыл, расстояние около фарсаха. На этой реке находится место рынка, который бывает бойким во всякий благоприятный момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи...

Он сказал: И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Джавшыр и оставался около нее 2 месяца. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка племен, и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. Они же отказали ему. И они разделились на две партии. Одна партия – с разным отребьем, и над ними еще раньше провозгласил себя самозванным царем некто по имени Вырыг. И послал к ним царь булгар и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб Аллаха, и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом». – Другая же партия была вместе с царем из кочевого племени, которого называли царем племени эскел. Он был у него в повиновении, хотя официально еще не принял ислама. – Когда же царь послал им это послание, то они испугались его намерения, и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр.

Эта река небольшой ширины, – ширина ее 5 локтей. Вода ее доходит до пупа, а местами до ключицы, а наибольшая ее глубина в рост человека. Вокруг нее деревья, причем многие из этих деревьев – хаданги и другие. Недалеко от нее обширная дикая местность, о которой рассказывают, что в ней есть животное, по величине меньшее, чем верблюд, но больше быка. Голова его – голова верблюда, а хвост его – хвост быка, тело его – тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы 1 толстый круглый рог. По мере того, как он возвышается, он становится все тоньше, пока не

сделается подобным наконечнику копья. Из рогов некоторые имеют в длину от 5 локтей до 3 локтей, больше или меньше этого. Оно питается листьями деревьев халандж, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он спасается от него с трудом, а если оно догонит всадника, то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздух и вновь подхватывает его своим рогом и не перестает делать таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никоим способом. И они преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это делается так, что они влезают на высокие деревья, между которыми животное находится. Для этого собираются несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют.

Право же, я видел у царя 3 больших миски, похожих на йеменский оникс, о которых он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного.

Некоторые из жителей этой страны утверждают, что это носорог.

Я не видел среди них ни одного человека, который был бы румяным, но большинство из них больны. В этой стране они в большинстве случаев умирают от колик, так что они, право же, бывают даже у их грудных детей.

И если умрет мусульманин у них, и вот имеется женщина из хорезмийцев, то его обмывают омовением мусульман. Потом везут его на повозке, которая тащит его, а перед ним идут со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором его похоронят. Когда же он придёт туда, они возьмут его с повозки и положат его на землю. Потом очертят вокруг него линию и откладут его в сторону. Потом они выкопают внутри этой линии его могилу, сделают для него боковую пещеру и погребут его.

Подобно этому и жители этой страны поступают со своими мертвыми. Женщины не плачут над мертвыми, но над ними плачут их мужчины, которые приходят в день, в который он умер, останавливаются у дверей его юрты и кричат самым гнусным плачем и самым диким, каким только можно плакать. Это – люди свободные. Когда же свершится их плач, являются рабы, неся с собой сплетенные кожи, и непрерывно плачут и бьют свои бока и выступающие части своих тел этими ремнями, пока на их теле не образуются сле-

ды вроде ударов бича. И местные жители обязательно водружают у двери его юрты знамя. Они приносят его оружие и кладут его вокруг его могилы и не прерывают плача в течение двух лет. Когда же свершается 2 года, они снимут знамя и возьмут часть своих волос... Родственники умершего созовут званый пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж. Это если он был из числа главарей. Что же касается простого народа, то они делают со своими умершими только кое-что из этого обряда.

На царе «славян» лежит дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве – шкуру соболя. Если прибудет корабль из страны хазар в страну «славян», то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем имеется, и возьмет из всего этого десятую часть. А если прибудут русы или какие-нибудь другие люди из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову.

Сын царя «славян» является его заложником у царя хазар. До царя хазар дошла весть о красоте дочери царя «славян», так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда он отправил экспедицию и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, находясь у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это известие дошло до царя «славян», он упредил это и выдал ее замуж за царя племени эскел, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой. И, право же, царя «славян» побудила написать государю и попросить его, чтобы он построил для него крепость, боязнь царя хазар.

Он сказал: Однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно, денежные средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которым нет числа?». Он же сказал: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их денежные средства берутся из дозволенных религиозным законом источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом»...

Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право

же, он не показывается иначе, как раз в каждые 4 месяца, появляясь в почетном отдалении. Его называют «большой хакан», а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется перед народом, совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой его стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшыгыр. Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать преступников и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху.

Другой обычай относительно наибольшего царя тот, что, если он умрет, то строится для него большой двор, в котором имеются 20 домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под этим двором имеется река, и эта река большая, быстро текущая, и они помещают эту реку над этой могилой, и говорят: «Чтобы не добрался до нее ни шейтан, ни человек, ни черви, ни насекомые». Когда он похоронен, то рубят шею тем, кто его хоронил, чтобы не было известно, в каком из домов находится его могила. Могила его называется рай, и говорят: «Он вошел в рай».

И все эти дома выстланы парчой, сотканной из золота.

Еще обычай царя хазар тот, что у него 25 жен, причем каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет себе волей или неволей. У него 60 девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц находится в отдельном дворце, у нее есть помещение в виде купола, покрытое тиком, и вокруг каждого «купола» есть утоптанное пространство. И у каждой из них есть евнух, который ее стережет. Итак, если хакан захочет использовать одну из них как наложницу, он посылает за евнухом, который

ее стережет, и тот является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить ее в его постель, причем евнух останавливается у дверей «купола» царя. Когда же царь использовал ее как наложницу, евнух берет ее за руку и удаляется и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение.

Когда этот большой царь выезжает верхом, то едут также все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа милая расстояния, и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него.

Продолжительность правления их царя – 40 лет. Если он переживет их хотя бы на 1 день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: «У этого ум уже уменьшился и его суждение стало путаным, неясным».

Если он пошлет в поход отряд войска, то он не обращается вспять никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к царю возвратится. А что касается предводителей и его заместителя, то, если они обратятся в бегство, приведут их самих и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят на это, и точно так же дарят их лошадей, и их домашние вещи, и их оружие, и их усадьбы, а иногда царь разрежет каждого из них на 2 куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами.

У царя хазар есть огромный город на реке Атыл. Он состоит из двух сторон, – в одной из этих двух сторон живут мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные. Над мусульманами начальствует муж из числа приближенных отроков царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и временно приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней есть высокий минарет и несколько муэззинов.

И вот, когда в 310 [922] году до царя хазар дошла весть, что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в Усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет был разрушен, казнил муэззинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не оста-

нется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».

Хазары и их царь – все иудеи, а «славяне» и все, кто соседит с ними, находятся у него в покорности, и он обращается к ним, как к находящимся в рабстве, и они повинуются ему с покорностью».

АРАБСКИЙ УЧЕНЫЙ АБУ ХАСАН АЛ-МАСУДИ (896-956) О ХАЗАРАХ И БУРТАСАХ, ВОЛЖСКИХ И ДУНАЙСКИХ БОЛГАРАХ, РУСАХ И СЛАВЯНАХ

Гаркави А.Я. Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». – СПб., 1871; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. – М., 1963.

«...Глава XVII

Сообщение о горе Кабх со сведениями о различных народах, таких как аланы, хазары, различные тюрки и бургары, и сведения о воротах ал-Баб вал-Абвоб и о царях и народах, окружающих их.

Масуди говорит: гора Кабх – великая гора, занимающая огромную площадь. Она вмещает много царств и народов. На ней живут 72 народа, каждый из которых имеет своего царя и язык, отличный от других. Эта гора имеет много отрогов и долин. Город ал-Баб вал-Абвоб стоит на одном из отрогов, и построил его Кисра Ануширван между горой и Хазарским морем.

Он воздвиг ту известную стену из самого моря, в которое она вдается на одну милю; затем она тянется вдоль горы Кабх, по ее вершинам, ущельям и долинам на расстояние 40 фарсахов, прежде чем достигнет крепости, называемой Табаристан. Через каждые 3 мили, или больше или меньше, в зависимости от дороги, для которой служили ворота, Ануширван построил железные ворота. С внутренней стороны у каждых ворот он поселил отдельные племена, чтобы охранять ворота и примыкающую часть стены; все это для отражения опасности со стороны народов, живущих по соседству с этой горой, а именно от хазар, аланов, различных тюрков, сарирцев и других неверных. Протяженность горы Кабх вверх, в длину и ширину – 2 месяца пути и даже больше. Вокруг нее живут народы, сосчитать которых может только Создатель...

Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак, народ

которого входит в состав земель хазарских царей. Столицей последних был Самандар, город, лежащий на расстоянии 8 дней пути от ал-Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но т.к. в ранние дни ислама он был завоеван Сулейманом б. Раба ал-Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил на расстояние 7 дней от Самандара. Атил, там где теперь живет хазарский царь, состоит из 3-х частей, на которые его делит великая река, которая вытекает из верхних частей тюркских земель. От нее [около?] страны Бургаз/Бургар отделяется рукав, который впадает в Майтас. Названная столица расположена по обоим берегам реки. В середине реки лежит остров, где находится резиденция правительства. Замок царя расположен на одной стороне острова, который мостом из лодок соединяется с одним из берегов. Жители столицы – мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода. Царь принял иудейство во время правления халифа Харуна ар-Рашида. Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т.е. в 332 [943/944] году, и носящий имя Арманус, обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар...¹

Что касается язычников в хазарском государстве, то среди разрядов их находятся сакалиба и русы, которые живут на одной стороне этого города. Они сжигают своих мертвецов вместе с их животными, утварью и украшениями. Когда умирает мужчина, его

¹Ад-Димашки в начале XIV в. со ссылкой на Ибн ал-Асира раскрывает эту тему чуть подробнее, отмечая также более раннюю исламизацию хазар (пер. Б.Н.Заходер): «...правитель Константинополя во дни Харуна ар-Рашида изгнал иудеев из своего государства, а те направились в страну хазар, где нашли умных и благочестивых людей, объявили им свою веру, а те признали ее наиболее правильной, присоединились к ней, оставались в этой вере некоторое время. Затем воевало с ними войско из Хорасана, захватило города их, страну их, и хазары стали их подданными. Рассказывает Ибн ал-Асир также, что они приняли ислам в 254 [868] году; он указывает, что причиной принятия ими ислама послужило военное нападение тюрков. Вот хазары попросили помощи от людей Хорезма, а те ответили: «Вы – неверные, примите ислам, и мы поможем вам». Те приняли ислам, за исключением царя их, и помогли им хорезмийцы, и отступили от них тюрки. После этого принял ислам и царь их...». Точка зрения о начале распространения среди хазар-тенгрианцев исламской религии с 737 г. (первым об этом в IX в. писал Ахмад ал-Балазури [Liber expugnacionis regionum, auctore Imamo ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866]) никем из современных серьезных исследователей не оспаривается.

жену живо сжигают вместе с ним, но если умирает женщина, то мужа не сжигают. Если кто-нибудь умирает холостым, его женят посмертно, и женщины горячо желают быть сожженными, чтобы с душами мужей войти в рай...

Большинство в этом городе [или стране] составляют мусульмане, т.к. из них состоит царское войско. Они известны в городе как ал-ларисийа, и они являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю. Они доблестны и храбры и служат главной опорой царя в его войнах. Они остались в его владениях на определенных условиях, одним из которых было то, что они будут открыто исповедовать свою веру, иметь мечети и призыв к молитве; также, что должность царского вазира будет сохраняться за ними, как и в настоящее время вазиром является один из них, Ахмад б. Куйа; также, что, когда у царя будет война с мусульманами, они будут стоять в его войске отдельно и не будут сражаться, но что они будут сражаться вместе с царем против других врагов – неверных. В настоящее время около 7000 из них садятся на коня вместе с царем, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики, вооруженные, как обычно у мусульман. У них есть и мусульманские судьи.

В хазарской столице по правилу 7 судей; 2 из них для мусульман; 2 – для хазар, которые судят в соответствии с Торой; 2 – для христиан, которые судят в соответствии с Евангелием, и 1 для саклабов, русов и других язычников, которые судят согласно языческому обычаю, т.е. по велениям разума. А когда представится случай большой важности, для которого у них нет знания, они собираются у мусульманских кади, судятся перед ними и следуют тому, что надлежит по шариату. Среди восточных царей этих стран только хазарский царь имеет войска, получающие жалованье. Всякий мусульманин в тех краях называется по имени этих лариси.

Русы и саклабы, которые, как мы уже говорили, язычники, также служат в войске царя и являются его слугами. В его стране, помимо ларисийа, находится много мусульманских купцов и ремесленников, которые наехали в страну хазарского царя ввиду справедливости и безопасности, господствующих там. У них есть соборная мечеть с минаретом, который возвышается над царским замком, а также и другие мечети со школами, в которых дети обу-

чаются Корану. Если бы мусульмане и христиане вошли в соглашение, царь не имел бы средств противостоять им.

Масуди говорит: в том, что мы сообщили, мы собственно имели в виду не царя хазар, а хакана. В действительности в хазарском государстве имеется хакан и существует правило, чтобы он находился в руках другого царя и в его дворце. Хакан пребывает внутри замка и не может ни выезжать, ни появляться перед придворными и народом, ни покидать свое жилище, где вместе с ним живет его семья. От него не исходят ни приказы, ни запрещения, и он не принимает решений в государственных делах. Однако царь не управлял бы Хазарским царством должным образом, если бы хакан не был при нем в столице и бок о бок с ним в замке.

Когда Хазарское царство постигнет голод или другое какое-нибудь бедствие, или когда против него обернется война с другим народом, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знатные люди и простой народ идут толпой к царю и говорят: «Мы рассмотрели приметы этого хакана и дней его, и мы считаем их зловещими. Так убей же его или передай нам, чтобы мы его убили». Иногда он выдает им хакана, и они убивают его; иногда он убивает его сам; а иногда он жалеет и защищает его, в том случае если он не совершал никакого преступления, за которое он заслуживал бы наказания, и не был повинен ни в каком грехе. Я не знаю, древен ли такой порядок или нов, но раз должность этого хакана принадлежит членам некоей определенной семьи из их знати, я полагаю, что власть находилась у этой семьи издавна, но один Господь бог всеведущ.

Хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города вверх по реке, которая течет в их реку из верхних мест и которая называется Буртас; вдоль нее живут оседлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского царства. Их поселения тянутся непрерывно между Хазарским царством и бургарами. Эта река течет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар.

Буртас – тюркское племя, живет, как ранее упоминалось, на реке, названной по его имени. Из их страны идут шкурки черных и рыжих лисиц, называемые *буртаси*. Одна черная шкурка достигает цены в 100 динаров или даже больше; рыжие дешевле в цене. Арабские и персидские цари гордились черными мехами, которые они ценили дороже, чем мех соболей и других подобных зверей.

Цари имели шапки, кафтаны и шубы, сшитые из них, и немислимо было, чтобы царь не имел кафтана или шубы, подбитых этими черными лисицами буртаси.

В верхней части хазарской реки есть приток, вливающийся в залив моря Нитас – море русов, по которому не плавают другие племена, и русы обосновались на одном из его берегов.

Русы – громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Среди них есть купцы, которые постоянно ездят к царю бургар. Русы имеют в своей земле серебряные копи, вроде тех, что находятся в горах Панджхир в Хорасане.

Город *Бургар* стоит на берегу Майтаса, и я полагаю, что этот народ живет в Седьмом климате. Они род тюрков, и караваны постоянно ходят от них в Хорезм, что в хорасанской земле, и из Хорезма к ним; но дорога пересекает кочевья других тюрков, и караваны должны охраняться от них. В настоящее время, когда идет 332 год, бургарский царь мусульманин; он принял ислам в дни Муктадира-Биллаха после 310 [922] года, когда он во сне увидел видение. Его сын уже раньше совершил паломничество, достиг Багдада и привез с собой для Муктадира знамя, савад и деньги. У бургар есть соборная мечеть. Этот царь совершает походы на Константинополь с войском в 50 000 конников и более и рассылает свои грабительские отряды вокруг Константинополя в страны Рима и Андалусии, к бургундцам, галисийцам и франкам. От него до Константинополя около 2 месяцев безостановочного пути через обитаемые земли и степи...

В стране бургар в течение части года ночи чрезвычайно коротки. Некоторые из них говорят, что человек не успеет сварить горшок мяса, как настает утро...

Русы состоят из многочисленных племен разного рода. Среди них находятся урманы, которые наиболее многочисленны и с торговыми целями постоянно посещают страны Андалус, Рим, Константинополь и страну хазар. Несколько времени после 300 [912] года около 500 судов их прибыли в пролив Нитаса, соединенный с Хазарским морем. Здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. Их задача оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря до Нитас. Это нужно потому, что тюркские кочевники-гузы приходили зимовать в этих местах. Иногда рукав, который соединяет реку хазар с проливом Понта, за-

мерзает, и гузы с их конями переправляются через него. Это большая вода, но она не расступается под ними потому, что зимой она крепнет, как камень. Так гузы проходили на хазарскую территорию, и нередко, когда люди хазарского царя, поставленные здесь для отражения гузов, не могли удержать их, выступал сам царь, чтобы воспрепятствовать их прохождению по льду и отогнать их от своего царства; но летом для тюрков нет пути для переправы. Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем, прося разрешения пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку и таким образом достичь Хазарского моря, каковое... есть море Джурджана, Табаристана и других аджамских областей, с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это беззаконие, и они вошли в пролив, достигли устья реки и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки, по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море, а оттуда поплыли в город Амоль в Табаристане. Названная река велика и несет много воды. Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтеносную область и на земли, лежащие по направлению к Азербайджану. Надо знать, что расстояние от округа Ардебиль в Азербайджане до этого моря составляет 3 дня пути. Русы проливали кровь, делали что хотели с женщинами и детьми и захватывали имущество. Они рассылали отряды, которые грабили и жгли. Народы, живущие на побережьях этого моря, пришли в смятение, т.к. в прежние времена не видали, чтобы враг наступал на них с моря и по нему ходили лишь суда купцов и рыбаков. Русы сразились с гилянцами, дейлемцами и с одним из военачальников Ибн Аби ас-Саджа, а затем перешли на нефтеносный берег царства Ширван, известный как Бакух. По возвращении с побережья русы укрылись на островах, которые находятся лишь в нескольких милях от нефтеносной области.

Царем Ширвана в те дни был Али б. Хайсам. Сделав приготовления, жители на своих лодках и торговых судах поплыли к этим островам, но русы направились к ним, и тысячи мусульман были убиты и потоплены. Русы пробыли на этом море много месяцев, и, как мы описывали, у народов не было пути к ним иначе, как пересекши море. В отношении их люди держались в готовности и на-

стороже, ибо это море обильно племенами, живущими вокруг него. Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними. Хазарский царь не имел морских судов, и его люди не умели обращаться с ними; не будь этого, мусульманам от него было бы больше бед. Ларисийцы и другие мусульмане царства узнали о том, что натворили русы, и сказали царю: «Предоставь нам расправиться с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев, пролили их кровь и полонили женщин и детей». Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними. Мусульмане собрали войско и спустились вниз по реке, ища встречи с ними. Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда. Мусульман было 15 000 на конях и в полном снаряжении; с ними были и некоторые из христиан, живущих в городе Атиль. Битва между ними длилась 3 дня, и Аллах даровал победу мусульманам. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслось из них около 5000, которые на своих судах пошли к той стороне, которая ведет к стране Буртас. Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые также поубивали их. Насколько можно было подсчитать, число тех, кого мусульмане убили на берегу Хазарской реки, было около 30 000, и с того времени русы не возобновляли того, что мы описали...

Глава XXXIV

Описание Славян, их обиталищ, рассказы об их царях и о расселении их племен.

Сказал Масуди: Славяне суть из потомков Мадая, сына Яфета, сына Нуха; к нему относятся все племена Славян и к нему примыкают в своих родословиях. Это мнение многих людей сведущих, занимающихся этим предметом. Обиталища их на севере, откуда простираются на запад. Они составляют различные племена, между коими бывают войны, и они имеют царей. Некоторые из них исповедуют христианскую веру по Якобитскому толку, некоторые же не имеют писания, не повинуются законам; они язычники и ничего не знают о законах. Из этих племен одно имело прежде в древности власть над ними, его царя звали Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все

прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него и прочие цари ему повиновались. Затем следует славянское племя Астабрана, которого царь в настоящее время называется Саклаих; еще племя, называемое Дулаба, царь же их называется Вандж-Слава. Затем племя, называемое Бамджин, а царь называется Азана; это племя самое храброе между Славянами и самое искусное в наездничестве. Еще племя, называемое Манабан, а царь называется Занбир. Затем племя, называемое Сарбин; это славянское племя грозно своим противникам по причинам, упоминания коих было бы длинно, по качествам, изложение которых было бы пространно, и по отсутствию у них закона, которому они бы повиновались. Затем идет племя, именуемое Маравя; затем племя, называемое Харва-тин; затем племя, называемое Сасин, и племя по имени Хашанин; затем племя, по имени Баранджабин. Названные нами имена некоторых царей этих племен суть имена, известные для их царей. Упомянутое нами племя под именем Сарбин сжигают себя на огне, когда умирает у них царь или глава; они сжигают также его вьючный скот. У них есть обычаи, подобные обычаям Гинда; мы уже об этом отчасти упомянули выше в этом сочинении, при описании горы Кабха и страны хазарской, когда мы говорили, что в хазарской стране находятся Славяне и Русы и что они сжигают себя на кострах. Это славянское племя и другие примыкают к востоку и простираются на запад. 1-й из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских царей живет царь Аванджа, имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов; он воюет с Румом, Ифранджем, Нукабардом и с другими народами, но войны эти нерешительны. Затем с этим славянским царем граничит царь Турка. Это племя красивейшее из Славян лицом, большее них числом и храбреешее из них силой. Славяне составляют многие племена и многочисленные роды; эта книга наша не входит в описание их племен и распределение родов. Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались в прежнее время, остальные цари их, т.е. Маджак, царь Валинаны, которое племя есть одно из коренных племен славянских, оно почитается между их племенами и имело превосходство между ними. Впоследствии же, пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя, как

мы уже говорили об их царях, по причинам, описание коих слишком длинно».

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН VII БАГРЯНОРОДНЫЙ (905-959) О «СЕВЕРНЫХ СКИФАХ» – ПЕЧЕНЕГАХ, РУСАХ, ВЕНГРАХ, БУЛГАРАХ И ХАЗАРАХ

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. Г.Г.Литавина / В серии «Древнейшие источники по истории народов СССР». – М., 1989.

«Глава 1

О пачинакитах: насколько полезны они, находясь в мире с василевсом ромеев

Итак, послушай, сын, то, что, как мне кажется, ты обязан знать; обрети разумение, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного печься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем...

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т.е. заложников, и апокрисиария, которые придут в богохранимый этот град вместе с исполнителем сего дела и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты.

Глава 2

О пачинакитах и росах

Знай, что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

Знай, что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут

легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, т.к. пачинакиты имеют возможность – в то время, когда росы удалятся от своих семей, – напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

Знай, что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко – не могут же росы двум трудам противостоять – побеждают и устраивают резню.

Глава 3

О пачинакитах и турках [венграх]

Знай, что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими и предан почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними.

Глава 4

О пачинакитах, росах и турках

Знай, что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю.

Глава 5

О пачинакитах и булгарах

Знай, что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами, поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинакиты и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступить против Булгарии

и благодаря своему подавляющему большинству и силе одолевать тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с печенегами. Т.к. булгары многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами.

Глава 6

О пачинакитах и херсонитах

Знай, что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии, прандии, харерии, пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы.

Глава 7

О василиках, посылаемых из Херсона в Пачинакию

Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать вестника в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников. Когда они придут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное. Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков; заложники домогаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники – одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей. Мало того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей.

Глава 8

О василиках, посылаемых из богохранимого града в Пачинакию с хеландиями по рекам Дунай, Днепр и Днестр

Знай, что и в стороне Булгарии расположился народ пачинакитов по направлению к области Днепра, Днестра и других там

имеющихся рек. Когда послан отсюда василик с хеландиями, то он может, не отправляясь в Херсон, кратчайшим путем и быстрее найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И, когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим «заканам», он вручает им царские дары и принимает «друзей» из их числа, сколько хочет, а затем возвращается. Так-то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса явится потребность в них, они бы исполнили службу будь то против росов либо против болгар, либо же против турок, ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них, стали ныне им страшными. Ясно это также из следующего. Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам по повелению василевса и сказал им: «Василевс заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, т.к. прежде там располагались, – дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и вскорости находил вас», – то все архонты турок воскликнули в один голос: «Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, т.к. не можем воевать с ними, – страна их велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам».

Знай, что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето...

Глава 9

О росах...

...Знай, что узы могут воевать с пачинакитами.

Глава 10

О Хазарии, как нужно и чьими силами воевать с нею

Знай, что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому, как и эксусиократор Алании. Знай, что 9 Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии.

Глава 11

О крепости Херсон и крепости Боспор

Знай, что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, т.к. хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир.

Глава 12

О Черной Булгарии и о Хазарии

Знай, что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами.

Глава 13

О народах, соседствующих с турками

Знай, что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них – Франгия, с северной – пачинакиты, а с южной – ... [пропуск в тексте] Великая Моравия...

Знай, что пачинакиты могут также нападать на турок, сильно разорять их и вредить им, как уже было сказано выше в главе о пачинакитах...

Глава 37

О народе пачинакитов

Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако 50 лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружили на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение 55 лет.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на 8 фем, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой

фемы Иртим, второй – Цур, третьей – Гила, четвертой – Кулпеи, пятой – Харавои, шестой – Талмат, седьмой – Хопон, восьмой – Цопон. Во времена же, в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Ваицу, в Цуре – Куела, в Гиле – Куркутэ, в Кулпеи – Ипаоса, в Харавои – Каидума, в феме Талмат – Косту, в Хопоне – Гиаци, а в феме Цопон – Батана. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердились законы и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом. 8 фем разделяются на 40 частей, и они имеют архонтов более низкого разряда.

Должно знать, что 4 рода пачинакитов, а именно: фема Куарцицур, фема Сирукалпеи, фема Вороталмат и фема Вулацопон, - расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же 4 рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лэнзанинами и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на 5 дней пути, от Алании – на 6 дней, от Мордии – на 10 дней, от Росии – на 1 день, от Турции – на 4 дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе.

Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников.

Должно знать, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, т.к. ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты, третья крепость Кракнакаты, четвертая крепость Салмакаты, пятая крепость Сакакаты, шестая крепость Гиэукаты. Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение.

Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар.

Глава 38

О родословной народа турок и о том, откуда они происходят

Знай, что народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия – по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведии, течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус. В те времена они не назывались турками, а именовались по неведомой причине савартами-асфалами. Турок было 7 племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение 3 лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделено на 2 части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии,

– они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов. Через недолгое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, требующее, чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: «Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему». Отвечая хагану, тот произнес: «Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но поскольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться. Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц, либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову вашему». Итак, довольный такой речью, упомянутый хаган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю-«закану» хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода. Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания.

Знай, что местность пачинакитов, в которой в те времена жили турки, именуется по названиям тамошних рек. А реки эти таковы: первая река под названием Варух, вторая река, именуемая Куву, третья река по имени Трулл, четвертая река, называемая Брут, пятая река, именуемая Серет.

Глава 39

О народе каваров

Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их все-таки одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой язык – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из 8-ми родов и т.к. предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них 1 (а именно на 3 рода каваров), существующий и по сей день».

ЕВРЕЙСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ИБРАГИМ БЕН ЯКУБ (912-966) О ДУНАЙСКИХ БОЛГАРАХ И СЛАВЯНАХ

Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. – СПб., 1878. – Т.1; Мишин Д.Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. – М., 2002; URL: http://idrisi.narod.ru/ibrag_sch.htm

«Говорит иудей Ибрахим ибн Йакуб: земли славян простираются от Сирийского моря до Океана на севере. Народы из внутренних областей овладели, однако, их частью и живут до сегодняшнего дня между ними. Они образуют много различных племен. В былые времена они были объединены королем, которого они называли Маха. Он был из племени, которое называется Велинбаба, а к этому племени относятся у них с уважением. Затем среди них начался раздор, их объединение распалось; их племена образовали партии, и в каждом племени к власти пришел свой король. В настоящее время у них имеется 4 короля – король болгар; Буислав, король из Праги, Богемии и Кракова; Мешекко, король севера; и Накун на крайнем западе...

Вот каким образом строят славяне большинство своих замков. Они идут к лугам, богатым водой и густым кустарником, размечают там круглое или четырехугольное место, соответствующее проектируемой форме и размеру замка, копают вокруг землю и насыпают выкопанную землю в виде вала, причем ее укрепляют досками и

столбами наподобие бастионов. И так делается до тех пор, пока стена не достигнет планируемой высоты. Также определяют место, на котором хотят иметь ворота замка. Входят внутрь и выходят наружу по деревянному мосту...

Что касается короля болгар, то Ибрагим ибн Йакуб говорит: я не был в его стране, но я видел его посланников в городе Мазинбург, в то время, когда они прибыли к королю Хуто. Они носят тесную одежду и опоясываются длинными поясами, на которых висят золотые и серебряные шары. Их король обладает большой властью, носит корону на голове, имеет секретарей, реестры и управляющих округов, приказывает и запрещает на основании государственных учреждений и институтов, как этого требует долг королей и знати. Они обладают знаниями языков и переводят евангелие на славянский язык, т.к. они – христиане. Ибрагим ибн Йакуб говорит: христианство принял король болгар только на земле страны Рум, когда он осаждал город Константинополь до тех пор, пока король румийцев не вышел с дружбой к нему и не умилостивил его обильными дарами. И ко всему, чем он его старался удовлетворить, относилось то, что он выдал за него свою дочь, а она уговорила мужа креститься. Ал-Бекри говорит: итак, сообщение Ибрагима утверждает, что переход в христианство короля болгар состоялся после 300 года хиджры; но другие говорят, что те из них, кто приняли христианство, сделали это во времена короля Василиоса. Они остаются христианами до сегодняшнего дня.

Ибрагим продолжает: Константинополь лежит к югу от болгар, далее на востоке и севере их соседями являются печенеги, и на западе от Константинополя находится озеро Бенадшиа. Это залив, который выходит из Сирийского моря между Большой страной и Константинополем, так что он тянется вдоль Большой страны, побережья Рума и побережья Албркрийи и кончается у Анфурланы. Все эти области образуют 1 полуостров, который окружают Сирийское море с юга и залив Бенадшиа с восточной и северной стороны. Остается доступным проход по суше на западе. Славяне населяют оба берега этого залива, начиная от его выхода на западе в Сирийское море. Однако на востоке от них живут болгары, а на западе – другие славяне. Те, которые живут на запад от залива, являются самыми смелыми. Жители той местности зовут их на помощь и остерегаются их нападения. Их страны представляют собой высокие, труднопроходимые горы.

В общем, славяне смелы и воинственны и, если бы они не раскололись на множество разобщенных групп и подразделений, то никакой народ на земле не устоял бы перед их натиском. Они населяют те страны, которые наиболее плодородны и наиболее обильны в средствах пропитания. Они занимаются с большим усердием земледелием и приобретением пропитания и превосходят в этом все народы севера. Их товары идут по земле и морю в Русь и Константинополь. Большинство племен севера говорят по-славянски, т.к. они смешались со славянами, как племена Ултршкин, Анклийин, печенеги, Рус и хазары...

Ал-Масуди говорит: славяне делятся на множество племен. К их племенам принадлежат ас-Сраба; Дулаба; Намджин – это племя у них самое храброе и воинственное; племя, именуемое Сербамми, его у них боятся; племя, именуемое Мизаза; Хайрасан; Сасин и Хшабин. Из этих племен некоторые обратились в христианскую религию, а именно в якобитскую секту. Однако некоторые не имеют книги откровений, не следуют никаким религиозным законом и являются язычниками...

Их короли путешествуют в больших, катящихся и высоких повозках на 4 колесах и 4 прочных жердях, прямоугольных, на которые подвешивают на крепких цепях паланкин, покрытый парчой, так что сидящие внутри не испытывают сотрясения повозки. Такие повозки они подготавливают также для больных и раненых.

Славяне ведут войны с Румом, франками, лангобардами и другими народами, и военное счастье чередуется между ними».

ПИСЬМО ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ (≈932-961) ИОСИФА БЕН ААРОНА В КОРДОВСКИЙ ХАЛИФАТ ХАСДАЮ БЕН ШАФРУТУ

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932; Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка [Текст] // Мир Гумилева. Вып. 6. Открытие Хазарии. – М., 1996.

[Пространная редакция письма]

«Письмо царя Иосифа, сына Аарона, царя Тогармского, – да хранит его Господь, творец его, – к Хасдаю, главе ученого собрания, сыну Исаака, сына Эзры.

Много счастья от царя Иосифа, сына Аарона, могучего царя,

которого не обращают в бегство никакие войска и не заставляют отступать назад вид никаких полчищ, боящегося Господа, трепещущего перед его словами, мудрого и почитающего мудрых, смиренного и приближающего к себе униженных, избравшего себе слова Закона, старающегося всем своим сердцем и всеми силами заслужить благоволение своего творца, к своему возлюбленному, дорогому р. Хасдаю, сыну Исаака, сына Эзры, вожделенному для него и почитаемому им, – да хранит его и спасает Бог, увенчанного мудростью.

Я извещаю тебя, что пришло к нам письмо твое, увенчанное красотой твоей речи, через одного иудея из страны Н-м-ц, по имени Исаак, сына Элизера. И мы обрадовались о тебе и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. И было написано в нем о местонахождении твоей страны и об отдаленности от этого места равенства дня и ночи; о происхождении Абд-Рахмана, царствующего над нею, о почете и великолепии царства его и величии его, и о помощи, оказанной ему Богом в отношении подчинения областей востока, как они были ранее под властью его предков; о тех затруднениях, благодаря которым твое письмо поздно пришло к нам, вследствие отдаленности всех народов отсюда и прекращения прихода купцов, и как ты сомневался в этом, пока о могуществе вашего государства не стало слышно во всех концах земли и не стали все цари земли воздавать почет вашему царю; как тогда стали приходить в вашу страну посланцы царя Кустандины с дарами от ее царя и как они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, известия о чем вы считали раньше лживыми и чему вы не верили. Ты просил затем сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как они приняли религию Израиля, которой Бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты просил еще сообщить тебе о размерах нашей страны и о народах, живущих кругом нас, как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашим посланцам приходить в вашу страну, чтобы воздать почет вашему уважаемому и всем приятному царю, – да сохранит его творец его! – который своим хорошим поведением заставил все сердца полюбить его и прямою своих поступков привязал их к себе; ты просил сообщить это ввиду того, что израильтяне были довольны этим, и оно стало украшением для их сердца и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед

теми народами, которые говорили, что у Израиля нет остатка и нет нигде места, где бы у него была власть и государство.

Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету, в ответ на твое письмо, будучи в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты говоришь о своей стране и происхождении того, кто над нею царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма и счастливые пожелания. Это сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны. И мы постоянно слышим о вашей стране и величии ее царя, – да сохранит его творец его, и да возвратит ему Бог царство его предков (бывшего у него) в стране восточной, как ты говоришь! Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь меня в своем письме: «Из какого народа, какого рода и племени ты?» Я сообщаю тебе, что я происхожу от сынов Иафета, из потомства Тогармы. Так я нашел в родословных книгах моих предков, что у Тогармы было 10 сыновей; вот их имена: первенец – Авийор; второй – Турис, третий – Аваз, четвертый – Угуз, пятый – Биз-л, шестой – Т-р-на, седьмой – Хазар, восьмой – Яну, девятый – Б-л-г-р, десятый – Савир. Я происхожу от сыновей Хазара, седьмого из сыновей. У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, Всесвятой, – благословен Он, – дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью Божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тры. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тры были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна. До настоящего дня они расположены на реке Дуна и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня. После того ушли поколения, пока не явился один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и боящийся Бога, раб Господа, уповавший всем сердцем на сего творца. Он удалил из страны гадателей и идолопоклонников, и искал защиты и покровительства у Бога. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: «О, сын мой! Я услышал моление твое, и вот благословлю тебя, распложу

тебя и очень, очень умножу тебя, продолжу царство твое до тысячи поколений и предам в руку твою всех врагов твоих». Он встал утром и возблагодарил Господа, и стал еще больше почитать Его и служить Ему. И явился к нему ангел вторично и сказал ему: «О, сын мой! Я увидел твое поведение и одобрил твои дела. Я знаю, что ты будешь всей душой и всей силою твоей следовать за мной. Я хочу дать тебе закон и правило, если ты будешь соблюдать эти мои заповеди и законы». Он отвечал ангелу, который говорил с ним: «О, господин мой! Ты знаешь помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, ты знаешь, что я возложил свое упование только на тебя. Народ, над которым я царствую, люди неверующие. Я не знаю, поверят ли они или нет. Если на меня снизошло милосердие твое, явись к такому-то князю, который есть среди них». Всесвятой, – благословен Он, – исполнил желание его и явился тому человеку во сне. Он встал утром, пошел и рассказал это царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь народ, и изложил перед ними все это. Они приняли новую веру, пошли и стали под покровительство Шехины. Этому уже 340 лет. И он еще раз явился ему и сказал ему: «О, сын мой! Небеса и земля не вмещают меня. Ты, все же, построй храм во имя мое, и я буду пребывать в нем». Он отвечал ему: «О, владыка мира! Ты знаешь, что нет у меня в распоряжении серебра и золота. На что я построю храм?» Он сказал ему: «Крепись и мужайся! Возьми народ твой и все войско твое и иди по пути к Д-ралан, в страну Ар-д-вил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и дам их в твои руки. Вот я приготовил тебе 2 склада: один, полный серебра, и один, полный золота. Ты их возьмешь, а я буду с тобой, охраню тебя и помогу тебе, и ты доставишь это имущество благополучно к себе и построишь на него храм во имя мое». И он поверил Господу и сделал, как тот ему сказал. Он пошел и вел многие войны и одержал в них, с помощью Всемогущего, победу. Он опустошил этот город, взял имущество и благополучно вернулся. Он посвятил их Богу и выстроил благодаря им шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. По милосердию Господа и силе Всемогущего, они до настоящего дня целы и хранятся в моем распоряжении. После этого слух о нем распространился по всей земле, и услышал о нем царь Эдома и царь исмаильтян и прислали своих посланцев и послов с великим имуществом и великими и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, к царю, чтобы склонить его перейти в их веру. Но царь был мудр,

– да будет душа его завязана в свертке жизни у Господа, его Бога! Он приказал привести также мудреца из израильтян, хорошо разужнал, расследовал и расспросил его, а затем свел их вместе, чтобы они спорили о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не могли остановиться на какой-либо одной вере. Когда царь это увидел, он сказал им: «Теперь идите к себе домой, а на 3-й день вы придете ко мне». Они пошли к себе домой. На другой день царь послал к священнику царя Эдома и сказал ему: «Я знаю, что царь Эдома более велик, чем все цари, и что его вера есть вера прекрасная и почитаемая. Я уже облюбывал твою веру. Я только прошу тебя ответить мне на 1 вопрос. Скажи мне по правде, и я помилую тебя и окажу тебе почет; что ты скажешь: если взять израильскую веру и веру исмаильтян, то которая из них лучше, по-твоему?» Священник отвечал и сказал ему: «Да живет царь во век! Если ты спрашиваешь касательно веры, то во всем мире нет веры, подобной израильской вере. Всесвятой, – благословен Он, – избрал Израиля из всех народов и племен, назвал его «мой первенец», совершил для них великие чудеса, вывел их из страны египетской и спас от руки фараона и от египтян, перевел их между частями моря по суше, а преследователей их потопил в глубинах морских, низвел им манну для утоления их голода и дал им воду из скалы для утоления их жажды, дал им закон из огня и пламен, пока не привел их в землю Ханаанскую и не построил им святилище. После всего этого они возмутились против него, согрешили и извратили веру, и он разгневался на них и отвел их в изгнание, отверг их от лица своего и рассеял на все стороны. Если бы не случилось так, то не было бы во всем мире веры такой, как израильская. Что такое вера исмаильтян в сравнении с верой израильской? Нет ни субботы, ни праздников, ни заповедей, ни законов; они едят всякую нечисть, мясо верблюдов и лошадей, мясо собак, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся. Вера исмаильтян не есть настоящая вера, но подобна верам прочих народов земли». Царь отвечал ему и сказал ему: «Ты высказал эти свои слова по правде, и я окажу милосердие и отошлю тебя с почетом к царю Эдома». На 2-й день царь послал и позвал кадия царя исмаильтян и сказал ему: «Я спрошу тебя об одной вещи. Скажи мне по правде и не скрывай ничего от меня: если взять веру христиан и иудейскую веру, то которая из них тебе кажется лучше?» Кадий отвечал ему: «Иудейская вера – это истинная вера, и у них есть заповеди и законы, но когда они согрешили,

Всесвятой, – благословен Он, – разгневался на них и предал их в руку врагов их. Но искупление и спасение остается за ними. Вера христиан не есть настоящая вера: они едят свиней и всякую нечисть, поклоняются делу своих рук и нет у них надежды на спасение». Царь отвечал и сказал ему: «По правде ты сказал мне, и я окажу тебе милосердие». На 3-й день он позвал их вместе и сказал им: «Говорите и спорьте друг с другом и выясните мне, какая вера хороша». Они начали говорить и спорили друг с другом, но не могли утвердить свои слова, пока царь наконец не обратился к священнику и не сказал ему: «Что ты скажешь? Если взять иудейскую веру и веру исмаильтян, то которая из них более почтенна?» Священник отвечал и сказал: «Вера Израиля более почтенна, чем вера исмаильтян». Царь спросил затем кадия и сказал ему: «Что ты скажешь? Если взять веру христианскую и веру Израиля, то которая из них более почтенна?» Кадий отвечал и сказал ему: «Вера Израиля более почтенна». Тогда царь отвечал и сказал им: «Если так, то вы уже собственными вашими устами признали, что вера Израиля наиболее почтенна, и я выбрал себе веру Израиля, как веру Авраама, по милосердию Божию, силой Всевышнего. Если Господь будет мне помощником, то имущество, серебро и золото, о котором вы сказали мне, мой Бог, на которого я уповаю и к защите и покровительству которого я прибегаю, доставит мне без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого времени и впредь всемогущий Бог помогал ему, утвердил его силу и укрепил его мышцу. Он совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание, и затем послал посланцев и доставил к себе изо всех мест мудрецов израильских, и те объяснили ему закон Моисея и изложили ему в порядке заповеди. До настоящего дня мы держимся этой веры. Да будет благословенно имя Всесвятого, – благословен Он, – и превознесено именование его во веки! С того дня, как вступили мои предки в эту веру, бог Израиля подчинил им всех их врагов и ниспроверг всякий народ и племя, живущие вокруг них, как царей Эдома, так и царей исмаильтян и всех царей прочих народов земли, и никто не поднимался перед ними, а все они стали служить и платить дань. После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обады. Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги Священного Писа-

ния, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв, принятых у хаззанов. Он был человек, боящийся Бога и любящий закон, раб из рабов Господа. Да даст ему дух Господень покой! После него воцарился его сын Езекия и сын того, Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обады, и сын того, Исаак, затем его сын Завулон, его сын Моисей, его сын Нисси, его сын Аарон, его сын Менахем, его сын Вениамин, Аарон и я, Иосиф, сын царя Аарона, царь, сын царя, царский сын из царских сыновей. Чужой не может сидеть на престоле моих предков, но только сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков с того самого дня, как они находятся на этой земле, в отношении которой да благоволит воцаряющий всех царей навсегда сохранить мой царский престол до конца всех поколений.

Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении 4-х месяцев пути. У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных стенами городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается точному расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму, доходя до Г-р-гана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении 1 месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне – С-м-н-д-р в конце страны Т-д-лу, пока граница не поворачивает к Воротам, т.е. Бад-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам Азур, в конце страны Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана, все живущие в стране Каса и все племена Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении 2-х месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны – Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суграй, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бурк, Ал-ма, Г-рузи. Эти местности расположены на берегу моря Кустандины, к западной его стороне. Оттуда граница поворачивает по направлению к северной стороне, к стране по имени Б-ц-ра. Они расположены у реки по имени Ва-г-з. Они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочат и располагаются в степи, пока не доходят до границы области

Х-г-ри-им. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат мне и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении 4-х месяцев пути. Знай и уразумей, что я живу у устья реки, с помощью Всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян, и точно так же всех врагов их на суше приходить к Воротам. Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на 1 час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада и до страны... [пропуск в тексте]. Досюда доходят мои пределы и власть моего государства.

Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью Всемогущего, и на ней находятся 3 города. В одном из них живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину и ширину, описывает окружность, расположен в форме круга. Во втором городе живут иудеи, христиане и исмаильтяне и, помимо этих людей, рабы из всяких народов. Он средней величины, имеет в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам, мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река. Это мое местопребывание во дни зимы. С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей полевой работе. Каждый из наших родов имеет еще наследственное владение, полученное от своих предков, место, где они располагаются; они отправляются туда и располагаются в его пределах. А я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг нашей страны, пока не придем к концу нашего города без боязни и страха; в конце месяца Кислева, во дни праздника Ханукки, мы приходим в наш город. Таковы размеры нашей области и место наших стоянок. Страна наша не получает много дождей, но изобилует реками и источниками, и из ее рек... [пропуск в тексте] очень много рыбы. Страна наша тучна, в ней очень много полей, лугов и... [пропуск в тексте], которым нет числа; все они орошаются из нашей реки и от нашей реки получают растительность. Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны, страны, в которой я живу. В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой

реки по имени Уг-ру; в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени Бузан, вытекающей из реки Уг-ру; в северную сторону на 20 фарсахов пути до реки Бузана и склона нашей реки к морю Г-р-ганскому. Я живу внутри островка; мои поля и виноградники и все нужное мне находится на островке. С помощью Бога Всемогущего я живу спокойно...».

[Краткая редакция письма]

«Письмо Иосифа, сына Аарона, царя Тогармекого, к раб-Хасдаю, главе диаспоры, сыну Исаака, сына Эзры, сефардийцу, дороговому для нас и почитаемому нами.

Вот я сообщаю тебе, что пришло к нам твое почтенное письмо чрез р. Иакова, сына Элиезера. из страны Н-м-ц, и мы обрадовались ему и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. Я нашел в нем записанным разнос о местонахождении твоей страны, ее длине и ширине, о происхождении царя Абд-ал-Рахмана, царствующего над нею, о почете, великолепии и величии его и о помощи, оказанной ему богом, так что он подчинил себе области востока, так что о могуществе его государства стало слышно во всей земле; и как стали тогда приходить посланцы из Кустантини с дарами, и как они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, потому что раньше вы считали известия об этом лживыми и не верили этому. Ты просил затем сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как наши предки приняли религию Израиля и бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты хотел еще знать о размерах нашей страны, ее длине и ширине, и о народах, живущих кругом нас как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашему посланцу приходить в вашу страну, чтобы заискивать перед вашим величественным и всем приятным царем, который своим хорошим поведением заставил все сердца полюбить его, и прямотой своих поступков привязал их к себе; ты просил сообщить это ввиду того, что народы говорят им, что у Израиля нет остатка и нет нигде места, где бы у него была власть и государство, и потому что израильтяне были довольны этим известием, оно подняло их дух и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед теми, которые говорят им, что у Израиля нет остатка и нет нигде места, где бы у него была власть и государство.

Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету твоего запроса, о котором ты спрашиваешь в твоём письме, давая свой ответ в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты упоминаешь о твоей стране и о происхождении того, кто над ней царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма с счастливыми пожеланиями. Это было сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны на всем востоке, как ты и упоминаешь. Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь в своём письме, из какого народа, какого рода и племени мы приходим. Знай, что мы приходим от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было 10 сыновей, и вот их имена: первый Агийор, затем Тирас, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-на, Хазар, 3-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы приходим от сыновей Хазара; это 7-й из сыновей. У него записано, что в его дни предки мои были малочисленны. Но всевышней, – благословен он – дал им силу и крепость. Они вели войну с народами, которые были многочисленнее сильнее их, но с помощью божией прогнали их и заняли их страну. Те бежали, а они преследовали их, пока не принудили их перейти через большую реку по имени «Руна». До настоящего дня они расположены на реке «Руна» и по близости от Куштантини, а хазары заняли их страну. После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем на бога. Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у бога. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: я услышал молитву твою и моление твое. Вот я благословлю тебя и умножу тебя, продолжу царство твое до конца веков и предам в руку твою всех врагов твоих. Теперь встань и помолись господу». Он так сделал, и явился к нему ангел вторично и сказал ему: «Я увидел твоё поведение и одобрил твои дела. Я знаю, что ты будешь всем сердцем следовать за мной. Я хочу дать тебе заповеди, закон и правила, и если ты будешь соблюдать мои заповеди, законы и правила, я благословлю тебя и умножу тебя». Он отвечал и сказал ангелу, который говорил с ним: «Ты знаешь, господин мой, помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, ты знаешь, что я возложил свое упование

только на тебя. Но народ, над которым я царствую, люди неверующие. Я не знаю, поверят ли они мне. Если я нашел милость в твоих глазах и на меня снизошло милосердие твое, явись к такому-то, главному князю их, и он поможет мне в этом деле». Всевышней, – благословен он, – исполнил желание его, и явился тому князю во сне. Когда он встал утром, он пошел и рассказал это царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ и рассказал им все это. Они одобрили это, приняли новую веру и стали под покровительством Шехины. И явился ему ангел еще раз и сказал ему: «Вот небеса и небеса небес не вмещают меня, но ты все же построй храм во имя мое». Он отвечал и сказал: «Владыка мира, я очень стыжусь перед тобой, что у меня нет серебра и золота, чтобы выстроить его, как следует, как мне хочется». Он сказал ему: «Крепись и мужайся! Возьми с собой все твои войска и иди в страну Руд-лан и страну Ардил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и отдам их в твою руку. Я приготовил тебе 2 склада: один серебра и один золота. Я буду с тобой и охраню тебя везде, куда ты пойдешь. Ты возьмешь это имущество, вернешься благополучно к себе и построишь храм во имя мое». Он поверил ему и поступил так, как он приказал ему. Он воевал, положил заклятие на город [или область] и благополучно вернулся. Затем он посвятил взятое имущество богу и выстроил из него шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. До настоящего дня они хранятся в моем распоряжении и целы. После этого слух о нем распространился по всей земле, и слышали о нем царь Эдома и царь исмаильтян и прислали к нему своих посланцев с великим имуществом и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, чтобы склонить его перейти в их веру. Но царь был мудр, и приказал привести также мудреца из израильтян, хорошо разузнал, расследовал и расспросил его, а затем свел их вместе, чтобы они выяснили истину о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не соглашались ни в чем друг с другом. Когда царь это увидел, он сказал священнику царя Эдома и исмаильтянам: «Идите к себе домой, а на 3-й день я пошлю за вами, и вы придете ко мне». На другой день царь послал за священником и сказал ему: «Я знаю, что царь Эдома более велик, чем эти цари, и что его вера есть вера почитаемая. Я уже облюбовал твою веру. Но я прошу тебя сказать мне правду: если взять израильскую веру и веру исмаильтян, то которая из них лучше?». Священник отвечал и сказал: «Да живет

господин наш, царь, во век! Знай правду, что во всем мире нет веры, подобной израильской вере, потому что всеятой, – благословен он, – избрал Израиля из всех народов; назвал его «мой первенец», совершил для них знамения и великие чудеса, вывел их из рабства у фараона, перевел их через море по суше, а преследователей их потопил, низвел им манну и дал им воду из скалы, дал им закон из огня, отдал им в наследственное владение землю Ханаанскую и построил им святилище, чтобы пребывать среди них. После этого они согрешили пред ним. и он разгневался на них, отверг их от лица своего и рассеял их на все стороны. Если бы не это, то не было бы во всем мире веры такой, как израильская. В вере исмаильтян нет ни субботы, ни праздников, ни закона, ни *Урим*; они едят всякую нечисть, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся». Царь ответил ему: «Так ты высказал мне свои слова. Истинно знай, что я окажу тебе почет». На 2-й день царь послал за кадием исмаильтян. спросил его и сказал: «Сообщи мне правду: в чем разница между верой Израиля и верой Эдома, которая из них лучше?». Кадий отвечал ему и сказал ему: «Вера Израиля лучшая вера и вся она – истина. У них закон господен и справедливые постановления и правила. Но вследствие того, что они согрешили пред ним и отпали от него, он разгневался на них и отдал их в руки их врагов. Какова вера Эдома? Они едят всякую нечисть и поклоняются делу рук своих». Царь отвечал ему: «Ты уже высказал мне правду, и я действительно окажу тебе почет». На другой день он позвал их всех вместе и сказал им в присутствии всех своих князей и рабов и своего народа: «Я хочу, чтобы вы сделали для меня выбор: которая из мер самая лучшая и самая правильная?». Они начали говорить, по не могли утвердить свои слова на прочном основании, пока царь не спросил наконец священника: «Если взять веру Израиля и веру исмаильтян, то которая из них лучше?». Священник отвечал и сказал: «Вера Израиля – лучшая вера». Тогда он еще спросил кадия и сказал ему: «Если взять веру Израиля и веру Эдома, то которая из них лучше?». Кадий отвечал и сказал ему: «Вера Израиля – лучшая вера». Тогда царь ответил: «Вы уже собственными вашими устами признали, что вера Израиля самая лучшая и самая правильная из вер, и я уже выбрал себе веру Израиля, потому что эт.е.вера Авраама. Да будет помощником мне всемогущий бог! Серебро и золото, которое вы сказали, что дадите мне, он может мне дать без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого дня и

впредь помогал ему всемогущий бог и укрепил его силу. Он сам и его рабы совершили над собою обрезание, и затем он послал посланцев и доставил к себе некоторых из мудрецов израильских, и те объяснили ему закон (Моисея) и изложили ему в порядке все заповеди. До настоящего дня мы держимся этой почтенной веры и истины. Да будет благословенно имя всеятого, – благословен он, – вовек. И с того дня, как вступили наши предки под покров Шешины, он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, живущие вокруг нас, так что никто до настоящего дня не устоял пред нами. Все они нам служат и платят дань – цари Эдома и цари исмаильтян. После этих событий воцарился из сыновей его сын Эдом, по имени Обадья. Он был человек праведный и справедливый. Он поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал множество мудрецов израильских, дал им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги священного писания, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся бога и любил закон и заповеди. После него воцарился его сын Езекия, после него его сын Манассия; после него воцарился Ханука, брат Обадьи, его сын Исаак, его сын Завулон, его сын Манассия, его сын Нисси, его сын Менахем, его сын Вениамин, его сын Аарон и я, Иосиф; сын упомянутого Аарона. Все мы – царь, сын царя. Чужой не может сидеть на престоле наших предков, но только сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков. Да благоволит воцаряющийся всех царей навсегда сохранить наше царство в своем законе и заповедях!

Что касается твоего вопроса о протяжении нашей страны и ее длине и ширине, то знай, что она расположена подле реки, примыкающей к Г-р-ганскому морю, на восток на протяжении 4 месяцев пути. Подле этой реки расположены весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве; они живут и в селах и городах и в укрепленных стенах городов. Их 9 народов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа. Все они платят мне дань. Оттуда граница поворачивает и доходит до Г-ргана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении одного месяца пути платят мне дань. С южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб-ал-Абваба. Они проживают на горах. Все жители страны Баса и Т-н-т до самого моря Кустантинии, на протяжении двух месяцев пути, все платят

мне дань. С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантини. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г. Они живут здесь в открытых местностях, не защищенных стенами, и переходят по всей степи, доходя до границы страны Хин-диим. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря, и платят мне дань. Страна их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Я сам живу у входа в реку и не пускаю Русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним. Точно также я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил в покое, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада. Я еще сообщу тебе, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и у меня есть в моем царстве 3 города. В одном из них живет царица со своими прислужницами и евнухами. Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов, и живут в нем иудеи, исмаильтяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями. Он невелик и занимает в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между стенами его тянется река. Мы живем всю зиму в городе, а в месяце Нисане выходим из города и идем каждый к своему полю и саду и к своей работе. Каждый из наших родов имеет еще известное наследственное владение, полученное им от своих предков. Они отправляются туда и располагаются в его пределах в радости и с песнями; никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных случайностей. А я, мои князья и слуги, отправляемся и идем на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой «В-р-шан», и оттуда идем вокруг нашей страны, пока не приходим к концу нашего города. Таковы размеры нашей страны и место нашего отдыха. Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть также в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых

деревьев. Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов пути, до моря Г-р-ганского, в южную сторону на 30 фарсахов пути и в западную сторону на 40 фарсахов пути. Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова. В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути и имеет здесь много рек и источников. С помощью всемогущего я живу спокойно.

Ты еще спросил меня относительно «конца чудес». Наши глаза устремлены к господу, нашему богу, и к мудрецам израильским, к академии, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии. Мы далеки от Сиона, но до нас дошел, слух что по множеству наших грехов спутались подсчеты, так что мы ничего не знаем. Но да будет угодно богу сделать это ради своего великолепного имени; да не будет ничтожно в его глазах разрушение его храма, упразднение служения ему в нем и все беды, которые нас постигли, и да осуществит он в отношении нас слова писания: «и вдруг войдет в храм свой» и т.д. У нас же в руках только пророчество Даниила. Да ускорит бог, бог Израиля, спасение и да соберет наших изгнанных и наших рассеянных единоплемянников, при жизни нашей и твоей и всего дома Израилева, любящих его имя!

Ты упомянул также в своем письме, что желаешь видеть меня. И я очень стремлюсь и хочу видеть твое приятное для меня лицо, твою всеми почитаемую мудрость и твое величие. О, если бы случилось так, как ты говоришь, и я удостоился бы иметь общение с тобой и видеть твое почтенное и возжеланное лицо. Ты был бы для меня отцом, а я был бы тебе сыном, твоим устам повиновался бы весь мой народ и согласно твоему слову и правильному решению я бы сам выходил и входил. И да будет тебе много счастья».

**АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ ИБН ХАУКАЛ АН-НИСИБИ (ВТ.П. X В.)
О СЛАВЯНАХ И РУСАХ, БОЛГАРАХ/БУЛГАРАХ И ХАЗАРАХ,
БУРТАСАХ И ПЕЧЕНЕГАХ, АВАРСКОМ «ЦАРСТВЕ САРИР» И
АЛАНАХ**

Калинина Т.М. Ибн Хаукал // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. – М., 2009.

«Следует читать в этой части карты позади слова «север» – сторона йаджудж и маджудж. Затем подъем наверх – славяне, и это – доля другой части суши. Затем позади тех в направлении востока – болгары, русы. Затем по проливу – сторона Трапезунда, а сверху реки, идущей рядом, – болгары, русы, башджарты, буртасы, хазары, печенеги, болгары еще вторые, затем страна Сарир, а сверху тех – страна внутренняя и внешняя Арминия. А налево – Азербайджан, Арран, а направо от Арминии – река Тигр. В государство Византия входят пределы славян и находящиеся по соседству народы из числа русов, населения царства Сарир, алан, армян и прочих, исповедующих христианство...

Что касается государства ислама, то... к северу от него – страна Византия и те народы, что примыкают к ней из числа армян, алан, области Арран, царства Сарир, хазар, русов, болгар, славян, группы тюрков...

Что касается ширины земли от самой далекой северной границы до самой далекой южной границы, то ты следуешь от берега Окружающего моря до тех пор, пока не перейдешь к земле йаджудж и маджудж, затем проходишь по земле славян и пересекаешь земли внутренних болгар и славян, и идешь дальше в сторону Византии, к Сирии, земле Египта и Нубии...

Река Итиль – самая большая по протяженности, и это река русов...

Земля славян обширна, длиной около 2 месяцев пути. Булгар – город небольшой, нет в нем многочисленных округов, и был известен тем, что был портом для упомянутых выше государств. И опустошили его русы, и напали на Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 [968/69], и отправились тотчас же после к стране Византия и

в Андалусию, и разделились на 2 группы. Русы – народ варваров, живущий в стороне болгар, между ними и славянами по реке Итиль. Оторвалась часть тюрков от своей страны, и расположилась она между хазарами и Румом. Называют их печенеги. Не было им места на земле в прежние времена, и вот пришли они в нее [землю между хазарами и Румом] и завоевали ее. И они – «шип» русийев и их сила, и русы выходили раньше за свои пределы, к Андалусии, потом к Барзаа...

[Река Итиль] течет [к хазарской столице Итиль] из страны русов...

Известные статьи дохода в Андалусии – рабы из числа девушек и юношей, обращенных в рабство в стране франков и Галисии, славянские слуги и все, кто есть на земле из славян-евнухов. Ведь кто прибывает в Андалусию, тех неподалеку кастрируют, и поступают так с ними торговцы-иудеи.

Славяне – род из потомков Яфета, страна их – обширный прямоугольник. У воинов Хорасана, со стороны болгар, с ними связь. Но когда славян уводят в плен, там их мужское достоинство еще сохраняется, не отражаясь на их здоровье. А страна славян длинная, обширная. Пролив, следуя от Окружающего моря в сторону народов йаджудж и маджудж, пересекает страну славян; продолжается пролив западнее к стороне Трапезунда, затем к Константинополю и делит страну славян на 2 части. Часть их страны по длине берут в плен хорасанцы и смежные народы, а северную часть полонят андалусийцы, со стороны Галисии, страны франков и Ломбардии...

Часто заходят в некоторые населенные области Андалусии корабли русов, тюрков-печенегов и разного народа из числа славян и болгар и злобствуют в ее областях, но часто и уходят, потерпев неудачу...

Море Хазар. Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли, ни способом смешения, ни способом связи, кроме того, что входит в него из реки русов, известной как Итиль, а она связана ответвлением, ведущим от нее к проливу, который выходит из земли Византия, с морем Окружающим. И если человек объедет это море, то вернется к тому месту, с которого начал свой путь, без помех, и не пересечет ему дорогу ничего, кроме реки Итиль, которая впадает в него и разливается в нем...

Что касается хазар, то это название климата, а ее столица

называется Итиль, и Итиль – название реки, которая течет к ним от русов и болгар и впадает в море Хазар. Говорят, что эта река выходит из области Мраков, никто не знает ее начала и никто не достигал ее истоков...

[В хозяйстве хазар] преобладает рис и рыба. Везут от них мед, воск и меха, но это везут к ним со стороны русов и болгар, а также шкурки бобров, которые возят по всему свету. Бывают они только в тех северных реках, которые в стороне болгар, русов и Куйабы, а в реках Андалусии никаких таких шкурок бобров нет, какие есть в областях славян. Далее направляются к проливу, на котором страна славян, а описание этого пролива уже проходило. Большая и лучшая часть этих шкурок находится в стороне русов, а спускаются по рекам к ним и к их стороне со стороны йаджудж и маджудж и затем поднимаются к Булгару. Не прекращалось так до года 358 [968/69], ибо русы в этом году разрушили Булгар и Хазаран. Вывозили шкурки и драгоценные меха в Хорезм из-за многочисленных приездов хорезмийцев к болгарам и славянам. И нападали на них, совершали набеги на них и брали их в плен. Конечный пункт торговли русов долгое время был в Хазаране, и поступала от них десятая доля их богатства...

У реки Итиль – ответвление с восточной стороны. Выходит со стороны киргизов и течет между кимаками и огузами, и она – граница между кимаками и огузами. Затем уходит к западу позади болгар и возвращается назад к тому, что примыкает с востока, до тех пор, пока не пройдет мимо русов, затем болгар, затем буртасов, пока не впадет в море хазар...

В Хазарии есть область, в ней город, называемый Самандар, он между той областью и Дербентом. Были в нем многочисленные сады; говорят, что содержали они около 40 000 виноградников. Я спрашивал о Самандаре в Джурджане в 358 [968/69] году у недавно бывшего в нем, и сказал тот, кого я спрашивал: «Там виноградник и сад такой, что был милостыней для бедных, а если и осталось там что-нибудь, то только лист на стебле. Напали на них русы, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма». А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев других религий и идолопоклонники, и ушли все они, но вследствие достоинств их земли и хорошего их дохода, не прошло и 3 лет, и стало, как было. Были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и совершили свой набег русы на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар и

буртасов, и захватили их. Искали убежища жители Итиля на острове близ Дербента и укрепились на нем, а часть их – на острове Сийах-Кух, живущие в страхе...

Буртас – название области. Также рус, хазар и Сарир – название государства и области, не людей и рода...

Язык русов другой, чем язык хазар и буртасов. Русов 3 вида. Один вид их – ближайший к Булгару, а царь их – в городе, называемом Куйаба, и он больше, чем Булгар. А вид самый высокий из них называется Славийя, и царь их живет в С.ла – городе для них. И 3-й вид их называется ал-Арсанийя, и царь их располагается в Арса – городе для них. Люди достигают для торговли Куйабы и ее окрестностей. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что входил в нее когда-либо чужеземец, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иноземцев. И вот они спускаются по воде, торгуют и не сообщают ничего о своих делах и своих товарах, и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. Возят из Арса черных соболей, бурых лисиц, свинец и частично ртуть.

Русы – народ, который сжигает себя, когда умирает, и они сжигают со своими пленниками своих невольниц, для их наивысшего блага, как делают люди Индии, люди Ганы, Куги и другие. Часть русов бреет свою бороду, а часть закручивает бороды подобно лошадиным гривам, или заплетает. Одежда их – короткие куртки, а одежда хазар, болгар и печенегов – длинные куртки.

И не прекращают русы торговать с хазарами и Румом... А внутренние болгары – христиане и мусульмане. И не осталось в это наше время ни болгар, ни буртасов, ни хазар из-за народа рус, кроме разбросанной неполной части этих народов, и даже за ней рыскал народ рус. Целями и надеждами бежавших было оставаться по соседству со своими областями. И дошло до меня, что большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран при поддержке Мухаммада ибн Ахмада ал-Азди, владетеля Ширваншаха, и содействовал он беженцам своими воинами и своими людьми, а они, надеясь, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им за участок земли, на котором они будут жить».

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЛЕВ ДИАКОН (~950-1000) О БАЛКАНСКИХ ВОЙНАХ РУССКОГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА

Лев Диакон. История / Пер. М.М.Копыленко. – М., 1988.

«Книга шестая...

8. Многими тревогами был волнуем дух императора Иоанна; перед ним лежали 3 пути, и он не знал, какой из них избрать, чтобы не уклониться от верного направления. Недостаток съестных припасов и повсюду распространившийся голод уже 3-й год пожирали ромейскую державу; угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов; карфагеняне и арабы намеревались напасть на только что покоренную ромеями сирийскую Антиохию. Что касается непреодолимого зла – голода, то Иоанн быстрым подвозом припасов из всех гаваней предусмотрительно пресек влияние этого бедствия. Нашествие агарян он остановил при помощи восточного войска под начальством патрикия Николая, который, будучи придворным евнухом государя, приобрел многими стараниями опытность в военном деле. А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот Иоанн отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям и издавна считается частью Македонии. Ибо говорят, что мисяне, отселившись от северных котрагов, хазаров и хунавов, покинули родные места и, бродя по Европе, захватили во времена правившего тогда ромеями Константина, называемого Погонатом, эту и поселились в ней; по имени своего родоначальника Булгара страну стали именовать Булгарией...

10. Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол 20 000 оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и вы-

куп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами». Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога непоколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога-Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря [Игоря], который, презрев клятвенный договор приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 000 судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его дальнейшей жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи». Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну – мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

11. Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно, со всем усердием готовиться к войне, дабы предупредить нашествие Сфендослава и преградить ему доступ к столице».

АРМЯНСКИЙ (УТИЙСКИЙ?) ИСТОРИК МОВСЕС КАЛАНКАТУАЦИ (КАГАНКАТВАЦИ) (КОНЕЦ X В.) ОБ АЛАНАХ И «СТРАНЕ БАСЛОВ», ГУННАХ И «ХАЗИРАХ»

Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш.В.Смбатяна. – Ереван, 1984.

«КНИГА 1

...ГЛАВА VIII ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ВРЕМЕНИ ОТ АРАНА ДО УРНАЙРА, ЦАРЯ АЛУАНКА И АРМЯНСКОГО ЦАРЯ ТРДАТА МЫ НЕ НАШЛИ, НО МИМОХОДОМ НАПИСАЛИ О ТОМ, О ЧЕМ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ

Было бы весьма желательно найти сведения, повествующие по порядку обо всем том, что я рассказываю, начиная от воцарения Арана до настоящих событий, но наличие множества различных племен на Востоке и сожжение книг и заветов говорит о том, как это трудно сделать. Но тут нам на помощь приходит кертолаһайр Мовсэс, рассказывающий о войнах Артавазда с римлянами. Ибо когда Артавазд собрал многотысячное войско в Атрпатакане, то призвал также могучие племена с Кавказских гор, а также войска Алуанка и Иверии, двинулся в Месопотамию и с их помощью прогнал войска римлян.

Когда же Арташэс напал на Еруанда, последний находился в пределах Алуанка, в гаваре Ути. Оставив там свои войска, Арташэс отправился в свой город. Прибыв туда, он присоединил к себе войска алуанские, вышел на берег Геламского озера, где вместе с ними прогнал Еруанда и завладел Арменией.

В это самое время аланы, вступив в союз со всеми горскими племенами, отчасти и с иверцами, собрав огромное полчище, вторглись в пределы Армении. Арташэс, также собрав свои войска, выступил против них и разбил лагерь на берегу реки Куры. В жаркой битве царевич аланский попал в плен к Арташэсу, который за него взял себе в жены царевну Сатеник и вернулся, вновь восстановив

мир. Вскоре умер отец Сатеник и некто воцарился насильно, а брата ее изгнал из страны. Тогда наставник Арташэса Смбат, прибыв туда с большим войском, прогнал насильника, брата Сатеник возвел на отцовский престол, сам же вернулся в Армению с большой добычей и множеством пленных. Пленных родом из гавара Артаз, он поселил в гаваре Шаваршан. Род Аравелеан – сородичи Сатеник, возведенные в нахарарское достоинство. Род этот, во времена Хосрова Великого, отца Трдата, породнился с неким храбрым мужем, пришедшим из страны Баслов...

ГЛАВА X. О ВАЧЭ, ЦАРЕ АЛУАНКА, О ТОМ, КАК ОН ОТРЕКСЯ ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ЯЗЫЧЕСТВА И УВЕРОВАЛ В ЖИВОГО БОГА. КАК ОН ДАЛ СРАЖЕНИЕ ПЕРСАМ, А ЗАТЕМ УЕДИНИЛСЯ В ПУС-ТЫНИ ДЛЯ СВЯТОЙ ЖИЗНИ

На 19-м году царствования Иазкерт умер. 2 его сына поссорились из-за царства и стали воевать между собой. И пока они враждовали, восстал и Вачэ, царь Алуанка, бывший племянником Иазкерта. Он был христианином по отцовской вере, которую утвердил Урнаир, однако впоследствии нечестивый Иазкерт насильно обратил его в веру магов. И вот теперь он счел время удобным, чтобы спасти себя, предпочтя смерть в сражении царствованию ценой отступничества.

Т.к. междоусобица в арийских войсках затянулась, некий Раһат из рода Миһра, наставник младшего сына Иазкерта, с несметным войском своим двинулся на старшего сына царя. Разбив его войско, он захватил царевича в плен и тут же умертвил его. Остальных же воинов он уговорил и присоединил к арийским войскам и возвел на престол своего питомца, звали которого Перозом. Однако царь Алуанский не захотел повиноваться ему и, разрушив сторожевой проход Чола, пропустил мазкутские войска, присоединил к себе также 11 горских царьков и, выступив против арийских войск, причинил большой урон царским войскам. Дважды и трижды писал ему грамоты с просьбой Пероз, но так и не смог склонить его к повиновению. А Вачэ, царь страны Алуанк, в письмах и через посланцев упрекал Пероза в том, что тот напрасно разорил Армению, напоминая ему также об убиении нахараров и терзании узников, «которых, как он говорил, вы убиваете, вместо того чтобы наградить их за любовь и заслуги. Мне же лучше умереть от мук, чем жить отступником».

И когда персы убедились, что ни силой, ни любовью им не склонить его к повиновению, они отправили большие сокровища в страну хайландуров и, открыв врата Аланов, пропустили через него многочисленные войска гуннов, которые в течение целого года воевали с царем Алуанка. И хотя его войско ослабло и силы его истощились, все же сломить его они не смогли. Напротив, множество сильных ударов нанес царь Вачэ, и они тоже были изнурены и истощены либо в сражениях, либо от страшных болезней. Война затянулась, большая часть страны была разорена, но никто от Вачэ не отступился.

Тогда царь Пероз направил послание Вачэ: «Сестру мою и племянницу мою, которые находятся с тобой, отпусти ко мне, потому что они от рода были магами, а христианами их сделал ты. Страна же твоя пусть остается тебе».

Но блаженный муж не за царство воевал, а за веру в Бога боролся. И он отпустил мать и жену и совсем оставил управление своей страной. Сам же взял Евангелие и решил уединиться.

Узнав об этом Пероз, царь персидский, очень огорчился и стал валить все беды на своего отца. Скрепив печатью истинную клятву, он велел отнести ее [Вачэ с просьбой] «ты только не отрекайся от управления страной и все, что ты пожелаешь – я сделаю».

Он же пожелал взять себе лишь родовой удел, который остался ему от отца – тысячу ердов. Получив его от царя Пероза, он жил там вместе с отшельниками. И так жил он в мире с Богом, и не вспоминал даже, что прежде сам был царем. Вот его житие...

ГЛАВА XII. ВОЙНА ТРДАТА С ЦАРЕМ БАСЛОВ В СТРАНЕ АЛУАНК. ВОЦАРЕНИЕ САНАТРУКА В АЛУАНКЕ И ЕГО СОПРОТИВЛЕНИЕ АРМЯНАМ, ПРИБЫТИЕ ХОСРОВА С ВОЙСКАМИ НА ПОМОЩЬ, ЗАВОЕВАНИЕ АЛУАНКА И ВЗИМАНИЕ ПОДАТЕЙ

Трдат великий, царь армянский, собрав войско, сошел на поле гаргарийцев и жестокой битвой встретил северян. Царь баслов вышел на единоборство с ним, набросил аркан на храброго Трдата, но не сумел одолеть его, и сам был разрублен им пополам. Трдат, истребляя, гнал их до страны гуннов. Пали многие и из армянского войска, пал также спарапет армян Артавазд Мандакуни. Трдат, взяв там заложников и присоединив к себе северные народы, двинулся на персидского царя Шапуха.

А после смерти Трдата некий Санатрук воцарился в Алуанке в

городе Пайтакаране и восстал против армян. Хосров, сын Трдата, призвал Антиоха с греческими войсками, Багарата с войском Запада и Михрана, бдешха Иверии. Объединившись со всеми с ними, он двинулся на Алуанк. Санатрук, оставив в городе Пайтакаране многочисленное войско, с остальными алуанскими войсками поспешно перешел к персидскому царю Шапуху. Антиох, взяв большую добычу и подати царские, возвратился к императору. Улучив время, Санатрук, по повелению Шапуха, собрал алуанское войско числом около 30 000 воинов и вторгся в Армению. Один из полководцев его, копьеносец, великан безобразный, одетый в войлок, смело дрался в битве на скалистой местности близ Ошакана. Когда ему наносили удары оружием, оно не поражало его, а отскакивало. Тогда храбрый Ваһан Аматауни, взглянув на церковь, воскликнул: «Приди на помощь!» и, направив копьё в круп лошади его, повалил наземь страшного великана...

ГЛАВА XXIX. ВТОРЖЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ПЛЕМЕН ВО ВСЕ ПРЕДЕЛЫ АЛУАНКА, АРМЕНИИ И ИВЕРИИ И МУЧЕНИЧЕСТВО УЧЕНИКОВ СВЯТОГО МЕСРОПА

В то самое время царь росмосоков, собрав свои войска, вместе с полком Тобельским, присоединив также войска гуннов, перешел реку Куру, развернулся в гаваре Ути и расположил свой лагерь близ города Халхал. Здесь он избрал 3-х полководцев и поставил их начальниками над большим войском. Начальство над всеми 11 отрядами своих войск он передал им и приказал вторгнуться в пределы Алуанка, Армении и Иверии и опустошить их. Третья группа войск вторглась в гавар Арцах в начале Пасхи и стала грабить Мец Куэнк.

Услышав об этом набеге разбойников, расположившиеся в Члахе иерусалимцы были объята великим страхом. Собрав поспешно в одно место все мощи, они поместили их в две серебряные корзины и закопали. Но тут со всех сторон стали доноситься до них ужасные роковые крики, которые подобно проливному дождю, привели их в безнадежное отчаяние. Подобно морским волнам, неприятельские воины вскоре захлестнули Астлаблур. Не подозревая ничего, в этот неожиданный час, они шли прямо навстречу беспощадно истребляющему мечу. Была разграблена утварь золотая и серебряная, а мощи святых разбросаны тут и там по всему холму. Главный священник, блаженный Атанас, тут же был замучен, а остальных, захватив в плен, держали под стражей.

Среди них была и женщина одна по имени Тагуһи из села Багинк гавара Ути, из коренных азатов страны, весьма знатная, прикнувшая к иерусалимцам. Полководец гуннов, увидев ее среди пленных, вспылал к ней преступной дьявольской страстью, ибо она была весьма красива. Желая взять ее себе в жены, он приказал отнестись к ней с почтением. Гунны, окончив в этот день обычные набеги, привезли к холму награбленную во всем гаваре добычу и пленников. Многих пленных убили, а остальных угнали на холм Астлаблур. Среди пленных находились 2 священника, сподвижники мученика Атанасиоса.

В ту ночь великий полководец гуннов со всем своим войском остановился там [на Астлаблуре]. Вечером того дня военачальник Тобельского полка приказал привести к себе блаженную Тагуһи, чтобы утолить свое сладострастное желание. Она же, вооружившись силой Господней, отвергала его, не соглашалась, поносила и даже насмеялась над наглым варваром. «Не дай Бог мне, – говорила она, – отдать свое скромное целомудрие свиньям и псам – язычникам или от страха перед мучениями, испугавшись до смерти, обменять на суетную жизнь жизнь непреходящую». И подняла она руки к Богу со словами: «Господь Сил и Царь царей, не позорь меня, уповавшую на Тебя, сохрани меня чистой и непорочной в надвигающейся опасности. Как даровал Ты мне рождение из купели света и обновления, чем я познала Тебя, сделай же так, чтобы и теперь благодаря вере и святости я оставалась чистой от грехов. Яви мне свет истины Твоей в сердцах этих бесчувственных варваров, чтобы и они одного Тебя познали истинным Богом».

Когда беззаконники услышали это – среди них был переводчик, – пошли и рассказали об этом своему князю. Тогда насильник, разъяренный яростью подобно рассвирепевшему рычащему зверю хищному, повелел: «Если она не придет добровольно с почестями, то убейте ее жестокими пытками». Придя к ней, слуги стали принуждать ее исполнить желание князя. И когда им не удалось уговорить непреклонную Тагуһи, связали ей руки сзади, потащили за волосы, били по лицу терновником истерзали все тело святой и отрубили мечом голову блаженной. Эта ее битва с беззаконниками была схожа с битвой святой мученицы ИРипсимэ, ибо, победив с помощью Божьей, великая Тагуһи также была увенчана неувядаемым венцом Христовым.

После этого, в ту самую ночь, когда князь иноплеменников пи-

ровал со своими воинами, в ту бессонную ночь, когда они прохаживались радостно, веселились и забавлялись, внезапно явилось им дивное знамение от Господа. Все они ясно увидели, как яркий свет пал на то место, где была замучена святая Тагуһи, а клочья ее платья разбросанные и разнесенные ветром по лесу, замерцали как звезды. И долго еще свет, явившийся в том месте подобно звездам, сиял над святыми мучениками. Множество людей увидело это, и с тех пор до наших дней место это было названо Астлаблуром. Увидев эти благовестивные чудеса, князь был весьма изумлен и впал в сильное смятение. Он велел привести к себе священников Господа и, узнав от них стезю спасения, поверил в живого Бога. И приказал он собрать мощи святых, завернуть в чистое льняное полотно и захоронить с благословением на том холме. Затем они пожертвовали овец и коз и пышно отпраздновали праздник Господний, совершая память замученных ими святых...

КНИГА 2

ГЛАВА I. ПОВЕСТВОВАНИЕ, НУЖНОЕ СЕЙ КНИГЕ

Как небеса украшаются звездами, а земля – растениями, так и труд летописца украшается сведениями других авторов.

Есть сказания о Восточном крае, которые не вошли в книги древних историков, но которые мы нашли нужным внести в наше повествование. Вспомним тут о Шапуһе, сыне Ормизда, царе персидском, возгордившемся своим царствованием, который захотел проверить и узнать, какой народ и какие племена имеют бардз и патив. И дал он большой обед всем вельможам древних родов нахарарских персидских азатов и всех в своем присутствии почтил чашей и веткой ивы, в соответствии с их гаһом. А мовбедан мовбеда возвеличил, посадив его на самое почетное место у царского стола.

Посоветовавшись со своими вельможами, он сказал: «О коренных персидских и парфянских паһлавиках и о рангах других мужей азатов я знаю хорошо. Однако о родословии армянских азатов и их рангах мы не смогли узнать ничего ни от наших отцов царей, ни от летописцев. И вот вам, армянским нахарарам, предстоит 2 возможных исхода: или представить древнюю грамоту и подтвердить ранг и патив каждого рода и снова от нас получить великие и пышные почести, или, если вы не сможете убедительно доказать перед арийским советом ваши бардз и патив, тогда все ваше имущество,

ваши бардз и патив, наделы земли и воду мы раздадим нашим азам – мужам арийским, вас же отпустим, лишив почестей».

Тогда князя Великой Армении, посоветовавшись между собой, тут же предъявили царю желанную Историю Агафангела. Повелел царь прочитать ее и перевести на персидский язык. Узнав, что История начинается от Арташира – от предка его, весьма обрадовался царь Персидский, похвалил книгу и, взяв ее в руки, с благоговением приложил к очам своим.

Найдя в ней список 17-ти бардзов, он повелел в соответствии с ним распределить места за царским столом. Андоку, владельцу Сюника, достался 14-й бардз. И тот, обидевшись, не дотронулся до еды. И хотя царю сообщили об этом, он не обратил на то никакого внимания.

В это самое время пришла весть царскому двору о том, что многочисленные полчища хазиров прошли через ворота Чора и вторглись в нашу страну. Собрал Шапух многочисленное войско из сирийцев, хорасанцев, хорезмцев, в частности, из храбрых персов области Атрпатакан, из армян, иверов, алуанцев и различных диких племен Кавказских гор, говорящих на 12 разных языках, и с несметным войском своим выступил навстречу хазирам, чтобы дать им отпор...

ГЛАВА IV. О ПЕРЕНЕСЕНИИ ПАТРИАРШЕГО ПРЕСТОЛА АЛУАНКА ИЗ ЧОЛА В ВЕЛИКИЙ ГОРОД ПАРТАВ ИЗ-ЗА НАБЕГОВ ГРАБИТЕЛЕЙ ХАЗИРОВ, РАЗРУШИВШИХ ПРИ УХОДЕ ВРАТА ЧОЛА

После этого хазеры пленили страну Алуанк. Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем, на 2-м году царствования Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летосчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка был перенесен из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христова. И возвели в хайрапеты тэр Абаса из гавара Мец Иранк. И в продолжение 44 лет он восседал на патриаршем троне, жил жизнью святою и перенесся в вечную жизнь...

ГЛАВА XI. О ПРИГОТОВЛЕНИЯХ ХОСРОВА К ВОЙНЕ С ГРЕЧЕСКИМ ЦАРЕМ И О ТОМ, КАК В ПРОДОЛЖЕНИЕ МНОГИХ ЛЕТ ОН НАНОСИТ ЕМУ УДАРЫ МЕЧОМ И ОПУСТОШАЕТ СТРАНУ РОМЕЕВ

Подстрекательством Ираклия хазеры бесчисленной толпой

вторглись в нашу страну и стали опустошать ее. Царь персидский Хосров, направил к ним послов и говорит: «Чьим приказанием вторглись вы в мою страну? Не того ли, который скрывался от меня на островах западного моря? Если уж вам так нужны были его золото и серебро, драгоценные камни или одеяния, расшитые золотом и жемчугами – бебез и пурпуровые мантии, то я мог бы угодить тебе, подарив вдвое больше, нежели он. Потому и я говорю тебе: не возобновляй больше набегов на мою страну по глупой просьбе его, иначе пеняй на себя. Но вот тебе заранее скажу, что я собираюсь сделать в ближайшее время: ...я призову из его страны великого полководца моего, победоносного Шах-Вараза вместе с другими двумя храбрыми военачальниками моими, Шахеном и Кртикарином и войска мои, насчитывающие тысячи и десятки тысяч отлично вооруженных воинов, которых я снарядил для войн с Западом, чтобы погубить и стереть Ираклия с лица моей земли. Итак, я поверну бразды их к Востоку и всей своей мощью двинусь на тебя и не пощажу тебя, и не дам ни покоя, ни отдыха, пока не загоню тебя на край вселенной. Тогда ты узнаешь и поймешь, как безрассудны и прискорбны твои поступки. Ибо, куда же я поведу, где я размещу несметное множество моих войск, когда приведу их оттуда, и где та страна, которая вместила бы их, или я не сделаю так, как говорю?» Перед этими угрозами в этот год хазеры успокоились и возвратились к себе через те же врата.

Но когда владетель их князь увидел ту огромную добычу, золотые изделия и сосуды, пышные одеяния и множество угнанных в плен людей и скота, захваченных во время набегов, про себя решил на следующий год самому перейти на эту сторону. И вот он распорядился, чтобы все, кто находился под его властью, все племена и роды, проживающие в горах или долинах, на суше или на островах, оседлые или кочующие, бреющие головы или носящие косы, чтобы все они были готовы явиться по первому же зову его.

И вот, на 38-м году Хосрова, это был тревожный год его убийства, пришел тот самый Джебун хакан, о котором речь шла выше, вместе со своим сыном. И никто не мог бы сосчитать его несметное войско. Когда страшная весть о вторжении пришла в Алуанк, присланный Хосровом правитель и князь Алуанка Гайшак захотел укрыть народ страны в великой столице – в крепости Партав. По его приказанию множество жителей окрестных гаваров укрепились в городе. Он думал с помощью вельмож страны и жителей города

оказать сопротивление хазирам. Но он с тревогой следил и видел, что произошло с большим укрепленным городом Чора, с воинами, сторожившими его, с мощными стенами, построенными за большие деньги персидскими царями, которые, изнулив свою страну податями, с помощью строителей построили из различных материалов великолепное сооружение и закрыли проход между Кавказским хребтом и великим Восточным морем...

ГЛАВА XXIII. О НАШЕСТВИИ ХАЗИРОВ В АЛУАНК И РАЗГРОМ ИХ ДЖУАНШЕРОМ НА ТОЙ СТОРОНЕ РЕКИ КУРЫ

После всего этого, спустя 2 года, хазире вторглись в Алуанк грабить и обирать. Тогда князь Алуанка, надев доспехи и вооружившись, пошел к всепобеждающему Кресту, стал перед ним на колени и запел песню царя Израиля: «Господи, Боже мой, возьми щит и латы свои... и прегради путь двинувшимся на меня».

Во главе своих войск он переправился на другой берег великой реки Куры и дал им сражение. И просьба его была услышана, когда во время битвы его стремительный конь споткнулся и сбросил его, но не убился, ибо Господь протянул ему руку и поднял его. Поднявшись на ноги, он поражал врагов и, одержав в тот день великую победу, обратился к предводителю варварского племени со словами: «Уходи, выйди обратно в ворота Чора, и не смей больше приходить сюда, ибо сам Господь преградил путь твоего выступления».

ГЛАВА XXIV. ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА ГОСПОДНЯ В КРЕПОСТИ ГАРДМАН, ОСВЯЩЕНИЕ И БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЕГО ДЖУАНШЕРОМ И УСТАНОВЛЕНИЕ В НЕМ КРЕСТА ХРИСТОВА

После победы Джуаншера над хазирами, по прошествии 2 лет после изгнания войск хазиров из Алуанка, было завершено строительство великолепного храма во имя Божье. И пошел Джуаншер к вечному свету, опустился перед ним на колени, стал молиться: «Приди же теперь, Господи, в покоище Твое, которое построил я во имя Твое, под кров животворного древа Твоего». Затем взял он с собой католикоса вместе с епископами, и всех нахараров своих и двинулся по направлению к монастырю, находившемуся на расстоянии 1 дня пути к северу от города Перож-Кавата. Здесь он на коленях помолится в монастыре, построенном в пустынном месте между двумя гаварами, как пристанище себе и всем прибывающим

туда, полном всякого добра. И отдал он повеление, чтобы никому не было отказано в приюте. Затем, выступив оттуда с многочисленной свитой, он вступает в гавар Гардман. Было 11-е число месяца араца, когда он установил светозарный Крест в доме, им построенном. И там, став на колени, в грустном раскаянии и в слезах молился Всетворящему...

ГЛАВА XXVI. СВАТОВСТВО ДЖУАНШЕРА И УСТАНОВЛЕНИЕ ДРУЖБЫ С НЕПРИЯТЕЛЯМИ [ГУННАМИ]

Так мужественный Джуаншер спокойно восседал на троне своем, когда на следующий год в день зимнего равноденствия с многотысячной конницей выступил царь гуннов. И хотя еще до этого Джуаншер приказывал стране своей быть настороже и укрепляться, однако вторгшиеся гунны перешли на эту сторону реки Куры, добрались до берега Ерасха и угнали в полон не только жителей Алуанка, но и гаваров Айрарата и страны Сюник, угнали отары овец и стада скота, спустившиеся на зиму в долины на пастбища, и пригнали их в свой лагерь.

Тогда царь гуннов пожелал видеть Джуаншера. И отправил он к нему братьев своих и через них просил о встрече, дабы установилась между ними братская любовь. А храбрый и мужественный государь и не думал бояться его; хотя ни один из персидских царей не осмеливался лицом к лицу предстать перед царем туркестанским.

Смело, с бесстрашным сердцем он пал ниц перед Крестом Спасителя и сказал: «Хотя я и иду к теням смерти, но не боюсь ничуть я зла, потому что Ты, Господи, со мной». И двинулся он в путь к ним со свитой царской. А царь гуннов в свою очередь вышел ему навстречу и, приплыв на челне к этому берегу реки, остановился в тихих и глубоких водах. Договорившись между собою о мире, они решили прекратить раздор и, что главное, установить братскую дружбу. И заключив договор, каждый возвратился в свой стан.

А вот какую доблесть проявил мой храбрый господин на следующий день! Переправившись с 17 мужами на другой берег реки, он пришел в лагерь гуннов и взял себе в жены царскую дочь, вернул он из плена обратно 120 000 голов скота, 7000 лошадей и жеребцов и освободил не меньше 1200 пленных. Так с радостным сердцем возвратился он к себе. Пав на колени перед Господом, он лил слезы радости и молился, говоря: «...не на лук мой уповаю, Господи... но Ты спасешь меня, ибо Ты хвала моя, Господи». Тогда

повелел он, чтобы добычу, которую он вернул, мужи верные раздали каждому свое. Это было на 28-м году тех трех десятков лет, в продолжение которых с молодых лет до зрелого возраста, он, как властвующий спарапет, совершил много подвигов храбрости, достойных похвал, проведя три четверти своего правления вначале в Персии, а затем у ворот гуннских, подвигов, прославивших его в целом свете, молва о которых разнеслась далеко – от востока до запада и от севера до юга, среди всех – как среди арийцев, так и неарийцев.

Теперь же я хочу рассказать и о том, зачем и каким образом дарящий милости Крест явил свет из тьмы и помог сорвать цветок из пламени...

ГЛАВА XXXVI. О ВСТУПЛЕНИИ ВАРАЗ-ТРДАТА НА КНЯЖЕСКИЙ ПРЕСТОЛ ДЖУАНШЕРА. ГУННЫ МСТЯТ ЗА СМЕРТЬ ЕГО. ВАРАЗ-ТРДАТ ЗАКЛЮЧАЕТ МИР С ГУННАМИ

Затем, когда прошла печаль, утихло горе, и мучительное бедствие было несколько позабыто, все князья страны этой – нахарары и родоначальники, наместники, правители, вельможи пришли к великому архиепископу Елиазару думать о мире и благе страны Алуанк. Заботясь о власти в стране, они единодушно избрали одного нахарара, возвеличенного императором в сан апуипата патрикия, по имени Вараз-Трдат сына Вараз-Перожа, брата Джуаншера. Католикос и князья страны в единодушном согласии спешили как можно скорее завершить это дело. И тут же все вельможи распустили свои знамена с изображениями зверей, протрубили в трубы, подняли его на щит с золотым пупком и трижды подбросили его вверх, восхваляя его.

Вот таким образом с превеликим ликованием, передав ему сан первого князя отеческого престола, они преподнесли новому правителю дары и подарки. Доблестный Вараз-Трдат еще прежде отличался своей мудростью, относясь ко всем с любовью и заботой. А когда достиг он престола правителя страны своими мудрыми и ласковыми словами, покорила и склонил к себе, сердца всех, хотя некоторые его родичи и завидовали ему, и вынашивали бесплодные мысли. Терпеливый, кротостью своей он подчинил себе страну в пределах прежнего владычества и скоро завладел также славной столицей Партавом.

В то самое время полководец и великий князь гуннов Алп-Илиту-

ер, взяв с собой многочисленное свое войско и прибывших из разных мест страны Говг доблестных людей, вооруженных военачальников, со знаменами, отрядами лучников и щитоносцев, а также всадников, одетых в латы и шлемы, вторгся в страну Алуанк и стал опустошать области у подножия великих Кавказских гор и поселения гавара Капалак, как бы мстя за кровь Джуаншера. Сам он во главе своей многочисленной дружины пролетел через долины и, переправившись через реку Куру, перешел в гавар Ути, и стал сгонять людей и скот из того гавара, грабил и угонял всех в полон. Затем все гунны возвратились и расположились лагерем в долине у пределов Лпинка.

Князь же Алуанка Вараз-Трдат, узнав о том, что многочисленные полчища гуннов беспощадно разрушают все, грабят и уводят в плен народ, весьма огорчился и пришел в недоумение. Затем отправил он к князю гуннов великого епископосапета Елиазара, чтобы через него выразить ему свою верную покорность и любовь, которую Вараз-Трдат питал к нему, как к любимому брату, и передать, что они не причастны к убийству Джуаншера, и это преступное злодеяние совершено рукою одного подлого и мерзкого человека. Все это передал католикос Алуанка князю гуннов, добавив еще много изречений божественных, незнакомых тому, приблизив его тем самым ко страху и любви к Богу, склонив его к миру и нерушимой дружбе. Так Елиазар убедил князя гуннов стать защитником и подмогой власти Вараз-Трдата. И тот, сняв лагерь, вернулся в свою страну.

ГЛАВА XXXVII. О ПРЕУСПЕВАНИИ ВАРАЗ-ТРДАТА И ПОЛУЧЕНИИ ГАҺА И ПАТИВА ОТ ПРАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН. КОНЧИНА ДАВИДА, ЕПИСКОПА МЕЦ КУЭНКА. ПРЕСТОЛ ЕГО ЗАНИМАЕТ ИСРАЭЛ, СДЕЛАВШИСЬ ДОБРЫМ ПАСТЫРЕМ

После этого Вараз-Трдат, милостью Божьей избранный князем, день ото дня преуспевал в управлении страной. Могучим и царственным властелином тачиков он был утвержден на княжеский престол, получил право быть наместником Восточного края и властвовать над всем царством Алуанк и гаваром Утик. Побеждая и подчиняя себе всех, он радостно и твердо правил в своих пределах. В это самое время присоединился к отцам своим хайрапет Мец Куэнка блаженный Давид, который за свое рвение к добру был прозван добрым на земле, а на небесах сделался участником торжеств ангелов. Т.к. паства его осталась без пастыря, а церковь пребывала в печали, то благочестивый князь Алуанка посоветовался со своим полководцем

и с католикосом Алуанка и со всеми епископами и нахарарами, чтобы поскорее осуществить божественное таинство, и говорит: «Давайте этого избранника Божьего Исраэла, мужа добродетельного назначим на престол божественного блюстителя в гаваре Мец Колманк, чтобы просвещал он их как мудрый законоучитель, согласно повелению Божьему». А Исраэл хотя вначале противился, но когда принудили его княжеским повелением, не стал дальше упорствовать, вспомнив апостольские слова: «...Если кто епископства желает, доброго дела желает», а также вспомнил он видение, явившееся ему в юные годы в святой церкви в городе Валаршапате, и потому, воскликнув, сказал: «Да исполнится воля Божья».

Тогда князь срочно отправил мужей старейших из числа главных нахараров, чтобы они немедленно доставили к нему Исраэла. Те, прибыв в гавар Миджнарцах, нашли его в своей обители, в Глхованке. Там и был созван собор иереев епархии. Затем оттуда они были снаряжены в путь с соответствующей грамотой и вместе с Исраэлом прибыли к католикосу и князю Алуанка и представили им воспитанного в святости Исраэла в монашеском облачении. Взяв похвальные грамоты паствы католикос и полководец заключили соглашение между сторонами, которое затем скрепили печатью полководец и нахарары.

Оказав Исраэлу нужные почести, католикос рукоположил его в епископы гавара Мец Колманк и отправил его в свой гавар с многочисленной свитой и с грамотой о посвящении. И прибыл он в прежний епископосаноц, называемый Талдзанк, где был встречен сопредстольниками своими, старейшинами и всем народом с пышными почестями. А сам Исраэл проповедовал свое учение лучше, чем кто-либо прежде. Взяв крест славы, простирая руки, он возносил Богу молитвы о благе страны своей. И был он славен своим воздержанным благочестивым образом жизни, объезжал все гавары своей епископии и силой наставнического дара утверждал население в соблюдении заповедей православной веры.

Таким вот образом и примером своим он осуществлял богоучение, еще более озаряясь любовью Христа.

ГЛАВА XXXVIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАРАЗ-ТРДАТ ОТПРАВЛЯЕТ ЕПИСКОПА ИСРАЭЛА В АРАРАТСКУЮ ОБЛАСТЬ К ВЕЛИКОМУ НАЙРАПЕТУ АРМЯНСКОМУ САНАКУ И К БЛАГОЧЕСТИВОМУ КНЯЗЮ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЛЮБВИ

В то время у благочестивого князя Вараз-Трдата возникла мысль отправить епископа Исраэла к великому католикосу армянскому и к благочестивому князю Араратской области с целью укрепить любовь и согласие с ними. Узнав о прибытии Исраэла, они вышли ему навстречу, оказывая великую любовь и почести. Они дали ему отдохнуть с дороги и некоторое время погостить в прославленном на всю вселенную городе. Перед этим князь и великий полководец Армении перевез в город Валаршапат Араратской области превосходные мощи мученика Христова святого Григора, все кости его из Тордана, что в гаваре Даранали и поместил их под сводами церкви, построенной незадолго до этого великим Нерсесом во имя святого Григора. Епископ Исраэл пал на колени перед католикосом и полководцем армянским и стал усердно умолять их исполнить желание его души, его просьбу: «Дайте мне, говорил он, частицу от мощей святого Григора», но те не соглашались, говоря, что они никому еще не давали от мощей святого Григора, что они не имеют права взять от мощей и передать ему.

Тогда он обратился за помощью к княгине Елинез, госпоже Великой Армении. Она сама была родом из наханга Алуанк и потому помогла ему. Окруженная свитой, она явилась к католикосу и попросила не отказать Исраэлу в его просьбе о мощах. Она уговаривала также и супруга своего, полководца Армении, дать ему от мощей: «Исполните просьбу, дайте частицу от мощей великого Григора на долю моей страны и дому отца моего, посланцу страны моей, чтобы исполнилось его желание и чтобы уехал он от нас с радостным сердцем». Тогда человеколюбивый Бог возбудил в сердцах обоих единодушное согласие дать ему частицу от законоучительной челюсти великого Григора, исповедовавшего Христа. Тот, приняв желанное сокровище от них и будучи удостоен великих почестей, простился с ними и, уповая на милость Божью, пустился в обратный путь. Так они ехали со светлой славой и через немногого переездов с радостным сердцем благополучно прибыли в свою страну. Здесь принесенную святыню он поместил в своей обители – в Глхованке.

ГЛАВА XXXIX. СОВЕЩАНИЕ КНЯЗЯ ВАРАЗ-ТРДАТА СО СВОИМИ НАХАРАРАМИ ОБ ОТПРАВКЕ ЕПИСКОПА ИСРАЭЛА В СТРАНУ ГУННОВ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

На 62-м году южного царства надменного Магомета, Вараз-Трдат, князь Алуанка, посоветовался с нахарарами – родичами своими и католикосом Елиазаром и сказал: «Эти подати, которыми обложило нас лютое племя тачиков, слишком уж тяготеют и теснят нас. Другое невыносимое бедствие для нас – это набег полчищ гуннов на нашу страну, повторяющиеся из года в год. Так, насилие неприятелей с двух сторон разорило и опустошило нашу страну. Давайте, близкие мои и любимцы, изберем епископа одного из нашей страны и отправим его к этим двум государям для нашего же спокойствия, чтобы он с Божьей милостью склонил их к миру и нерушимой дружбе с нами, чтобы мы не смотрели на них с опасением и враждой».

И когда все князья и нахарары согласились с ним, тут же выбрали мудрого и скромного епископа гавара Мец Колманк по имени Исраэл и настоятельными просьбами уговорили отправиться к гуннам. И т.к.своей благопристойной жизнью и мудростью души он истинно отличался среди всех остальных и умел завоевывать души других и не преступал заветов покорности и любви, то он согласился немедленно двинуться в путь в далекую страну гуннов.

Тогда приготовили дары и подарки для царя гуннов, снабдили продуктами его и тех, кто должен был сопровождать его в дальнюю дорогу, и 18 числа месяца меhekана отправили в путь. Выступив с миром из города Пероз-Кавата, они перешли великую реку Куру, пересекли границу Алуанка и на 12-е сутки достигли города лпинов, откуда навстречу ему вышли все жители города и приняли его с радостью и почестями, которые подобали его епископскому сану, тем более, что приближался праздник богоявления Господня. Прибыв в город, они остановились на отдых и совершили там вечером праздник. Оттуда они перешли в страну чилбов, что у склона великой горы. Там, на склонах Кавказских гор, дующие с севера холодные зимние ветры подняли страшную вьюгу. Трое суток они не могли даже глаз открыть, чтобы отыскать дорогу. Крайне утомленные, путники были встревожены борьбой дьяволов, поднявших вой и гром, но не сумевших напугать все же мужа Божьего. Взяв в руки Крест, Исраэл велел всем опуститься на колени и помолиться. Затем они вместе с ним поднялись на гору, называемую Вардедру-

ак. Силою божественного Креста и молитвами великого епископа утихли ветры, усмирилась вьюга, и они перевалили через вершину громадной горы. Но еще много дней после этого не было видно ни звезд, ни солнца и держались крепкие морозы. Так, утомленные и обессиленные они шли еще много дней, пока не прибыли в древнюю царскую резиденцию, в ту самую, где был удостоен венца мученика католикос Алуанка святой Григорис, внук великого Григора. Выйдя оттуда, через несколько дней они достигли ворот Чора, вблизи Дарбанда.

Там горожане с большими почестями приняли их, а затем и проводили дальше. Наконец, накануне 40-дневного поста они прибыли в великолепный город Варачан. Узнав о его прибытии, великий князь гуннов вышел ему навстречу с приветствием, принял с великой радостью, оказав его святейшему должные почести и уважение. А когда наступили светлые дни 40-дневного поста, Исраэл был принят горожанами с великой любовью, они были рады ему и оказывали почести, особенно сам радетельный князь и благородные вельможи. Увидев этот радушный прием и лобызания святой любви, обрадовался весьма епископ и поблагодарил Христа за его неизречимые дары. Так, после утомительных трудностей он долгие дни отдыхал, в течение которых, однако, слышал много богохульств и видел суеверие несчастного, но приветливого народа. Он был огорчен и опечалился, увидев множество зла и раздвоение веры, ибо были люди, которые называли себя богопоклонниками, но отреклись от силы Бога и были чужды ей.

ГЛАВА XL. ЕПИСКОП ИСРАЭЛ ПРОПОВЕДЯМИ СВОИМИ ОБРАЩАЕТ ГУННОВ В ВЕРУ ХРИСТИАНСКУЮ. УВИДЕВ ЧУДЕСА, ОНИ ПОКОРНО ВНИМАЮТ ЕМУ

Преданный сатане, народ этот, охваченный заблуждением древопоклонения, по северной холодной глупости своей вздорные и ложные верования, скверные языческие обряды свои считал выше других. Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или другое животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару, и служили ему. И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тангри-хану, которого персы называют Аспандиат, приносили в жертву коней на кострах. Не имея вовсе здравого суждения, они предавались всяким заблуждениям. Трубили в трубы и били в ба-

рабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах. То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предаваясь скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость, ибо были лишены света Творца. Они приносили жертвы огню и воде, поклонялись каким-то богам дорог, и луне, и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными. И еще преданные похотливым желанием, присущим Афродите, по диким языческим нравам своим жен отцов своих брали себе, или 2 брата брали 1 жену, или 1 брал много разных жен. Имея много разных безобразных обычаев и суеверных обрядов, не могли они увидеть и познать Солнце справедливости.

Услышав и увидев их злонравные верования, пагубное поклонение идолам и развратные обычаи, епископ Исраэл денно и ночью молился Богу о спасении этой страны, дабы найти средство обратить их в христианство. И тогда по велению его было установлено время богослужения, чтобы все гунны-вельможи, азаты и рамки собралась поклониться святой церкви и выслушать божественные заветы. Тогда они собралась в Господнем доме – князь и толпа народа, выражая желание выслушать речи епископа, и говорили друг другу: «Давайте послушаем от него слова утешения, ибо он есть проповедник святого христианского учения, возвещающий миру заветы Святого Духа.

Увидев их готовность охотно выслушать его, Исраэл начал свою проповедь о вероучении божественных книг. Он говорил им: «Дети мои, обратитесь в христианство и познайте Господа Бога, дабы Он умилосердился и даровал вам жизнь. Ибо Он есть Господь и Творец всего. Оставьте отныне свои скверные верования и не поклоняйтесь больше творениям, ибо все это от дьявола и губит души. Ибо никто не может служить одновременно двум господам, никто не сумеет одновременно испить чашу Господа и чашу дэвов и невозможно отвесть от стола Господа, отведав в то же время от стола дэвов. Да забудет Бог грехи ваши, совершенные сознательно или несознательно, и да ввергнет вас в горнило познания в назидание справедливости. Тот, кто просветил всю вселенную бо-

гоприемлемой купелью, рассеял мрак и тьму погруженных в неведение языческих народов, явив им свет истинной веры, просветит и вас своей лучезарной милостью, лишь только приступите к Богу несомневающимся разумом, любовью твердою и утвердитесь во славе Сына Божьего. Исповедуйте и веруйте в святую Троицу. Ибо и сонмы Серафимов славословящими голосами трижды воззвали: «Свят, свят, свят Господь! Вся земля полна славы Его!» Не видите ли вы силу триединого божества, как завещали нам прежде божественные апостолы и мученик Христа – Григориос, что Отец от Себя, Сын от Отца, а Дух Святой из сущности их. И вся земля полна славы Его т.е. проповедано будет сие Евангелие Царствия, согласно слову Спасителя, во свидетельство всем язычникам, оно распространилось по всей вселенной и наполнило ее, как об этом гласит псалом: «По всей земле проходит звук их и до пределов вселенной слова их». А другой пророк говорит: «Ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море».

И вот видим мы сегодня, что и над вами воцаряется слово Божье и, распространившись, плодоносит на нивах ваших сердец; благодаря трудам искусных земледельцев зерно принесло обильный урожай – иное 100, иное 60, и иное 30. И если столь плодородны ваши нивы, то зачем же вы позволяете смертоносной птице опускаться на целомудренную и цветущую ниву вашего разума? Разве не знаете вы, что праотец наш Адам, по этой именно причине, был изгнан из рая и унаследовал поросшую тернием и волчецом землю, о чем повествует и апостол. Когда беззаконный князь пожелал стать Богом, то простер он руку и связал всех людей грехами. Он же, сгорая от зависти к первосозданному человеку, за то, что выделил его Бог, возбудил в нем непокорность и соблазнил Каина коварной мыслью убить брата. Этим убийством он и его несчастный род стали отцами всех телесных грехов, сомнений и семени проклятий, о чем и говорится в книге Бытия: «И взял себе Ламех две жены», а Иувал, сын Ламеха, сочинял песни, изобрел лиры, а также трубы, арфы, барабаны и все другие музыкальные инструменты, издающие звуки, которыми призывали к идолопоклонству и возбуждали страсти к прелюбодеянию.

К этому призывал и Навуходоносор, который иступленными звуками металлических инструментов созывал толпы людей поклоняться и приносить жертвы отлитому из золота громадному истукану в день торжественного праздника его.

Не видите ли беспредельной злобы племени Каинов, поклонявшегося дьяволу? Ведь как убийство произошло от сатаны, так и двоеженство, и создание музыкальных орудий следствие его же, искусителя, подстрекательства. Так потомки Каина погрузились в прелюбодеяние и развратные помыслы, смешавшись с проклятыми дочерьми племени сифов. И взамен добрых обещаний Бог послал им в наказание потоп водный и всемирную погибель. И лишь Ной, поскольку он один оказался праведным среди племени своей святостью, повелением Бога был спасен со своим семейством от наказания – потопа. Так удостоились уважения и вознаграждения вера и святость.

Вот и Ханаан, как рассказывается, был проклят за наглость Хама, осмеявшего Ноя. «Проклят Ханаан; отрок, раб рабов будет он у братьев своих». Видим мы, что из рода его произошел исполин Нимрод, который бесовским колдовством соблазнил все народы собрать камни для столпотворения. Сам же, возгордившись своим исполинским ростом и колоссальной силой, стал царствовать над всеми остальными, как о том и писано: «Царства его вначале составляли: Вавилон». Мы узнали также из историй некоторых летописей, что и после разрушения столпа и смешения языков Нимрод, крайне возгордившись, уподобив себя богам, велел своим искусным ваятелям изготовить свои статуи из серебра и меди, отделать золотом и назвал их своим именем. Многие племена из этих заблудших народов приносили жертву его изображению. Такими вот теперь я вижу и вас, вижу, как вы, колеблющейся душой преданные суевериям, блуждаете тут и там по нехоженным стезям, поддавшись обману колдунов и чародеев, ворожителей халдеев и некоему дикому исполину Аспандиату, которому приносите в жертву лошадей. И не можете понять того, что почитатели нечистых сил сами не могут быть чистыми. Ибо как нечисты и поганы капища, так мерзки и скверны перед Богом все те, кто приносит жертву Аспандиату, согласно Писанию: «...Мерзок перед Господом развратный и с праведными не имеет общения». Вы также почитаете богом и называете спасителем молнию небесную, которая сверкает во время грома. Подумали бы вы, о, невежественные люди, куда же деваются молнии облаков и громов раскат на те 6 месяцев, пока свирепствуют зимние морозы? Разве не по мановению Творца нашего Бога сверкают молнии и не по повелению ли Его перестают и умиряются они, не смея являться в зимнее время? Ясно из этого, что они не боги, но творения Бога Творца. И заблуждаетесь вы жестоко, не

внимая словам: «Боги, которые не сотворили, неба и земли, исчезнут с земли...». Смотрите вы и знайте, что лишь Господь Бог есть изначальное, и прежде Его нет никого. Он Творец всего, видимого и невидимого. Бог едиnorodный Сын, рожденный от Отца. Бог и Дух Святой, что из существа их. Ими и сотворен мир.

Отбросьте впредь свое старое заблуждение и поганое идолопоклонство, обновитесь обновлением разума своего, чтобы избрать себе лучшее. Ибо Иисус Христос появился на свет, чтобы спасти грешных. Придите, обратитесь к нему путем раскаяния. Не поклоняйтесь больше солнцу и луне, но поклоняйтесь Богу, сотворившему солнцу и луну, небо и землю, море и все, что в них. Тем, кто поклоняется солнцу и луне, достанется на долю огонь неугасимый. Те, кто приносит жертвы водам, как камни утонут во глубине вод. О тех, кто поклоняется лиственным деревьям, принося им дары, так сказано в Божественном Писании: «Зажжется огонь на всяком древе в поле и пожрет беззаконников и не погаснет». О тех же, кто вешает на себя золотые или серебряные изображения змея, Писание гласит: «Ни серебро их, ни золото их не может спасти их в день гнева Господа», который в силах снять тяжкое бремя страданий и вечного ада с грешных ослушников, которые столь же нечестивы, сколь и язычники». Все это и еще многое говорил великий Израэл, первосвященник Божий.

ГЛАВА XLI. ГУННЫ ВЕРУЮТ В ХРИСТА ЧЕРЕЗ ЕПИСКОПА ИСРАЭЛА. РАЗРУШЕНИЕ КАПИЩ И ВОДРУЖЕНИЕ КРЕСТА ХРИСТОВА

Доброжелательный великопрестольный князь Алп-Илитуер, его вельможи и многочисленные воины, вдохновенные весьма словами мужа Божьего, увлеченно, с охотой слушавшие его красноречивые проповеди и сладостные наставления, стали восславлять Бога, говоря: «Теперь мы истинно веруем, что Господь чрез Израэла ниспослал нам свое благодатное утешение, чтобы удержать нас от неразумных дел и всяких дьявольских поступков».

А затем, искренне и смиренно предавшись служению игу Христову, они украшали себя святостью и скромностью в дни сорокадневного поста, строго постились и в духовном рвении молились неустанно денно и ночью и спешили на поклонение святой церкви, забыв прежнюю прожорливость, которую святой епископ благодарностью своих светлых наставлений соскреб с их умов.

Беспрекословно повинуясь велению святого епископа, боголюбивый князь, муж весьма благомыслящий, обязался вместе со всеми своими приближенными ежегодно свято соблюдать 7 седмиц. Будучи сам весьма благочестивым, он немедленно сделался исполнителем Божьей заповеди и разогнал сыновей мрака.

Уверовав в светлое учение Его, он изо дня в день украшался любовью Христа, становясь желанным пристанищем для святой веры. Приблизившись к животворящей жизни, он стал достойным сыном благодати Божьей, будучи земнородным своей страны. Выделяясь силой и доблестью, он прославился в состязаниях, как победитель на греческих олимпиадах, отличившись силой среди всех остальных, он снискал себе великолепное имя доблестное, совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хакане хазиров, он снискал любовь хакана, и тот выдал за него свою дочь. А также был он удостоен сана илитуерства и прославлен в пределах всех трех стран, потому что наставления епископа о светлом вероучении он принял как венец славы. Он старался постепенно прекратить исступленный плач над мертвыми и бешеную резню и, поняв, что отечественные верования скверны и отвратительны, он дал перед всеми обет разрушить капища Аспандиата запретить жертвоприношения другим языческим богам и повелел поклоняться только живому Богу, Творцу небес и земли, а также Сыну Единорожденному и Духу равносильному. Выбросив вон из головы своей всю скверну зла, он, как младенец новорожденный, жаждал цельного молока. Во многих местах он воздвигал церкви и умножал почести священников Божьих.

Тогда епископ и повелел срубить самое большое, посвященное скверному Аспандиату, дерево – дуб, с пышной кроной, которому приносили в жертву лошадей и который окропляли кровью жертвы, а голову и шкуру ее вешали на ветви этого самого дерева. Этот дуб был как бы главой и матерью всех остальных высоких, покрытых густой листвой деревьев, посвященных другим суетным богам, которым многие поклонялись в стране гуннов, в том числе сам князь и все вельможи, считающие дуб спасителем скверных богов, дарителем жизни и всех благ. Услышав о том, что епископ велел срубить посвященное богам громадное дерево, которым были соблазнены и погублены все они, колдуны и чародеи, ворожеи и жрецы вместе с простолюдинами, подняв вой и, бия себя в грудь, пришли к князю гуннов и вельможам страны и кричали громкими голосами: «Что вы

думаете, как вы смеее, как вы можете сделать то, что говорит вам наш противник враг богов наших – срубить дерево то! Зачем же вы во всем слушаетесь его? Зачем вы согласились ломать, разрушать и уничтожать наши капища и жертвенники отцами вашими построенные? Цари и князья, и весь наш народ по сей день почитали эти капища и получали от них и от деревьев священных добрые дары и умножение народа в нашей стране, они давали силу и победу в битвах с нашими врагами. За кого вы принимаете его, что так прислушиваетесь к его словам? Зачем вы даете ему власть совершать все это – разрушать, громить, уничтожать капища ваших богов? Ведь когда вы поклонялись и приносили жертвы и дары деревьям, посвященным колоссальному богатырю Аспандиату, вы получали все, просили и находили добро: больные получали исцеление, немощные – состояние, во время засухи палящей и в знойные, жаркие дни мы силою их вызывали дожди, которые охлаждали сильный зной, поили растения и саженцы, наполняли соками плоды на съедение вам и в наслаждение. А также для вас мы прекращали ливневые дожди и усмиряли громогласное возмущение и сверкание молний с облаков.

Теперь же, хотя вы и верите его словам заблуждения и поклоняетесь Богу, которого он проповедует, не следует, однако, вам отходить и отречься от ваших настоящих богов, которым поклонялись ваши предки и вы тоже, не следует бросать их и предавать в его руки, чтоб он разбивал их и попирали ногами. Но поклоняйтесь им тоже, чтобы не рассердились они и не наказали нашу страну великими и жестокими ударами. Впрочем, кто дерзнет пойти, приблизиться к тем местам, где построены капища и храмы богатырскому Аспандиату, дотронуться до них или же к тому дереву пышнорастущему, являющемуся хранителем и защитой нашей страны? Разве оно не наказывало жестокими мучениями и бешенством, а то и смертью тех, кто по незнанию брал для своих нужд из опавших листьев или сучьев того дерева, не истребляло ли их дом и род? Ему ли [епископу] теперь приблизиться, дотронуться и срубить его или разрушить капища наших богов? Мы знаем, если он заупрямится и приблизится к ним, то будет наказан тяжкими муками и даже жизни может быть лишен».

Тогда князь гуннов ответил колдунам и чародеям, ворожеям и жрецам, и служителям капищ и деревьев: «Мы поверили мужу сему и веруем, и поклоняемся Богу, о котором он проповедует нам. И не

запретим мы ему разрушать капища, вырвать, срубить и сжечь в огне то самое дерево. И если теперь вы с помощью капищ и храмов или деревьев, посвященных Аспандиату, сумеете утратить его или же ввергнуть его в тяжкий недуг, или даже ниспошлете ему смерть, тогда мы поверим вам и велим тут же строить капища и храмы и воздвигать идолов. Будем поклоняться деревьям, принесем им жертвы и дары, как и прежде. Но если вы не сможете воспрепятствовать ему, не утратите его и он разрушит капища и жертвенницы, срубит дерево и сожжет в огне, и не постигнут его ни напасти, ни смерть, тогда мы поверим, что он послан нам Богом и поклонимся единому Богу, сотворившему небо и землю, солнце, луну и звезды. А вас, связав вам руки и ноги, предадим в его руки, чтобы он и вас сжег вместе с тем деревом и уничтожил вместе с капищами».

Тогда колдуны, ворожеи и чародеи [слуги богини] Афродиты начали свое неистовое колдовство, стали обращаться к земле, с лживыми призывами, произнося вздорные и бессмысленные восклицания, но ничего не могли поделывать своим лживым и суетным искусством. Еще незадолго до того они опутывали людей невидимыми путями и любого, кого хотели, ввергали в тяжкие муки, вселяя в них бесов, а потом говорили им лживые слова: «Вы должны приносить жертвы и дары капищам и деревьям, а вы не приносите. Поэтому-то и постигло вас это наказание от великих богов наших. Теперь возьмите вы жертвы и дары и преподнесите капищам и деревьям. Вот тогда вы и исцелитесь от этих недугов и мук». Прежде все, что ни говорили они, сатана исполнял, чтобы внушить простым людям страх. Они же своим сатанинским и дьявольским заблуждением порой на виду у всех устраивали видимость проливных дождей и засухи, иссушающей землю, и всем этим соблазняли всех и приводили к гибели страну, ибо сами, будучи в заблуждении, вводили в заблуждение непостоянных.

Но на этот раз они не смогли сотворить чего-либо подобного; им не удалось применить свое колдовство и утратить мужа Божьего, и победить его, ибо знаменем Святого Креста все силы их были скованы, а чары заперты.

Тогда начал говорить святой епископ-законоучитель. Он сказал князю гуннов и вельможам: «Я не боюсь нисколько и не страшусь, не беспокоюсь об их суесловии. Они, лишённые надежды на истинную жизнь в Боге, думают утратить и меня своим языческим колдовс-

твом, как и всех других суеверных. Я не боюсь ни капищ ваших, ни высоких деревьев, которые изменяют свой вид передо мной. И я буду действовать бесстрашно, открыто, на виду у всех, уповаю на благодать Святого Креста Христова. Я избавлю ваши сердца от сомнений и от заблуждения поклонения деревьям, которые сами по себе ничто и ничего не могут сотворить: ни зла, ни добра, ни вознаградить служителей своих, ни наказать врагов, в чем сами убедитесь, на примере немых идолов увидев своими глазами, как я разобью их вдребезги своими же руками и брошу под ноги на поправление людям».

С этими словами епископ приказал священникам взять в руки топоры, опуститься на колени и помолиться Богу, читая следующий псалом: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его». Затем он осенил знаменем креста высокие деревья, посвященные скверному Аспандиату, после чего священники двинулись в рощу и повалили все деревья. Епископ тут же велел перевезти бревна в город Варачан. Пригласив к себе искусных мастеров по дереву, он приказал изготовить из круглых бревен прекрасный крест. Вырезав из дерева различные изображения, прикрепили их к кресту, украсили великолепными орнаментами и весь, сверху донизу, покрыли лаком.

А также с правой стороны его, сверху донизу, один за другим он разместил и прикрепил большими гвоздями сверкающие, великолепные серебряные кресты. В нижней части креста была сделана квадратная выемка, с двусторчатой дверцей, на которой была вырезана лилия. Туда и поместили серебряный футляр, в форме креста с частицею Креста Господня.

Соорудив крест и снабдив его различными и чудесными украшениями, он установил этот крест для обетов и молитв восточнее царского дворца и сказал: «Поклоняйтесь Господу, Творцу вашему перед животворящим этим крестом. Вы, что по невежеству своему раньше поклонялись дереву этому, ели мясо и пили кровь животных, принесенных в жертву дэвам перед этими деревьями, поклоняйтесь теперь этому Кресту и невидимому Богу. Ведь вместо посвященных деревьев воздвиг Он Крест свой во вселенной. Вместо крови жертв Он отдал свою кровь во искупление грехов наших. И я знаю, что все, что вы ни делали в прошлом, делали по невежеству своему. Впредь сами приближайтесь к престолу благодати Божьей, сбросьте с себя все тяжкие пороки вашего язычества, и да будете вы достойны носить ризу светлой славы».

И благоверный князь гуннов, услышав все это вместе со своими вельможами, еще больше ободрился в любви и страхе перед Богом. Он увидел и то, что ничего из того, чем грозили колдуны, не сбылось, и деревья близ капищ не причинили Исраэлу никакого вреда, и не постигли его ни тяжкие недуги, ни смерть. Но, напротив, епископ еще больше просветлел и ревностно усердствовал в служении Христу. Тогда и они более укрепились в вере и стали внимать словам его учения.

И повелел князь властью своей высокой схватить поклонящихся сатане и дьяволам колдунов и ворожеев, вместе с главными жрецами, связать им руки и ноги и привести их к мужу Божьему. Когда это было сделано, он отдал их в руки епископа. Тот повелел некоторых из них сжечь на кострах на перекрестках дорог и улиц, чтобы показать всем, как бессильно суетное колдовство, а некоторых бросил в темницы, и, таким образом, вся страна избавилась от суетных верований и покорилась наилегчайшему игу служения Христу. Он повелел также снять и выбросить вон золотые амулеты, которые носили на себе язычники. А сам на глазах у всех своими руками мял и скручивал их, придавая им вид креста, и тем самым показал всем свою праведность.

Все эти порядки были установлены в дни святого сорокадневного поста при многотысячном царском войске гуннов, а было это подготовлено и устроено рукою епископа Исраэла, волею Господа Бога, внушением Духа Святого, благодаря чему еще более распространилась благодать даров неизречимой славы Христа. Многие из старших жрецов и главных колдунов были еще в оковах и находились в темнице, когда настало светлое утро святой Пасхи. И вот по желанию князя Илитуера созвали всех горожан и там, на площади, назначили судилище. Общим спорящим сторонам была дана возможность высказаться перед многочисленным собранием народа. Начал епископ. Держа в руках Божественное Писание, он заговорил словами божественного учения, строго браня и осуждая их. А жрецы, жалкие служители суеверные, сгорали от стыда перед Крестом Господним, который епископ все время держал в руке, они трепетали и впали в отчаяние. Затем они стали поносить себя, признавая свои грехи, поклонились епископу и обратились в истинную веру. Пагубные кости чар они отдали епископу, предали огню, удостоившись тем самым возрождения из святой купели.

А когда князь гуннов увидел все это, то со всем множеством

народа еще более укрепился в любви к вере Христовой, оставив вовсе скверные суеверия, и в день освящения новоизготовленного Креста, установленного епископом при царском дворце, князь и все вельможи совершили жертвоприношение. И когда священники собирались воспеть благословляющие песни над дарами перед Крестом, епископ обратился к князю со словами: «Обет любви своей, которую ты питаешь к Богу, исполни сегодня перед Господом, дабы примирить Его с вами. Упраздни беззаконие, чтобы не было больше никаких препятствий на пути богопочитания. Теперь вот Святой Дух испытывает этих старших жрецов и вы, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный. И вот согласитесь со мной: в этот великий день праздника Пасхи прежде всего должно быть сожжено громогласное кладбище чопа, называемое Даркунанд, руками этих уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь кладбище-рощу, лишь после того они могут быть крещены и причащены».

Когда благочестивый князь гуннов услышал все это, то немедленно поручил ему разрушить капища. Тогда епископ и князь отправил некоего Мовсэса, мастера на все руки, вместе с другими иереями разрушать и сжигать капища, и, в самом деле, с помощью сонма главных жрецов, они подожгли и вообще уничтожили все скверные капища идолов. Сам епископ взобрался на возвышенное место напротив идолов, опустил на колени, осенил их знаменем Господним и тотчас поднялся сильный ветер, раздул пламя, огонь охватил и уничтожил высокое капище и скверные черепа и шкуры. Затем с великим ликованием они вернулись оттуда в город и приняли светозарное крещение. И день этот князь и вельможи сделали самым великим праздником из всех праздников и самым большим собором из всех соборов.

ГЛАВА XLII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГУННОВ ИЛИТУЕР СОВЕТУЕТСЯ СО СВОИМИ ВЕЛЬМОЖАМИ, ЧТОБЫ ЕПИСКОП ИСРАЭЛ ОСТАЛСЯ У НИХ И УТВЕРДИЛ ТАМ ПРЕСТОЛ НАЙРАПЕТСКИЙ

Собрал великий князь гуннов всех вельмож и нахараров своего царства на доброе совещание и говорит им: «Мрак невежества, затмевающий души наши, издавна окутывал нас, и потому мы не могли увидеть свет справедливости всей вселенной. Ныне Господь наш Иисус Христос благостью своей, в лице епископа сего, послал нам предводителя жизни, который и словами, и делами своими

укорял и ругал нас за наше беззаконие, и помог нам познать Бога, Творца всего и вся, его чудотворную силу, в которую я истинно уверовал разумом своим. И вот мы уверовали в единого Бога – Творца небес и земли. Возьмем мы в пример все страны, исповедующие эту веру, в частности, великое царство ромеев. Был, говорят, у них некий царь по имени Константинос, тот, который построил Константинополь. Он первым, говорят, во всем том царстве стал христианином и до того он был набожным, что ангел Божий служил ему, и этой верой своей, великой победой сокрушал всех врагов своих. И вот, если с помощью этой христианской веры можно так прославиться и победить, зачем же мы медлим уверовать в Бога живого? Вот муж этот, епископ Исраэл, учитель заповедей Божьих. Давайте попросим его остаться в нашей стране и просвещать нас».

Все вместе одобрили этот совет, и он отправил к епископу Исраэлу некоего знатного князя по имени Авчи, имевшего титул тархана и постельника своего Чаткаса. Прибыв к епископу, они рассказали о решении князей и о том, что говорили великий князь гуннов и все вельможи: «Отец наш, Творца нашего мы познали через тебя и, уверовав, поклоняемся всегда святой Троице. Нынче молим твою святость, чтобы ты согласился быть нам блюстителем и учителем, утвердив престол хайрапетский в нашем городе Варачане. И я, Илитуер, вступаю с тобой в обет Божий: все языческие верования сотру я с лица земли гуннов, а колдунов и чародеев, не желающих обратиться в веру, сожгу огнем. И каждого, кто в моей стране будет придерживаться язычества и тайно будет приносить жертвы идолам, истреблю и предам мечу. Да процветает богопочитание и да будет проповедано о неизречимых дарах Христа!».

И ответил им епископ и говорил: «Я не вправе сделать этого без позволения великого хайрапета Алуанка, святого Елиазара. Это в его власти. Я же имею свою епископию, как я могу оставить свою паству, которую Бог поручил мне пасти? О вас же да позаботится Господь Христос по человеколюбию своему, умножит и благословит и даст вам пастыря по вере вашей, который будет блюсти вас согласно Евангелию Христа». Но посланники дважды, трижды повторили свою просьбу. Тогда сказал им епископ: «Повремените же до тех пор, пока с благоволения Бога вернусь я в свою страну, к благочестивому чаду моему, Вараз-Трдату, князю Алуанка и к святому католикосу. И если будет угодно Богу и им, то Бог исполнит вашу просьбу. То, что вы обещаете мне, это не честь для меня.

Напротив, я счел бы за славу и за счастье и ликовал бы в Господе, если бы вы жестоко пытали и замучили меня здесь. О своем же намерении вам следует письменно сообщить всему народу Алуанка и хайрапету Елиазару, ибо еще со времен святого Елиша, принявшего рукополагание от святого Иакова, брата Господня, и по сей день Северо-восточному краю дан апостольский престол от Иерусалима – города богообитаемого. И вы сопредельны с этой епархией, и без согласия совета всех сопредельных, отцов и братьев моих, как можно мне так поступить? Ведь дело это новое и весьма велико его значение!»

Услышав от епископа все это, они исполнили его желание и с почестями отпустили его в свою страну.

ГЛАВА XLIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСРАЭЛА, ЕПИСКОПА МЕЦ КОЛМАНКА ИЗ СТРАНЫ ГУННОВ. ДВОЕ ИЗ ВЕЛЬМОЖ ПРИБЫВАЮТ ВСЛЕД ЗА НИМ И ПРОСЯТ ЕГО СТАТЬ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ГУННОВ

Великий и благочестивый князь гуннов Илитуер снарядил 2 вельмож своей страны Итгина из Хурсана и Чата-хазра вслед за святым Исраэлом, с дружественными предложениями и просьбой назначить Исраэла духовным предводителем страны гуннов. Вот копия грамоты: «Взором очей разума приняли мы посланца вашего мужа Божьего епископа Исраэла и через него приветствуем вас – владыка святой Елиазар, великий хайрапет Алуанка и любезный наш брат Вараз-Трдат, владетельный князь Алуанка. Вы просили у нас телесного мира, мы же духовным миром увидели в нем образ Божий и посредством его [епископа] святого жития и чудесных знамений, показанных нам Всевышним, познали Творца нашего и обрели мир в душах наших. Ныне мы просим Вас, дайте нам того же Исраэла блюстителем и предводителем, ибо благодаря ему многие обрели вечное спасение, и да утвердится между нами нерушимая любовь. Будьте здравы в Господе».

ГЛАВА XLIV. ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ ГУННОВ В АРМЕНИЮ С ТОЙ ЖЕ ПРОСЬБОЙ

«Епископсапету Великой Армении святому Сахаку и полководцу Армении многопохвальному князю Григору премного приветствий!

С самого начала сотворения земли предки наши почили в

аду, омраченные неведением и затуманенные незнанием. Мы же о пришествии Спасителя рода человеческого, о Боге всевышнем, о Христе, сошедшем на землю, знали лишь немного понаслышке, со времен наших набегов в вашу страну и в Алуанк, который ближе к нам. Теперь, когда мы увидели, что у вас со всей вселенной одна вера, то и у нас в сердце пробудилась добрая зависть. Исполнилось слово Христа Бога нашего и у нас, в стране северян, было проповедано Евангелие Его, которому нас основательно обучил Исраэл – муж превосходный, епископ области Мец Колманк.

Теперь же, услышав от прибывших к вам о знаменьях, совершившихся у нас соблаговолите исполнить нашу просьбу – отправьте к нам блюстителем того же Исраэла. Об этом мы просили и у Елиазара, святого хайрапета Алуанка, и зная, что вы с ним единоверцы и сподвижники, просим вас обоих исполнить нашу духовную просьбу. Ведь если он будет находиться среди нас, и мы с вами будем иметь одну веру, то и набеги войск наших диких народов на вашу страну прекратятся. Будьте здоровы!».

И вот, когда посланцы прибыли через Алуанк в Армению и, обменявшись приветствиями, рассказали обо всем том, что сотворил Господь рукою Исраэла в стране гуннов и вручили послания великого князя гуннов католикосу святому Саһаку и князю армянскому Григору, то и они, и все жители страны приняли их с великим ликованием и дали следующий ответ.

ГЛАВА XLV. ОТВЕТ НА ПИСЬМО ГУННОВ

От Саһака, армянского католикоса, от всей духовной братии, от князя армянского Григора и от всей паствы наших церквей – радуйтесь в Господе!

Мы беспредельной радостью благодарим Господа за обильные дары Христа, за животворное спасение ваше, посланное вам Богом, о которых было нам рассказано.

Письмо, написанное вами, новопосвященными слугами Божиими, мы получили. Из письма того мы узнали о благодетии Творца, который явил в стране вашей, как и во всех других странах, свет богопознания, и мы еще больше прославили человеколюбивого Бога за то, что не оставил Он вас в прежних суетных верованиях отцов ваших и предков, но ознакомил вас со своим священным именем и вы сделали истинными поклонниками Творца нашего Господа Бога.

Вот мы узнаем, что имя Его распространилось и наполнило всю вселенную. Из письма вашего и от посланцев ваших узнали мы о том, как вы, рукою блаженного епископа Исраэла, всем сердцем обратились в богопоклонение. И хотя мы и наша страна далеки от вас телом, но любовью сердца нашего мы как бы видим вас рядом с нами. Что же касается вашей просьбы отправить к вам епископа Исраэла, то это трудное дело, ибо не может же паства остаться без пастыря. Теперь вот нам тяжело и трудно не исполнить просьбы вашей, но есть причины тому: он же под властью престола не нашего, но престола Алуанка. Мы хотели бы и согласны, чтобы он всегда был с вами, но право и власть над ним имеет наш сопредостольник Елиазар, хайрапет Алуанка. Это его дело.

Так познайте же Бога живого, дарующего людям жизнь. Он умерщвляет, Он и животворит. И да утвердит вас эта же благодать Святого Духа в страхе Божьем и соблюдении заповедей Его. Мы же с непроходящей тоской в сердце будем поминать вас в нашей церкви. Будьте здоровы!»

Вернувшись из Армении в Алуанк, Итгин-хурсан и Чат-хазр явились в столицу Партав к католикосу Елиазару и князю Вараз-Трдату и на прощание попросили у них дать им епископа Исраэла. Но они не захотели дать Исраэла в предводители хазирам. Они сказали: «Он не может оставить совсем доверенную ему Богом паству и быть с вами. Но мы велим ему, чтобы он, по мере сил своих, приезжал к вам и возвращался и утвердил вас в вере Христовой, и сохранил нерушимую любовь, которая установлена между нами. На это мы согласны, ибо, будучи посредником между нами и вами, он положит конец вражде и утвердятся любовь и мир между нами».

Услышав все это, князья были изумлены и возмущены. Недовольные отказом, они все же были вынуждены согласиться и сказали: «Пусть же не медлит посетить нас Исраэл, чтобы не рушилась у нас уже заложенная им основа веры, и мы не остались сиротами, ибо мы не будем слушаться другого вардапета и не подчинимся ему».

Блаженный епископ Исраэл по приветливому нраву своему добровольно согласился поехать к гуннам, устраивал обе страны и попечительствовал также над новообращенной паствой Христовой, чтобы твердо сохранить обет и условия союза с ними. С одобрением выслушав слова благодатного епископа, они исполнились великой радости и с миром возвратились к себе, благословляя все-святую Троицу...

КНИГА 3

...ГЛАВА III. О НЕКОЕМ БАКУРЕ ДИОФИЗИТЕ, СТАВШЕМ КАТОЛИКОСОМ АЛУАНКА, ПРИНЯВШЕМ ПО ОСВЯЩЕНИИ ИМЯ НЕРСЭС

После кончины блаженного Елиазара, католикоса Алуанка, некий последователь ереси халкидонской по имени Бакур, некогда рукоположенный в епископы Гардмана и названный Нерсэсом, тайно сговорился с супругой Вараз-Трдата, госпожой Алуанка Спрам, исповедовавшей ту же ересь, и заключил с ней союз, дабы осуществить свое тщеславное властолюбие, говоря: «Если ты желаешь, возведи меня в сан хайрапета Алуанка, и я обращу весь Алуанк в последователей собора Халкидонского. И вняв ему, женщина зловерная уговорила епископов и вельмож Алуанка, и все они согласились исполнить ее просьбу, не подозревая в том предательства. Но всемогущий Святой Дух внушил Иовелу, епископу Мец Иранка, и тот потребовал у Нерсэса, чтобы он перед многочисленным собранием дал скрепленный своим перстнем дзернарк, грамоту, предававшую проклятию Халкидонский собор и послание папы Льва. И получил он эту грамоту, данную собору Восточного края согласно каноническим правилам и лишь после этого тот же епископ Иовел вместе с другими епископами удостоили Нерсэса сана хайрапета святого престола Алуанка. И тут же епископ Иовел взял грамоту с проклятием и хранил у себя. После этого прожив еще лет 14, он почил во Христе.

Тогда Нерсэс нашел время подходящим, чтобы осуществить свой умысел, и немедля поспешил в гавар Мец Иранк, и в лице Закарии, настоятеля монастыря, нашел себе сообщника, пообещав рукоположить его в епископы и дать ему церковный хас, лишь бы он вернул выданную им грамоту, чтобы сжечь ее. И тот [Закария] вернул ему грамоту, данную священному собору. Взяв грамоту, он [Нерсэс] тут же сжег ее и рукоположил Закарию в епископы Мец Иранка. Заручившись, таким образом, необходимой ему дружбой, он возвратился к прежней мерзости, осуществлению которой он ждал так долго. А госпожа Спрам заставила его, а с его помощью и других нахараров, принявших заразу халкидонскую, разрушить алтари во многих церквах и вышла победительницей, преследуя и изгоняя из страны православных отроков церкви, достойных наследников ее. Прежде всего изгнали епископа Мец Колманка, блаженного Исраэла, чудотворца, обратившего многие области хазии

ров и гуннов в христианство, а вместе с ним и епископа Гардмана Елиазара. Однако некоторые епископы, как-то: Иовханнэс – епископ Капалака, Саһак – епископ Амараса, Симэон – епископ hОша и великий князь Алуанка Шеро со своими азатами отвернулись от него и, созвав многочисленный собор церковной братии, предали проклятию Нерсэса со всеми другими еретиками и сообщили письмом в Армению об этих злосчастных событиях...

ГЛАВА XVI. О ВТОРЖЕНИИ ВТОРОГО МАҢМЕТА В АРМЕНИЮ И ПОКОРЕНИЕ СТРАНЫ. ИЗ АРМЕНИИ ОН СПЕШИТ В АЛУАНК И ВСТУПАЕТ В ВОРОТА ЧОЛА, ГДЕ УЗНАЕТ О ВОССТАНИИ АРМЯН, И ВОЗВРАЩАЕТСЯ. ВЗЯТИЕ ОМЫВАЕМОГО ВОДАМИ ОСТРОВА СЕВАН, ИСТРЕБЛЕНИЕ АРМЯНСКИХ И РОМЕЙСКИХ ВОЙСК. МНОГИХ ИЗ АРМЯНСКИХ КНЯЗЕЙ ОН УВОДИТ С СОБОЙ И СЖИГАЕТ ИХ ЖИВЬЕМ В НАХЧАВАНЕ. ОТТУДА ОН ДВИНУЛСЯ В СИРИЮ, ГДЕ И СДОХ ТЯЖКОЙ СМЕРТЬЮ, И ЕЩЕ КОЕ-КАКИЕ СКАЗАНИЯ ПОЛЕЗНЫЕ

В году 146 армянского летосчисления [697/698 г.] Маһмет Второй пришел в Армению и через Алуанк поспешно вторгся в Чола. Армяне же восстали и с помощью больших сил ромеев, осадив тачиков в Двине, истребили из них 62 000. В том же году прекратился род святого Григора. Узнав о восстании, Маһмет вернулся из Чола в Армению и в течение 3 месяцев осаждал крепость на острове Севан, а затем взял ее и предал мечу всех, кого нашел там. Оттуда он, пройдя по Армении, разгромил ромейские и армянские войска. А тех, кого не смог изловить, заманил в ловушку великими клятвами, коварством и обманом собрал у себя всех главных армянских нахараров – 800 мужей, угнал их в город Нахчаван, запер их в церкви и сжег живьем. 400 других мужей из армянских нахараров он сжег в Храме, а остальных предал мечу. Причиной гибели их было то, что они были объаты духом заблуждения – поносили патриарха, издевались над священниками и монахами и притесняли их. И хотя армяне приняли эти удары, Господь Бог не оставил Маһмета безнаказанным. По прибытии в Сирию Маһмет был охвачен тяжким недугом и, промучившись 7 месяцев в предсмертных муках, наконец испустил дух...

После этого увели князя Алуанка Шеро вместе с азатами – сначала в Тарон, а оттуда в Сирию. То было в 153 году армянского летосчисления [704/705 г.]. В следующем году угнали в Сирию владетеля Ширака. Спустя 2 года князь тачиков Мруан пошел на Гилан,

но не смог вступить в страну. И пришел тогда князь хазиров с 80 000 воинов и занял Алуанк. То было в 158 году армянского летосчисления [709/710 г.].

ГЛАВА XVII. ПРИБЫТИЕ АБДЕЛ АЗИЗА, КНЯЗЯ ТАЧИКОВ, В ГОРОД ПАРТАВ В АЛУАНКЕ. МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ДВУХ БРАТЬЕВ – МАНКИКА И МИРДАЗАТА

Спустя 2 года, в 160 году армянского летосчисления [711/712 г.], князь тачиков Абдел Азиз прибыл в Алуанк и остановился в Партаве. Там привели к нему 2-х братьев – Манкика и Мирдазата из азатов, которых за христианскую веру стали подвергать многим всевозможным пыткам. Блаженный Манкик был увенчан Христом и унаследовал имя мученика. Его превосходные мощи были помещены в большой церкви святого Григора в Партаве. А брат его, Мирдазат, не выдержав пытки, отрекся от Христа Бога перед многочисленной толпой. Но после он раскаялся и горькими, обильными слезами умиловил Того, которого прогневал. И после того, на протяжении всей своей жизни, он превращал слезы свои в купель очищения и омывал то, что, споткнувшись, осквернил. Из глубин сердца своего он возносил стенания ко Всеведущему и до конца дней своих находился в безутешной скорби. И принял его Бог милостивый и милосердный в сонм мучеников: в час смерти его совершились чудесные знамения.

В том же году Абдел Азиз перешел реку Куру.

А спустя еще 3 года пришел Мслиман, разрушил Дарбанд и вышел к хазирам, но, не получив ниоткуда помощи, вернулся, оставив там войска в полном снаряжении и даже наложниц своих. А патрику Вачагану Ераншахику, князю Алуанка, мужу отважному и лучнику искусному, с войском поручил защищать свой тыл, и хазирь, преследующие Мслимана, были разгромлены им и обратились в бегство. Так, ускользнув от хазиров, Мслиман направился в Иверию. А летом 174 года армянского летосчисления [725/726 г.] был падеж скота, а зимой была проведена перепись hЭрта, в результате чего и люди, и скот, и земли были обложены тяжелыми податями. В это же время аметедуки убили Джуаншера, князя Алуанка. В том же году умер Смбат, ишхан Армении. И был страшный голод в году 175 армянского летосчисления [726/727 г.]. Спустя 3 года, Джараһ вторично двинулся на хазиров вместе с абхазами. А в следующем году выступил царевич хазиров, убил Джараһа и взял в плен Дзагика.

В 180 году [армянского] летосчисления [731/732 г.] тот же Мслиман вновь отстроил Дарбанд для защиты тачиков, но дворец католикоса Восточного края не разрушил. Он и поныне стоит там».

ПЕРСИДСКИЙ ИСТОРИК АБУ САИД ГАРДИЗИ (XI В.) О ВЕНГРАХ, СЛАВЯНАХ И РУСАХ

Сборник документов по истории СССР. IX–XIII вв. – М., 1970.

«Венгры побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами и рассматривают их как источник рабов. И венгры – огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум и продают... И постоянно нападают на славян. И от венгров до славян 2 дня пути... И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит... И между печенегами и славянами 2 дня пути по бездорожью, и этот путь проходит через источники и очень лесистую местность. И страна славян ровная, изобилует деревьями, и они живут большею частью среди деревьев. Раса у них нет, и нет засеянных полей. Есть у них хижины, сделанные из дерева. Много там меда, так что из одного улья получается 50, 60 или 100 манов меда. И разводят они свиней, и имеют они стада свиней, так же как мы имеем стада баранов. И если умирает у них какой-либо человек, его сжигают. И если умирает у них женщина, то женщине режут лицо ножом. И когда сжигают покойника, на другой день приходят на это место, собирают его пепел, кладут его в мешок и оставляют на вершине холма. Когда минует год после смерти покойника, готовят много меда, собирается вся семья покойника на этом холме, пьют мед и поминают его. Они почитают быка, и большая часть их посевов из проса. И когда приходит время жатвы, все то зерно кладут в ковш, затем поднимают голову к небу и говорят: «Это дал ты нам в этом году, сделай нас обильными и в следующем»... И напиток их делается из меда. И на струнных инструментах они играют при сжигании мертвого и говорят: «Мы веселимся, ибо милость божия сошла на него». И лошадей у них мало. Одежда их – рубаха и высокие сапоги. Обувь их подобна длинным табаристанским сапогам, которые носят женщины Табаристана. И средства существования у них не очень обильны. Оружие, которым они сражаются, – дротики, щиты, стрелы и копья. И глава их носит корону, и все они почита-

ют его и повинуются ему, и 1-й из их глав зовется свиет-малик, а его заместитель свих. Столичный город его называется Джарват. Ежемесячно в течение 3-х дней в этом городе происходит базар, на котором всякие вещи продают и покупают. И у них есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепление, т.к. венгры на них постоянно совершают нападения и грабят их. Венгры приходят, а славяне запираются в эти укрепления, которые построили. Зимой большей частью они находятся в замках и крепостях, а летом в лесах. У них много рабов. Если схватят вора, забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают. И между ними распространены прелюбодейния, и если женщина полюбит мужчину, то сблизается с ним, и когда он берет себе жену, если она окажется девственницей, то делает ее женой, если же нет, то продает и говорит: «Если бы в тебе был прок, то сохранила бы себя»... Если же, став женой, предается прелюбодейнию, то муж убивает ее, не принимая извинений. У них много напитков из меда. Есть у них люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка...

Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море, и остров этот протяженностью 3 дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. И есть у них царь, называемый хакан рус. Число жителей на этом острове 100 000. И эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, отвозят в Хазаран и Балкар и там продают. И у них нет посевов и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами. И если рождается у них сын, извлекают меч, кладут возле него, и отец говорит: «У меня нет ни золота, ни серебра, ни скота, чтобы оставить тебе в наследство, сам себе все добудь мечом».

Торгуют они сободем и белкой и другими мехами. Носят чистые одежды, и с рабами обращаются хорошо. И нет у них обыкновения, чтобы кто-либо оскорблял чужеземца. И если кто оскорбит, то половину имущества его отдают потерпевшему. И одежда людей русов и славян из льна... На острове много городов. У них много сулеймановых мечей. Если они воюют, то стоят друг с другом заодно, не ссорятся между собой и совместно действуют, пока не победят врага. Если возникает между ними спор, идут к хакану и разрешают спор по его решению, или же хакан приказывает, чтобы решали

спор мечом, кто победит, тот и выигрывает спор. Есть у них знахарь, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинёт им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут, и говорит: «Это указ царя», – то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства.

И царь их взимает с торговли 1/10. Всегда 100-200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся. И там у них находится много людей из славян, которые служат им, пока не избавятся от зависимости... Если убивают у них взрослого мужа, то делают ему все вместе в земле просторную и большую могилу, как просторный дом, и все его имущество, и кувшин для омовения, и питье, и еду кладут с ним и сажают к нему живую его жену, затем закрывают могилу, пока жена там не умрет».

АНОНИМНАЯ «ЛЕТОПИСЬ ГРУЗИИ» (XI В.) О СОЗДАНИИ ВНУКОМ ХАЗАРСКОГО ЦАРЯ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). – Сухуми, 1959.

«Когда ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был сыном дочери хазарского царя и, воспользовавшись силой их, отложился от греков, завладел Абхазией и Эгриси до Лихи, принял имя царя абхазов».

АРАБСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК АБУ ХАМИД АЛ-ГАРНАТИ (1080-1170) О ХАЗАРАХ И ГУЗАХ, БУЛГАРАХ И «ЖИТЕЛЯХ СУВАРА», СЛАВЯНАХ, ВЕНГРАХ И «БАШКИРДАХ»

Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / Пер. О.Г. Большакова. – М., 1971; Хамидуллин Б.Л. Из глубины столетий. – Казань, 2000/2004.

Из книги «Выборка воспоминаний о чудесах стран»

«И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки.

И на ней находится город, который называют Саджсин, в нем 40 племен гуззов, и у каждого племени – отдельный эмир. У гуззов большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий 100 и больше человек. А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба – тысячи, не счесть их числа. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары, которых тоже несколько племен. А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Суvara», она тоже многочисленна...

А эта область очень холодная. И в этой реке есть такие виды рыб, подобных которым я вообще не видел на свете, одну рыбу может снести только сильный мужчина, и еще такой вид рыбы, что ее может снести только сильный верблюд. Но есть среди них также и маленькие. В такой рыбе нет мелких косточек и нет костей даже в голове, и зубов у нее нет. Она вроде овечьего курдюка, напигованного куриным мясом, нет, даже приятнее мяса жирного барашка и вкуснее. Эту рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее жирной баранины и курятины. Покупают такую рыбину, в которой 100 маннов, за полданика. И извлекают из ее живота жир, которого хватает для светильника на месяц, а из желудка выходит полманна и больше рыбьего клея. И вялят ее ломтями, и становится она лучше всякого на свете вяленого мяса, цвета красного, просвечивающего янтаря, ее едят с хлебом, как она есть, не нужно ни варить, ни жарить.

У них имеет хождение олово, каждые 8 багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса.

А мясо у них дешевое, так что бывают бараны, когда приходят караваны неверных, 1 баран за полданика, а ягненок за тассудж. И у них столько разных сортов фруктов, что больше не бывает, и в том числе чрезвычайно сладкие дыни, и есть сорт дынь, который держится зимой.

А зима у них очень холодная. Их зимние дома – из больших бревен сосны, положенных один поверх другого, а их крыши и по-

толки из деревянных досок. И разводят они в домах огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараньими шкурами с мехом, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много.

И замерзает эта река так, что становится, как земля, ходят по ней лошади и телята и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются. И прошел я эту реку в ширину, когда она замерзла, и была ширина ее, без рукавов, которые вытекают из этой реки, 1000 шагов и 840 с чем-то шагов моими шагами.

А джинны сделали Сулайману рядом с этой рекой тысячу рек, каждая река размером в милю, и вынули из них землю, и стало так, будто около этой реки гора, ширина ее – полет стрелы, а рядом с ней похожих на нее тысяча гор и тысяча рек, рек глубоких, наполненных водой из этой реки. И размножается в них рыба, и становится многочисленной, подобно праху. И любое судно, которое приходит в одну из этих рек, ставит сеть в устье реки, и вводят они суда в устье, наполняя суда рыбой. Даже если бы судов была бы сотня, то и они заполнились бы из одной реки разными видами рыбы, а эти реки не были бы исчерпаны. Нет ничего подобного этому.

А за этими реками и горами на несколько дней пути протянулась земля, вся покрытая солью, красной, и белой, и синей, и разных других цветов. Наполняют ею суда и везут по этой реке в Булгар. А между Саджсином и Булгаром по этой реке надо плыть 40 дней.

А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. А вокруг него без конца всяких народов, они уже за пределами семи климатов. Когда день длинный, то длина его 20 часов, а ночь – 4 часа. А когда наступает зима, длится ночь 20 часов, а день – 4 часа.

А летом в полдень жара у них сильная, сильнее, чем во всем свете, а вечером и ночью воздух холодает, так что нужно много одежд. Я постился там в месяц рамадан летом, и нарушил пост, и забирался под землю в помещение, в котором была вода, выходящая из земли. А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза. А царь в это время сильных морозов выходит в походы против неверных и уводит в плен жен их, их сыновей и дочерей и лошадей. А жители Булгара – выносливейшие из людей в отношении мороза, потому что пища их и питье по большей части из меда, мед же у них дешевый.

И есть в их земле кости племени Ад, ширина одного зуба – 2

пяди, а длина его – 4 пяди; а от головы его [т.е. великана] до плеча – 5 ба, а голова его, как большой купол, и их там много. А под землей есть бивни слонов, белые как снег, тяжелые как свинец, один – 100 маннов и больше и меньше, не знают, из какого зверя они выломаны. И вывозят их в Хорезм и Хорасан. Из них изготавливают гребни и шкатулки и другое, так же как изготавливают из слоновой кости, но только это – крепче слоновой кости: не ломается.

И выше этой страны обитают народы, которым нет числа, они платят джизью царю болгар. А смысл слова *болгар* – ученый человек. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к ним из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?» Оба они сказали: «Да». Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь хазар во главе большого войска, и сражался с ними, и сказал им: «Зачем принял эту веру без моего приказа?» И сказал им мусульманин: «Не бойтесь, кричите: Аллах велик!» И они стали кричать: «Аллах велик! Аллах велик! Аллаху хвала! О боже, благослови Мухаммада и род Мухаммада!» – и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство, так что этот царь заключил с ними мир и принял их веру, и сказал: «Я видел больших мужей на серых конях, которые убивали моих воинов и обратили меня в бегство». И сказал им этот богослов: «Эти мужи – войско Аллаха, великого и славного».

А ученый у них называется *балар*, поэтому называли эту страну «Балар», смысл этого – «ученый человек», и арабизировали это, и стали говорить «Булгар». Это прочитал я в «Истории Булгара», переписанной болгарским кадием, который был из учеников Абу ал-Маали Джувайни, да помилует его Аллах.

А у Булгара есть область, жители которой платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок. А день там летом 22 часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров.

А бобер удивительное животное, живет в больших реках, и строит дома на суше рядом с рекой, и делает для себя что-то вроде

высокой суфы, а справа от него приступка для жены, пониже той суфы, что для него, а слева от него – для его детей.

А в нижней части этого дома место для его рабов. И есть у дома дверь к реке и дверь повыше – на сушу. А он питается то деревом халандж, то рыбой. Они нападают друг на друга и берут друг друга в плен. И купцы в этой стране и в Булгаре отличают шкурки бобров-рабов; дело в том, что бобер-слуга режет дерево халандж для своего господина и оттаскивает его ртом, а поэтому слуга, который срезает его, трет его своими боками, и выпадает шерсть из его шкуры справа и слева. По этим признакам и говорят: «Это – слуга бобра». А у бобра, которого обслуживают, нет следов на шкуре. А Аллах всевышний говорит: «...И внушило ей распущенность ее и богобоязненность».

А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит 40 дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем – большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет каждый купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары.

И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфохане, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон.

И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных – только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль.

А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и

люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски – ба, а ширина – пядь. Перед и конец такой доски приподняты над землей, посредине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке – палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти, он величиной с человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются палкой позади, как делают моряки на корабле, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что снег на земле вроде песка, не слеживается совсем. И какое бы животное ни пошло по этому снегу, проваливается в него и умирает в нем, кроме собак и легких животных вроде лисицы и зайца, а они проходят по нему легко и быстро. А шкуры лисиц и зайцев в этой стране белеют так, что становятся вроде ваты, таким же образом белеют и волки. В области Булгара их шкуры белеют зимой.

А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем болгарцы везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и ее жители покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников. А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, чтобы бросить его в море Мраков. И когда они бросают мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу вроде огромной горы, которую преследует, желая ее съесть, другая рыба, больше ее во много раз. И спасается маленькая от большой, и приближается к суше, и попадает на место, откуда не может возвратиться в море, и остается там. А большая рыба не может достать меньшую и возвращается в море.

Выходят жители Йура в море на судах и отрезают мясо от ее боков, а рыба не чувствует этого и не шевелится, и они наполняют свои дома ее мясом и поднимаются на ее спину, а она как огромная гора. И остается она у них какое-то время, пока они отрезают от нее: каждый, кто бросил в море меч, берет от рыбы долю. А иногда поднимается вода моря, и всплывает эта рыба и возвращается в море, а ее мясом наполнены уже 100 000 домов, а то и больше.

А мне рассказывали в Булгаре, что одной из этих рыб в один из годов сделали отверстие в ухе, и проделали в него веревки, и потащили эту рыбу; и открылось ухо рыбы, и изнутри его вышла девушка,

похожая на потомков Адама: белая, краснощекая, черноволосая, толстозадая, прекраснейшая из женщин. И взяли ее жители Йуры и привезли на сушу, и это существо стало бить себя по лицу, и рвать волосы, и вопить. А Аллах сотворил ей в ее средней части, от пояса до колен, нечто вроде белой кожи, похожее на крепкую плотную ткань, покрывающее ее срам, будто изар, обвязанный вокруг пояса и прикрывающий ее срам. Они держали ее, пока она не умерла у них. Поистине, могуществу Аллаха нет предела!

Говорят: действительно если жители Йура не бросят в море мечи, о которых я упоминал, то им не будет послана рыба, и они умрут от голода.

Жителям Вису и Йура запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда в эти области вступает кто-нибудь из них, даже в самую сильную жару, то воздух и вода холодают, как зимой, и у людей гибнут посевы. Это у них проверено. Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый, как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобровое и беличье мясо и мед.

И есть в их стране вид большой птицы с длинным клювом, клювы этих птиц повернуты вправо и влево: верхняя половина – вправо на 6 пядей, [нижняя] – влево на 6 пядей, вот таким образом, вроде лам-алифа. А когда эта птица ест или пьет, то смыкает свой рот, и ест, и пьет. А мясо этой птицы помогает от камней в почках и мочевом пузыре. Его привозят вяленным, нарезанным маленькими кусочками. А когда ее яйцо упадет на лед или снег, то растапливает его, как растапливает огонь. И селится она только на земле или на дереве.

Когда я поехал в страну славян, то выехал из Булгара и плыл на корабле по реке славян. А вода ее черная, как вода моря Мраков, она будто чернила, но притом она сладкая, хорошая, чистая. В ней нет рыбы, а есть большие черные змеи, одна на другой, их больше, чем рыб, но они не причиняют никому вреда. И есть в ней животное вроде маленькой кошки с черной шкурой, зовут его водяным соболем. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджсин, а водится он в этой реке.

Когда я прибыл в их страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей, и ячменем, и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева.

Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые 18 шкурок стоят по счету славян серебряный дирхем, связывают шкурки в связку и называют ее *чакан*. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.

На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их выюков за хаббу и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда шкурки испортятся в их домах, то их, иногда даже рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые 18 в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают.

А у славян строгие порядки. Если кто-нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его. И остается он рабом, служа тому, у кого он находится, пока не умрет или не отдаст то, что заплатили за него. И совсем не засчитывают ему в его цену ничего за служение господину...

Я оставался у них с караваном длительное время, страна их безопасна. Харадж они платят булгарам. И нет у них религии, они почитают некое дерево, перед которым кладут земные поклоны. Так мне сообщил тот, кто знает их обстоятельства.

И прибыл я в город славян, который называют «город Куйав». А в нем тысячи «магрибинцев», по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджнук...

И остались у них некоторые из моих спутников, обучавшихся у меня, а я поехал к народу башкирд, обитающему в сорока днях пути выше страны славян, мимо языческих народностей, разновидностям которых нет числа. И живут они среди высоких деревьев и садов, таких больших деревьев я не видел нигде на всем свете, а плодов у них нет...

И вот прибыл я в страну Ункурийа [Венгрия], там народность, которую называют башкирд, она первая из тех, что вышли из страны тюрков и вступили в страну франков, и они [венгры] храбры, и нет им числа. И страна их, которая известна под названием Ункурийа, состоит из 78 городов. У каждого из этих городов множество крепостей, и волостей, и сел, и гор, и лесов, и садов. И в ней живут тысячи «магрибинцев», нет им числа. И в ней – тысячи хорезмийцев, которым тоже нет числа. А хорезмийцы, служа царям, внешне исповедуют христианство, а втайне – ислам; магрибинцы же служат христианам только во время войн и открыто исповедуют ислам.

...До этого они не знали пятничного моления, и вот выучились они пятничной молитве и хутбе, и я им сказал: «Подлинно, пророк, да благословит и сохранит его Аллах, сказал: «Пятничное моление – хаджж бедняков, кто не в состоянии совершить хаджж, но присутствует на пятничном молении, тому будет записано вознаграждение хаджжа». А сейчас у них больше 10 000 мест, где в пятницу произносят хутбу явно и тайно, потому что их область огромна. Я пробыл среди них 3 года, но смог посетить только 4 города. А эта область расположена от Великой Румии до границ Кустантиний. И в ней есть горы, в которых добывают золото и серебро.

И эта страна – одна из наиболее изобильных и благоденствующих: бараны бывают по двадцати за динар, а ягнята и козлята – по тридцати за динар, а мед – 500 ритлей за динар, а красивая невольница – 10 динаров. А во время набегов покупают превосходную невольницу за 3 динара, а румского невольника... [пропуск в тексте].

Я купил невольницу, рожденную в рабстве, отец, мать и брат которой живы, купил я ее у ее хозяина за 10 динаров, она была 15-ти лет, прекраснее полной луны, черноволосая и черноглазая, белая, как камфара, умела варить, шить и считать. И купил я другую невольницу, румийку, 8-ми лет, за 5 динаров...

Родился у нее сын и умер. Я освободил ее и назвал ее Марьям, мне очень хотелось, чтобы она поехала со мной в Саксин, но я

опасался за нее из-за тюркских невольниц-матерей, которые были у меня в Саксине.

А царь народа башкирд все время разоряет страну Рум. Я сказал этим мусульманам: «Участвуйте в джихаде вместе с этим царем, и будет вам записано за это вознаграждение джихада. Они вышли вместе с ним в страну Кустантинии и обратили в бегство 12 армий царя Рума. И привели группу туркмен из войска Кони. Я спросил некоторых из них: «Зачем вы пошли в войско царя Рума?» Они ответили: «Он нанял каждого из нас за 200 динаров, и мы не знали, что в этой земле есть мусульмане». Я послал их в страну Рума, чтобы они вернулись в Конию.

И прибыл правитель Кустантинии, прося мира, и роздал много денег, и возвратил множество пленных мусульман. И рассказали мне некоторые из пленных мусульман, которые были в Руме, что царь Рума спросил: «По какой причине царь башкирд выступил против моей страны и опустошил ее, ведь у него не было такого обыкновения?» И сказали ему: «У царя башкирд есть войско из мусульман, которым он позволил открыто исповедовать их религию, они-то и есть те, которые привели его в твоё царство и опустошили твою страну». И сказал царь Рума: «А вот мусульмане, которые у меня, не сражаются вместе со мной». Ему ответили: «Ты принуждаешь их к принятию христианства». Он сказал: «Я никогда не принуждал мусульман к принятию моей религии и даже строил им мечети, чтобы они сражались вместе со мной».

А царя башкирд зовут кирали, и царство его больше царства правителя Рума во много раз, и войско его неисчислимо. И страна его обширнее страны Рум на 20 дней пути и даже больше. Он исповедует толк ифранджей, потому что он взял жену из них и совершает походы на страну ифранджей и берет их в плен. И все народы боятся войны с ним из-за многочисленности его войск и большой его храбрости.

И когда он услышал, что я запрещаю мусульманам питье вина и разрешаю иметь наложниц и 4 свободных жены, то сказал: «Это неразумно, потому что вино укрепляет тело, а обладание многими женщинами ослабляет тело и рассудок, религия мусульман не придерживается разума». А я сказал переводчику: «Скажи царю: закон мусульман не похож на закон христиан, ведь христианин пьет вино за едой, как воду, и не пьянеет, и это увеличивает силу, а мусульманин, который пьет вино, желает от него только сильно-

го опьянения, и уходит его разум, и становится он как безумный: прелюбодействует, и убивает, и безбожничает, – нет в нем ничего хорошего, – и отдает свое оружие и коня, и растрчивает деньги в погоне за наслаждением вином. А ведь они здесь – твоё войско. И когда прикажешь ты ему идти в поход, не будет у него ни коня, ни оружия, ни денег – все потерял из-за питья. Так знай же: либо ты его убьешь, или побьешь, или прогонишь, либо придется дать ему коня и оружие, а он снова его погубит. Что касается наложниц и жен, то совокупление подходит мусульманам из-за пылкости их природы. А кроме того, они – твоё войско, и, если умножатся их дети, умножится и твоё войско».

И сказал он: «Послушайте этого старца. Он действительно умен. Женитесь, как хотите, я не буду этому препятствовать». Этот царь противодействовал священникам и разрешал иметь наложниц. Этот царь любил мусульман.

И оставил я у них моего старшего сына Хамида, а ему было в тот день, когда я его оставил, 30 с лишним лет, и был он женат на двух женщинах из дочерей почтенных мусульман, и был наделен сыновьями. И был он достойным ученым. В детстве я давал ему по полданика за каждый вопрос, который он запоминал...

...И видел я в Булгаре человека из потомков адитов, рост которого – больше 7 локтей, я доставал ему до пояса. Он был сильным: брал заколотую лошадь, и ломал ее кости, и рвал кожу и сухожилия быстро, в одно мгновение, я не мог бы разрубить ее с такой скоростью и топором. А царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке. А шлем у него из железа вроде большого котла. Он сражался такой огромной длинной дубиной из крепкого дуба, которую не сможет поднять сильный мужчина, а она в его руках была как палка в руке одного из нас. А тюрки уважали и почитали его и, когда видели его идущим им навстречу, то разбегались, говоря: «Это господь наш прогневался на нас». Но при всем этом он был любезным, добродетельным, миролюбивым. И не было в Булгаре бани, которая могла бы его вместить, кроме одной высокой бани с широкими дверями».

Из книги «Подарок умам и выборки диковинок»

«И впадает в это море огромная река, называемая Итиль; выходит она выше Булгара из области Мраков. Она раз в 100 или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает 70 рукавов, каждый ру-

кав, как Тигр, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река. Я ходил по ней в зимнее время, когда она замерзла так, что стала, как земля. По ней ходят люди, и конники, и верблюды, и телята, и остальные домашние животные. И была ширина ее 1840 с чем-то шагов. В ней есть разные виды рыб, каждый вид не похож на другой. Есть рыба весом в 100 маннов и больше и меньше, она длинная, у ней есть хобот, а в нем маленький рот, в который влезает только палец; в ней нет мелких косточек, нет у нее зубов и нет больших костей. Из ее желудка извлекают клей, который вывозят во все страны, ее жарят и кладут под нее рис, как под мясо, а она вкуснее любого мяса, которое едят на всем свете, а этот рис, который под ней, вкуснее всякого риса, который кладут с жирной курицей, а рыбий жир и мясо без привкуса и совсем без запаха; она – одно из чудес света...

...И слышал я в Булгаре, а это – город на краю стран ислама, на севере, он выше Саксина в 40 днях, что день там бывает летом 20 часов, а ночь – 4 часа, а зимой бывает ночь 20 часов, а день – 4 часа.

Усиливается там мороз до того, что когда умрет у кого-нибудь кто-то, то они не могут его похоронить 6 месяцев, потому что земля становится, как железо, и невозможно в ней копать могилу. И умер у меня там сын, и было это в конце зимы, и я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме 3 месяца, пока не смог похоронить его, и оставался мертвец, как камень.

И выезжают купцы из Булгара в страну неверных, которых называют Вису, из нее идут превосходные шкурки бобров, а к ним привозят мечи, которые делают в Азербайджане, в виде клинков без полировки; покупают в Азербайджане 4 таких меча за 1 динар. И закаливают их большой закалкой, так что когда подвешивают клинок за нитку и ударяют, то долго звенит. И это те мечи, которые годятся для них; и покупают за них бобров.

А жители Вису отправляются с этими мечами в страну поблизости от Мраков, возвышающуюся над Черным морем, и продают эти мечи у них за собольи шкурки. И берут они эти клинки и бросают их в Черное море, а всевышний Аллах выводит им рыбу, подобную горе, за которой следует рыба больше нее в несколько раз, желая ее съесть, и выбрасывается первая рыба вблизи суши на место, откуда не может возвратиться.

И выходят они к ней на судах и отрезают ее мясо месяцами,

пока не наполнят свои дома, и коптят и вялят такое количество ее мяса и жира, что нет ему конца. А иногда море поднимается, и возвращается эта рыба в море, а ее мясом уже наполнено 100 000 домов или больше.

А когда рыба бывает меньше, то боятся, что она будет кричать, когда в месте, где отрезают мясо, дойдут до ее костей, и их дети и женщины уходят в место, отдаленное от моря, чтобы не слышать ее криков...

И, как говорят, через Булгар шел Зу-л-Карнайн на Йаджудж и Маджудж, а Аллах, великий и славный, лучше знает. И это малое из большого, которое мы сократили, а Аллах лучше знает, он всемогущ, нет божества, кроме него, восхваляемого и всевышнего.

...Затем поселились эти великаны в земле булгар и в земле башкирд. А я видел их могилы, в стране Башкирд; передний зуб одного из них – 4 пяди в длину зуба и 2 – в ширину. И была у меня в Башкирде половина корня резца, которую вынули для меня из нижней челюсти, а вторая половина была обломана в древности. Ширина половины этого зуба была пядь, а вес ее – 1200 мискалей, я ее взвесил, сейчас она в моем доме в стране Башкирд. Округлость челюсти этого адита была 17 локтей, а в доме одного из моих учеников в Башкирде была плечевая кость одного из них, длина которой 8 локтей. А ширина их ребер – каждое ребро по 3 пяди, оно, как мраморная доска. И вынули мне половину сустава локтевой кости одного из них, часть ее сгнила в земле, а то, что около верхнего сустава, было цело. Я не мог поднять ее одной рукой, поднял ее только обеими руками. И в Булгаре тоже есть их кости вроде этого. И это так, как рассказал аш-Шаби в «Жизнеописании царей». А Аллах великий и славный сказал: «И увеличил вам в сотворенной наружности величину».

А я видел в Булгаре в 530 [1135/1136] году высокого человека из потомков адитов, рост которого больше семи локтей, по имени Данки. Он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка. А сила у него была такая, что он ломал рукой голень лошади и разрывал мясо и жилы, как другие рвут зелень. А правитель Булгара изготовил ему кольчугу, которую возили на повозке, а шлем для его головы, как будто котел. Когда случилось сражение, он сражался дубиной из дуба, которую держал в руке, как палку, но если бы ударил ею слона, то убил бы его. И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со

мною почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса, да помилует его Аллах.

И не было в Булгаре бани, в которую он мог бы войти, кроме одной, с большими дверями, и он ходил в нее. Он был диковиннейшим из сынов Адама, никогда я не видел подобного ему. И была у него сестра его же роста, я видел ее в Булгаре много раз. И сказал мне в Булгаре судья Йакуб ибн Нугман: «Ведь эта высокая женщина-адитка убила своего мужа, которого звали Адам, а был он из сильнейших мужчин Булгара: она прижала его к своей груди и сломала ребра, и он сразу умер»».

ПЕРСИДСКОЕ АНОНИМНОЕ СОЧИНЕНИЕ «МОДЖМАЛ АТ-ТАВАРИХ» (1126) О РУСАХ

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.

«Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, т.к. не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался.

Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф по приказу отца своего Лехрасфа в то время, когда Кей-Хосров его послал к хазарам и аланам... Рассказывают также, что у Руса был сын, которому в схватке с каким-то человеком разбили голову. Он пришел к отцу весь в крови. Тот ему сказал: «Иди и порази его!». Сын так и сделал. И остался такой обычай, что, если кто-либо русов ранит, они не успокоятся, пока не отомстят. И если дашь им весь мир, они все равно не отступятся от этого. И один другому из них не оказывает доверия. Когда родится сын, отец кладет ему на живот меч и говорит: «Вот тебе наследство!»».

АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ АШ-ШЕРИФ АЛ-ИДРИСИ (1100-1165) О СТРАНАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРИКАСПИЯ, РУСАХ, ХАЗАРАХ, АЛАНАХ, ДУНАЙСКИХ И ВОЛЖСКИХ БОЛГАРАХ

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М., 1999.

«Море Нитас [Черное море] простирается на восток, омывая с южной стороны берега земли Хараклийа, земли Аструбули, Атрабзунда, земли Ашкала, земли Ланийа, а крайний предел этого залива достигает земли ал-Хазарийа. Оттуда море поворачивает к Матрахе, граничит со страной ар-Русийа и страной бурджан [Дунайская Болгария] – а это от реки Данабрис до реки Дану, идет к началу пролива ал-Кустантини и приходит к городу ал-Кустантинийа, затем омывает с востока страну Маказунийа и доходит до того места, где начинается. Длина моря Нитас от начала пролива до крайнего предела на востоке 1300 миль...

Море ан-Нитаси подобно большому заливу. Его длина с запада на восток – 13 дней морского плавания; что касается его ширины, то она различна, а самое широкое место в нем составляет 6 дней плавания. На южном берегу этого моря, там, где он достигает запада, лежит страна Хараклийа, за нею следует страна ал-Калат, страна ал-Бунтим, страна ал-Хазарийа, страна ал-Куманийа, страна ар-Русийа и земля бурджан. Море начинается от города ал-Кустантина, из канала, ведущего к нему из моря аш-Шама, соединенного с морем ал-Музлим. Ширина этого канала у города ал-Кустантина составляет 6 миль, а длина от ал-Кустантина до слияния с заливом ан-Нитаси – 60 миль...

А все море, называемое Нитас, доходит с южной стороны до страны Лазика и простирается далее, пока не доходит до города ал-Кустантина; длина моря – 1300 миль, ширина – 300 миль, а его самое широкое место достигает 400 миль...

Что касается моря Джурджана и Дайлама [Каспийское море], то оно изолированное, не соединяющееся никоим образом с упомянутыми выше морями. В него впадает множество рек и постоянных источников. С восточной стороны к этому морю примыкает страна гузов, с северной стороны – земля хазар, с западной же – страна Азарбайджан и ад-Дайлам, а с юга – страна Табаристан. Длина его составляет

1000 миль, ширина, от Джурджана до устья реки Исил, 650 миль...

Сообщаем, что море Табаристана [Каспийское море] – это изолированное море, никак не соединяющееся с другими морями. Его длина с запада на восток с небольшим отклонением к северу составляет 800 миль, а ширина – 600 миль. В нем есть 4 острова. Ал-Хаукали рассказывает в своей книге, что это море также не соединяется с другими морями, которые есть на поверхности земли, ни посредством связи, ни посредством смешивания, кроме того, что входит в него из реки ар-Рус, известной под названием Исил. Эта река берет начало в земле тюрок и течет, отклоняясь на восток, пока не достигнет земли болгар; там она разделяется на 2 рукава, 1-й из которых течет в море ал-Баб ва-л-Абваб [Каспийское море], о котором мы уже говорили, тогда как 2-й рукав течет на запад до моря Нитас... И если человек объедет это море, то вернется к тому месту, с которого начал, не встретив преград, и не преградит ему путь ни одна река, кроме реки Исил, впадающей в него. Это море соленое, у него нет приливов и отливов. Его глубокие воды темны в отличие от моря ал-Кулзум и других морей, потому что на дне его лежит черная глина. Автор «Книги чудес» говорит, что это море соединяется с морем Нитас подземным каналом, а между ними находится участок суши шириной в 600 миль. В этом море не добывают ничего, кроме рыбы. Торговцы плавают по нему со своими товарами из земли мусульман в землю хазар, которая расположена между Арраном, Джилом, Табаристаном и Джурджаном...

Что касается западного края моря Мрака, то он граничит с северной стороной страны ар-Русийа, отклоняется в северном направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом уже нет никакого прохода...

Что касается земли ар-Русийа, то это большая страна, но города ее невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными. Расстояния между городами большие, а области изолированы одна от другой. Там ведутся постоянные войны и междоусобицы между их племенами и соседними народами...

От города Салав [Переяславль Русский] до города Кукийана [Киев] из земли Булгар 8 переходов. Кукийана – город тюрок, называемых Руса. Русов 3 группы. Одна их группа называется равас, и правитель ее живет в городе Кукийана. Другая их группа называется ас-Салавийа, и правитель ее живет в городе Салав. Этот город стоит на вершине горы. Третья группа называется ал-Арсанийа, и

правитель ее пребывает в городе Арса. Город Арса – красивый укрепленный город на горе, и местонахождение его – между городами Салав и Кукийана. От Кукийаны до Арсы 4 перехода, а от Арсы до Салав 4 дня пути. Купцы-мусульмане из Арминии доходят до Кукийаны. Что касается Арсы, то шайх ал-Хаукали сообщает, что никто из чужеземцев туда не проникает, т.к. они обязательно убивают всякого чужестранца, входящего к ним, и поэтому никто не отваживается войти в их землю. От них вывозят шкуры черных леопардов и черных лисиц и свинец – все это вывозят от них купцы из Кукийаны...

[Река Русийа] это большая река, берущая начало с вершины горы ал-Кабк. Далее она течет на север и пересекает страну ал-Ланийа. На ней нет известных городов, но по обоим берегам имеются населенные деревни и обильные посева. Затем эта река течет на запад до тех пор, пока не впадает в море... По ней плавают небольшие лодки, которые используют для перевозки легких вещей – товаров и припасов, переправляемых из одного места в другое. От устья этой реки до города Аскасийа 150 миль. Это красивый город из числа городов страны ал-Ланийа и одна из ее пограничных областей. От города Аскасийа до города Ашкала из страны ал-Ланийа 20 миль. Между городом Ашкала и морем около 6 миль. Это город небольшой, но оживленный, его округа имеет всего вдоволь для пропитания его жителей. От него по берегу моря до города Астабрийа 20 миль. Этот город стоит у моря. Это цветущий, населенный город с оживленными рынками, обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей – купцы, их имущество изобильно. От города Астабрийа до города ал-Ланийа 24 мили. По этому городу его народ назван аланами. Этот город построен в древности, и неизвестно, кто его построил. От города ал-Ланийа до города Хазарийа, по которому именуются хазары, 45 миль. Это большой, цветущий город, обильно орошаемый водами. Он стоит на реке. От города ал-Хазарийа до города Кира 25 миль...

Ал-Булгар – это название города. Среди его жителей есть христиане и мусульмане. В нем имеется соборная мечеть. Близ него расположен город Сувар. Его постройки деревянные, в них укрываются его жители зимой, а летом они укрываются в шатрах...

Что касается страны болгар, то там находится город Сабун. Это укрепленный город, расположенный на вершине горы и окру-

женный возделанными землями, дающими хорошие урожаи. На севере этой страны лежит гора Кукайа...

Из городов внутренних басджиртов назовем Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, т.к. туземцы убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил».

ПЕРСИДСКИЙ ИСТОРИК АБУ ХАСАН БЕЙХАКИ (XII В.) О БУЛГАРАХ И ХОРАСАНА

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – М., 1967.

«Государем Булгара и той области, которую целиком называют Булгар, был эмир Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ибн Б.л.т.вар; в 415 [1024/1025] году он видел в своем владении сон, что тебе, мол, следует направить некоторые деньги в Бейхак, область Нишапура, чтобы они истратили те деньги на соборную мечеть в Себзеваре и Хосровджерде, истратили бы на построение тех двух мечетей. Он послал много денег, послал удивительные дары для государя Хорасана, каких никто не видал. Просто чудеса мира. В то время те деньги истратили на построение этих двух мечетей».

МУСУЛЬМАНСКИЙ УЧЕНЫЙ ЙАКУТ АЛ-ХАМАВИ ВИЗАНТИЕЦ (1179-1229) О БУРТАСАХ

Галкина Е.С. Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // Rossica antiqua. – 2010. – № 1.

«Они граничат с хазарами, и нет между ними другого народа. Они племя, кочующее по долинам побережья Итиля. Буртас: название области и города. И они мусульмане, у них есть соборная мечеть. Рядом – другой город, называемый Сувар, и в нем тоже соборная мечеть. У буртасов особенный язык – не тюркский, не хазарский и не болгарский. Сказал ал-Истахри: Сообщил мне тот,

кто произносил там проповеди, что количество народа в этих двух городах около 10 000 человек и у них деревянные постройки, в которых они живут зимой, а летом они кочуют. И сообщил мне хатиб этой мечети, что ночь у них летом такая, что человек не успевает пройти 1 фарсах. Из Итиля, города хазар, до буртасов расстояние в 20 дней пути, а из первого города буртасов до второго около 15 дней».

АНОНИМНЫЙ НОТАРИЙ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ – АВТОР «ДЕЯНИЙ ВЕНГРОВ» (1203) О БУЛГАРАХ

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, слаянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. – СПб., 1869.

«Во время мадьярского герцога Таксони, около 970 г. пришла в Венгрию толпа мусульманских приволжских болгар под начальством двоих братьев, Билла и Боксу; а затем, немногим позже, пришла и другая толпа под начальством некоторого Хесена. Они встречены дружелюбно, и им отвели сельбища на левом берегу Дуная, где они основали город Пешт... Этих переселившихся из Болгарии мусульман называли в Венгрии Билерами, т.е. болгарами, и исмаилитами, т.е. мусульманами; впоследствии они играли важную роль в Венгрии в качестве откупщиков и управляющих финансами, несмотря на всевозможные гонения и притеснения».

**V. «...ОДОЛЕЛ
СВЯТОСЛАВ
ХАЗАР...»**

**ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ (XIV В.) О СЛАВЯНАХ,
РУСИ И ХАЗАРАХ
(в этой летописи использован текст «Повести временных
лет» рубежа XI-XII вв.)**

«Лаврентьевская летопись. 1377 г. Электронное представление рукописного памятника»

© Российская национальная библиотека, 2012

«Вслед за тем, по смерти братьев этих [Кия, Щека и Хорива] поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань захватили мы». Те же спросили у них: «Откуда?». Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, т.е. саблями, а у этих оружие обоюдоострое, т.е. мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось это все, т.к. не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. Так вот было и при Фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так вот и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день...

В год 6472 [964]. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все про-

чие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам – по щелягу от рала даем».

В год 6473 [965]. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял».

РУССКАЯ БЫЛИНА «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЖИДОВИН»

Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» // <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl2/bl2-425-.htm>

«Стал Илья Муромец говорить своим товарищам: «Вот живем мы на Руси, богатыри, и не имеем своего заповедного луга, где без спросу атамана никто не смеет проехать». Выбрали тогда богатыри заповедный луг, где нельзя никому проехать без спросу атамана и без его разрешения. Там были: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Васька Долгополой и Гришка боярский сын. Выбрали они атаманом Илью Муромца, а есаулом – Добрыню Никитича и стали охранять свой заповедный луг.

Однажды все разошлись: все богатыри по разным сторонам. Илья приходит проведать свой заповедный луг. И как раз посередине луга какой-то богатырь проехал. Копытами коня были вырыты такие следы, что вроде погребка. Подъехали туда же другие богатыри. Стали решать, кого послать в погоню за этим богатырем. Решили послать Гришку боярского сына. Уже Гришка боярский сын налаживался садиться на своего коня, как Илья и говорит: «Правильно ли мы рассудили? Сын боярина, он очень хвастливый. Хотя он догонит врага, но увидит, что у него и конь, и доспехи плохие, – и начнет хвастаться. А в ту пору противник может его убить». И отложили его.

Решили послать Ваську Долгополого. Стал собираться Васька Долгополой. Не успел он сесть на коня, как Илья и говорит опять: «Правильно ли мы рассудили? Выбрали гонцом неизвестного богатыря. Я думаю, что это неправильно. У Васьки Долгополого пола длинная. В бою попадает пола под ногу, упадет он, а противник убьет его». Остановили Ваську Долгополого.

Выбрали тогда Алешу Поповича. Тот тоже собрался, уже садился на своего коня, но не успел уехать. Илья опять говорит: «Правильно ли мы выбрали гонца? По-моему, так неправильно, потому что поповский сын шибко завидливый. Хотя он и догонит богатыря, да может отпустить богатыря за откуп, а не то позарится на хорошую одежду, сбрую и упустит богатыря». И его отложили, оставили.

Илья и говорит: «По-моему, есаула надо послать, Добрыню Никитича». И есаул Добрыня Никитич сел на коня и поехал гнаться за неизвестным рыцарем. Конечно, он долго гнался за ним. В конце концов увидал, что едет богатырь около моря, копьем в облаках играет. И стал кричать Добрыня Никитич: «Стой, говорит, почему ты нарушил закон?! Без разрешения атамана, без никакой платы по нашему лугу поехал». Богатырь услышал и повернул коня. Так быстро повернул, что земля закачалась, море заволновалось, птицы выше облака поднялись, а звери на самые вершины гор убежали, а рыбы в самую глубину опустились. А у Добрыни Никитича лошадь на бок упала. Поднял Добрыня своего коня, садился в седло и без оглядки убежал. Приехал к своим товарищам. И спросил у Добрыни Никитича Илья: «Ну, говорит, есаул, как ваши успехи?» Рассказал все Добрыня, что случилось с ним. «И не дай Бог, – говорит Добрыня, – за ним гнаться никому!».

Тогда Илья оседлал своего коня, садился на него и поехал в погоню. Долго пришлось Илье гнаться за неизвестным богатырем. Увидел Илья богатыря около моря и стал кричать: «Стой, говорит, поговорим!».

Богатырь, как раньше, вернулся – вся земля закачалась, и море заволновалось, птицы выше облака полетели, звери на вершины гор убежали, рыбы ко дну ушли. Но Илья не испугался, встретил того богатыря и, не спросив друг дружку, ударились они своими железными палицами. Так они ударяли, что булатные палицы отломались, копыта согнулись до негодности. Бились они на конях

врукопашную, кони пеной у обоих покрылись, как снег, белые стали, а богатырские руки всё еще не устали.

Слезли тогда они с коней и начали бороться пешими. 12 суток боролись. Т.к. Илья 30 лет калекой лежал, левая нога у него послабее была – спотыкнулся и упал Илья вниз. Неизвестный богатырь на грудь ему лег.

Илья и думает: «В святых правилах неправильно же пишут. Там написано, что Илье в битве смерти не будет, а смерть приближается!» Подумал это Илья, собрал все силы и сбросил богатыря с себя вверх 6 сажень. Богатырь упал в сторону. Прижал его Илья к земле и стал наверху. «Скажи, говорит, какого ты рода, какого племени и какого вероисповедания?» А неизвестный богатырь и говорит: «Если бы я наверху был, – сказал бы тебе, какого я роду».

2 раза спросил Илья: а богатырь не отвечает. На 3-й раз Илья и говорит: «Ну, говорит, скажи, кто ты такой?» Неизвестный богатырь и сказал: «Я, говорит, у Жидовинихи, сын Жидовин». – «Покоришься али нет?» – говорит Илья. «Я, говорит, лучше смерть приму, а не покорюсь».

Отрубил тогда Илья ему голову».

Гибель сильного и развитого экономически и культурно [хазарского] государства не дала ничего положительного ни одному из окружающих его и плативших ему дань народов и соседних государств.

С. А. Плетьева, 2005

I. Основные письменные источники о хазарах.....	5
II. Древние тюрки Евразии.....	17
Бехистунская скальная надпись персидского царя Дария I о его походе на саков в 519 г. до н.э.....	18
Греческий историк и географ Страбон (64 до н.э. – 24 н.э.) о «восточных скифах».....	19
Китайский историк Бань Гу (32-92) о сюнну (хуннах).....	22
Византийский дипломат Приск Панийский (V в.) о «царских скифах» – гуннах.....	30
Древнетюркская легенда о происхождении рода Ашина.....	51
III. Первые упоминания о хазарах. Их сюзерены и соседи.....	53
«Отец армянской историографии» Мовсес Хоренаци (≈410-500) о булгарах, хазарах и басилах.....	54
Византийский юрист и церковный историк Захарий Ритор (≈470- 536-553) о сабирах, «бургарах», аланах, аварах и хазарах.....	55
Готский историк Иордан (500-560) о скифах, булгарах, гуннах и савирах.....	57
Византийский писатель Прокопий Кесарийский (≈500-570) об антах и славянах, гуннах, савирах и амазонках.....	72
Дипломат Менандр Византиец (вт.п.VI в.) об антах и разных тюркских племенах, о торгово-политическом союзе греков с «турками, в древности называвшимися саками».....	76
Византийский писатель и историк Феофилакт Симокатта (нач. VII в.) о единобожии тюрков.....	87
Скевофилак и пресвитер Феодор Синкелл (п.п. VII в.) о походе авар и славян на Константинополь в 626 г.....	87
Франкский летописец Фредегар Схолостик (сер. VII в.) о славянах и аварах.....	89
Армянский географ Анания Ширакаци (≈610-685) о народах Сарматии.....	90
Тюркские мемориальные письма в честь политических и военных деятелей Кок-тюркского каганата Тоньюкука (646-724) и Кюль-тегина (685-731).....	91
Патриарх Константинопольский Никифор (758-828) о Великой Болгарии.....	103
IV. Хазары и иные восточноевропейские народы в письменных источниках до XIII в.....	105
Историк лангобардов Павел Диакон (720-800) о болгарях хана Альзеко.....	106
Именник ханов Дунайской Болгарии (вт.п. VIII в.).....	106
Анонимный «Дербенд-наме» о войнах хазар с персами и арабами.....	107
Армянский богослов и историк Левонд (конец VIII в.) о «стране Гуннов» (савирах), войне арабов и хазар.....	125
Византийский монах Феофан Исповедник (760-818) о хазарах, болгарях, славянах, аланах, абазгах и апсилах, о войне арабов с «Турцией» (Хазарией).....	129
Среднеазиатский математик и астроном Ахмад ал-Марвази (≈770-870) о мадьярах.....	144

Персидский географ Абу Касим бен Хордадбех (≈820- 885 или 912) о титулах хазар и русов, городах Хамлидж, Баланджари Самандар, о «путях еврейских купцов».....	145
Арабский шейх и географ Абу Исхак ал-Истахри (849-934) о хазарах, булгарах и русах.....	147
Арабский географ Абу Зайд ал-Балхи (850-934) о булгарах, буртасах и Хазарии.....	151
Персидский ученый Абу Али бен Русте (п.п. X в.) о буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и Руси.....	152
Арабский дипломат Ахмад бен Фадлан (п.п. X в.) «о том, что он сам наблюдал в стране тюрков, хазар, русов, «славян», башкир и других народов».....	157
Арабский ученый Абу Хасан ал-Масуди (896-956) о хазарах и буртасах, волжских и дунайских болгарях, русах и славянах.....	179
Византийский император Константин VII Багрянородный (905-959) о «северных скифах» – печенегах, русах, венграх и хазарах.....	187
Еврейский путешественник Ибрагим бен Якуб (912-966) о дунайских болгарях и славянах.....	195
Письмо хазарского царя (≈932-961) Иосифа бен Аарона в Кордовский халифат Хасдау бен Шафруту.....	197
Арабский географ Ибн Хаукал ан-Нисиби (вт.п. X в.) о славянах и русах, болгарях/булгарах и хазарах, буртасах и печенегах, аварском «царстве Сарир» и аланах.....	212
Византийский писатель Лев Диакон (≈950-1000) о балканских войнах русского князя Святослава.....	216
Армянский (утийский?) историк Мовсес Каланкатуаци (Каганкатваци) (конец X в.) об аланах и «стране Баслов», гуннах и «хазирах».....	218
Персидский историк Абу Саид Гардизи (XI в.) о венграх, славянах и русах.....	251
Анонимная «Летопись Грузии» (XI в.) о создании внуком хазарского царя Абхазского царства.....	253
Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати (1080-1170) о хазарах и гузах, булгарах и «жителях Сувара», славянах, венграх и «башкирдах».....	253
Персидское анонимное сочинение «Моджмал ат-таварих» (1126) о русах.....	266
Арабский географ аш-Шериф ал-Идриси (1100-1165) о странах Причерноморья и Прикаспия, русах, хазарах, аланах, дунайских и волжских болгарях.....	267
Персидский историк Абу Хасан Бейхаки (XII в.) о булгарах и Хорасане.....	270
Мусульманский ученый Йакут ал-Хамави Византиец (1179-1229) о буртасах.....	270
Анонимный нотариус венгерского короля – автор «Деяний венгров» (1203) о булгарах.....	271
V. «...одолел Святослав хазар...».....	273
Лаврентьевская летопись (XIV в.) о славянах, Руси и хазарах.....	274

Русская былина «Илья Муромец и Жидовин».....	275

ISBN 978-5-98356-226-4

Научное издание

Хамидуллин Булат Лиронович

ХАЗАРЫ И ИХ ВАССАЛЫ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Редактор и корректор *А. Г. Аксенова*
Технический редактор, дизайн обложки
и компьютерная верстка *А. А. Низамиев*

Подписано в печать 10.01.2014. Формат 60×84/16.
Печ. листов 17,50. Тираж 500 экз.
Заказ К-17.

ООО «Слово»
420066, г. Казань, ул.Декабристов, д.2
E-mail: Slovopress-s@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паритет»
г. Казань, ул. Родина, д. 6